

Ошо

Манифест Дзен

Свобода от себя

ПРИМЕЧАНИЕ

Конец каждой беседы в этой серии следует определенному распорядку, который может озадачить читателя, который сам не побывал здесь.

Во-первых, это время Сардара Гурудаяла Сингха - это время шуток, названное так в честь «Сардарджи» — старого саньясина, известного своим сердечным и заразительным хохотом. За шутками следует медитация, состоящая из четырех стадий. Каждая стадия медитации предваряется сигналом Ошо барабанщику Ниведано. Этот удар гонга представлен в тексте следующим образом:

Первая стадия медитации — «джибериш», тарабарщина, о которой Ошо говорит: «Она очищает ум от всевозможной грязи... Говорите на любом языке, которого вы не знаете... Выбросите все свое безумие». На несколько мгновений зал совершенно сходит с ума, когда тысячи людей кричат, вопят, бормочут чепуху и размахивают руками. Джибериш представлен в тексте следующим образом:

Вторая стадия — это период молчаливого сидения, фокусировки сознания на центре, точке свидетельства.

Третья стадия — расслабление. Все в зале опускаются на землю, позволяя раствориться границам, которые сохраняют их разделенными.

Финальные сигналы гонга возвращают собрание к положению сидя. Во время каждой стадии медитации участников сопровождают слова мастера. Здесь воспроизводится полный текст каждой вечерней медитации.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Это исчезновение и есть анатта

Глава 2. Пусть христианский корабль тонет

Глава 3. Ждать, ждать ничего

Глава 4. Свобода это не распущенность

Глава 5. Небо завершения

Глава 6. Хаос — сама природа существования

Глава 7. Ум лишь думает

Глава 8. Бегство вовнутрь

Глава 9. Небольшие интервалы света

Глава 10. Чем меньше вас

Глава 11. Саммасати — последнее слово

Возлюбленный Ошо,

Когда Тенджикю спросили о случае, когда Танка сжег статую, он ответил:

«Когда холодно, мы собираемся вокруг горящего камина».

«Ошибся он или нет?» — настаивал монах.

«Когда жарко, мы сидим в бамбуковой роще в долине», — сказал Тенджикю.

На следующий день после сожжения статуи Танка Теннен отправился навестить Нан-е, который был когда-то учеником Ено, а теперь был мастером дзен у императора. Когда Танка развернул свой коврик для задзен, Нан-е сказал: «Не нужно».

Танка сделал несколько шагов назад. Нан-е сказал:

«Правильно».

На это Танка сделал несколько шагов вперед. Нан-е сказал: «Неправильно».

Танка обошел вокруг Нан-е и ушел. Нан-е прокомментировал: «Прежние золотые деньки далеко, и люди теперь так ленивы. Лет через тридцать к этому парню не подступишься».

ЭТО ИСЧЕЗНОВЕНИЕ И ЕСТЬ АНАТТА

20 ФЕВРАЛЯ 1989 ГОДА Аудитория Гаутамы Будды, ПУНА, Индия

Друзья, пора, созрело время для Манифеста Дзен. Западные интеллигенты познакомились с дзен, даже полюбили дзен, но они, тем не менее, пытаются подходить к дзен посредством ума. Они все еще не поняли, что дзен не имеет ничего общего с умом.

Его потрясающая работа в том, чтобы вырвать вас из тюрьмы ума. Это не интеллектуальная философия; это вообще не философия. И это также и не религия, потому что в нем нет ни вымыслов, ни обманов, ни утешений. Это львиный рык. И величайшее, что дзен принес в мир — это свобода от самого себя.

Все религии твердили об отбрасывании эго — но это очень странный феномен: они хотят, чтобы вы отбросили свое эго, а эго — просто тень Бога. Бог — это эго вселенной, а эго — это ваша личность. Точно так же, как Бог является центром существования, согласно религиям, эго является центром вашего ума, вашей личности. Они все время твердили об отбрасывании эго, но оно не может быть отброшено, пока не отброшен Бог. Вы не сможете отбросить тень или отражение, если не уничтожен источник его проявления.

Итак, религии говорили непрерывно, веками, что вы должны избавиться от эго, но они приводили неверные доводы. Они требовали от вас отбросить эго, чтобы вы могли сдаться Богу, чтобы вы могли сдаться священникам, чтобы вы могли сдаться любой чепухе, любой теологии, суеверию, системе верований.

Но вы не можете отбросить эго, если это отражение Бога. Бог — это обман снаружи, во вселенной, а эго — это обман внутри вашего ума. Ум попросту отражает больший обман соответственно своему размеру.

Религии поставили человечество перед великой дилеммой: они все время восхваляли Бога, и в то же время осуждали эго. Поэтому люди оказались в очень расщепленном, шизофреническом состоянии. Они упорно пытались отбросить эго, но чем упорнее они пытались, тем тяжелее становилось отбросить эго — ведь кто собирается отбрасывать? Эго пыталось отбросить само себя. Это невозможно. Поэтому даже у смиреннейших, так называемых религиозных людей эго становилось очень тонким, но оно не исчезало. Вы можете увидеть эго в глазах ваших святых.

Один из моих саньясинов ездил к У. Г. Кришнамурти, и из-за того, что поспорил с ним, У. Г. Кришнамурти сейчас же разозлился. И такие люди, как У. Г. Кришнамурти, велят людям отбросить гнев, отбросить жадность, отбросить эго. Но если вы спровоцируете их... Вся их религиозность только на поверхности. Внутри прячется очень набожное эго, а когда эго становится набожным, оно становится ядовитым. Это еще более опасно, поскольку вы абсолютно не осознаете его, оно уходит очень глубоко в бессознательное.

У. Г. Кришнамурти прожил с Джидду Кришнамурти двенадцать лет, но он никогда не упоминает его имени. Если кто-то упоминает имя Джидду Кришнамурти, он тут же отвергает Джидду Кришнамурти, — а все, что он говорит, это просто имитация Джидду Кришнамурти, пересказ. Причина, по которой он не может признать того факта, что пробыл с Джидду Кришнамурти двенадцать лет, очень проста. Если он признает это, вы сможете сравнить его слова со словами Джидду Кришнамурти, и вы обнаружите, что это простой пересказ. Он повторяет, имитирует; он ничего не знает.

Такие люди были в мире всегда. Они перепробовали все то, что предписывали религии, но их

усилия не могут устранить тень. Если у бамбука есть тень, вам не удалить тени бамбука, пока вы не удалите сам бамбук. Вы не можете непосредственно устранять тени; тени — это следствие. Если бамбук остается, остаются и тени. Но тень может быть очень тонкой.

Я слышал историю, как лисица выбралась из своей норы...

Рано утром, когда позади нее всходило солнце, ее тень была очень длинной. Она сказала: «Боже мой! Я такая большая? Ну, тогда на завтрак мне нужен, по меньшей мере, верблюд!»

И она отправилась добывать верблюда на завтрак.

Но найти верблюда лисице не удалось. Был уже полдень, и солнце стояло над ее головой. Лисица очень проголодалась. Она еще раз глянула на тень, но тень исчезла. Она не исчезла, она просто ушла под лисицу. Пока была лиса, была и тень — но теперь для лисы она стала абсолютно невидимой. Любой другой мог видеть ее, но не лисица; тень просто ушла под лисицу.

Именно это происходит с так называемыми религиозными людьми. Они загоняют свои тени, свое эго, свой гнев, свою жадность, свои амбиции в бессознательное. Но все это по-прежнему остается в бессознательном, и это гораздо более опасно, потому что вы не осознаете. Вы думаете: все исчезло.

До того, как мой саньясин начал спорить с У. Г. Кришнамурти, это был просто великий святой, такой тихий, такой умиротворенный. Когда начался спор, он испугался, что может быть пойман, он не смог ответить на вопросы, и неожиданно возник гнев. Может, он и не подозревал об этом гневе, но мой саньясин помог ему! Он пожелал избавиться от саньясина.

Этот У. Г. Кришнамурти не является подлинным и искренним человеком, — но вы можете угодить в ловушку из-за того, что он повторяет прекрасные фразы. У него хорошая память, у него хороший интеллект, но это тень.

Даже сам Джидду Кришнамурти обычно очень сердился при одном виде моих саньясинов. Я сказал моим саньясином: «Где бы ни выступал Джидду Кришнамурти, садитесь в первый ряд». В то время саньясины носили красные одежды и малу с моим портретом, поэтому они сразу бросались в глаза.

В тот момент, когда Джидду Кришнамурти видел, что повсюду мои саньясины, он забывал, на какую тему собирался говорить. Он принимался осуждать меня и осуждать саньясу. Этот человек говорил всю свою жизнь об осознанности, — и он напрочь забывал, о чем собирался говорить. И так бывало не однажды... поскольку мои саньясины оказывались везде. Где бы он ни собирался говорить — в Лондоне, в Сан-Франциско, в Бомбее, в Нью-Дели, в Мадрасе — везде мои саньясины были в первых рядах.

У него была на меня такая аллергия, что, как только он замечал саньясинов, то совершенно выходил из себя. Несколько раз он даже принимался колотить себя по голове, приговаривая: «Зачем вы приходите сюда? Я против саньясы». А я сказал моим людям: «Смейтесь! Рассердите его, как только возможно! Это выявит настоящего человека, который скрывается позади». Он даже не мог понять, почему это происходит повсюду, почему он доходит до безумия. Он принимался осуждать меня, осуждать саньясу, и становился почти неврастеником.

Вид моих смеющихся саньясинов только подливал масла в огонь, и он злился все больше и больше. Он не мог понять, отчего эти люди не обижаются, но, напротив, смеются. Саньясины отнимали все его время.

Легко толковать о прекрасных вещах, блистать интеллектом. Кришнамурти был воспитан теологами особого сорта, — Теософским обществом — в начале этого столетия оно было всемирной организацией; они прочили Джидду Кришнамурти в Мировые Учителя.

Никто не может сделать человека Учителем Мира; все подготовленное будет фальшивым. Они почти замучили его во имя дисциплины. Они взяли его девятилетним, и с того момента ему не позволялось бывать в мире, ему не позволялось ходить в общество. Ему непрерывно вдалбливали писания. Рано утром, в три часа, он должен был встать, принять холодную ванну и быть к услугам теософов, лидеров движения, которые декламировали санскритские писания, тибетские писания, дзенские писания. А он почти засыпал — девятилетний ребенок... И так продолжалось до его двадцатипятилетия.

Им удалось создать определенную личность — вы можете создать только личность — а они надеялись, что создали Учителя Мира. Теперь он писал прекрасные поэмы, замечательные статьи, которые публиковало отделение Теософского общества, созданное специально ради Джидду Кришнамурти. Эта организация называлась «Звезда Востока», и они публиковали журналы, периодику, литературу, все о Кришнамурти, создавая в мире определенную атмосферу, чтобы его восприняли как Мирового Учителя.

Но все это было навязано извне. Джидду Кришнамурти не обладал реализацией, но был достаточно умен, чтобы постепенно уразуметь все писания. Он был, к тому же, и честен; У. Г. Кришнамурти не был даже честен.

Наконец, они решили, что Джидду Кришнамурти готов, и созвали мировую конференцию в Голландии — которая была их крупнейшим центром. Шесть тысяч лидеров теософского движения из всех стран собрались, чтобы встретить Джидду Кришнамурти и объявить его Мировым Учителем.

Он взошел на сцену... И то, что он произнес, было поистине историческим случаем честности: «Я не Мировой Учитель». Это был удар по всему теософскому движению. Это подрывало все движение. Но он полностью ознакомился со всей великой литературой по мистицизму. Он распустил эту организацию, «Звезду Востока», которая была создана специально для него, вышел из Теософского общества, и вся его дальнейшая жизнь была реакцией на это.

Он был исполином разума. Это был протест против всех тех, кто заставлял его делать вещи, неестественные для него. Ему совсем не давали быть естественным. Ему не разрешалось встречаться с девушками, не разрешалось общаться с обычными людьми. Ему не разрешили поступить в обычную школу или колледж, у него были только домашние учителя — чтобы можно было представить его миру как высшее существо, как будто он пришел как мессия, непосредственно от Бога.

Конечно, если бы он не был честен, он мог бы заявить миру: «Я Мировой Учитель». Он был готов для этого интеллектуально; его память была полностью запрограммирована. Но поскольку все это было навязанным, это вызвало бунт глубоко внутри. Он не знал ничего из

того, о чем говорил, о чем писал. Он не знал ничего.

Одна из его лучших книг — «У ног мастера». Ее опубликовали, когда ему было тринадцать или четырнадцать лет, — просто чтобы показать, что даже в четырнадцатилетнем возрасте он смог создать такую великолепную книгу. Ее написал не он; она была написана человеком по имени Лидбитер. Лидбитер был одним из его преподавателей, он был прекрасным знатоком восточных религий.

Я просматривал всю литературу Теософского общества того времени, чтобы узнать этот стиль, кому принадлежит этот стиль. Лидбитер уже написал много книг, демонстрирующих большое понимание и эрудицию. Эта книга, которую опубликовали под именем Джидду Кришнамурти, была написана им, и, возможно, отшлифована другими. Джидду Кришнамурти даже не помнил, когда он написал эту книгу.

Когда он оставил теософское движение, его спрашивали: «Как же насчет книги «У ног мастера», которая стала мировым бестселлером?» Это замечательная книга. А он говорил: «Не знаю. Я не помню, чтобы писал это».

Он был честным, но из-за того, что все это навязывались ему, в нем был постоянный протест, бунт, и всю свою жизнь он прожил с этим чувством. Теософское движение разрушило этого человека. Он мог бы стать Гаутамой Буддой — у него были все возможности — но из-за этого протеста он всю свою жизнь сражался с этими мертвыми учителями, с мертвыми лидерами Теософского общества — Анни Безант, Лидбитером и другими. Он боролся с этими тенями всю жизнь — против мастеров, против мистиков, против писаний — но это не пришло как откровение, это пришло как протест.

Вся его жизнь оказалась напрасной из-за теософского движения. Этот человек обладал потенциалом Гаутамы Будды; если бы они позволили ему расти естественно, эта возможность могла осуществиться. Но они разрушили его, и он не смог избавиться от них. Те тени, с которыми он жил в своем раннем детстве, так укоренились в нем, что он сражался против них. Он жил в негативном, но нельзя, живя в негативном, созреть и распуститься, как цветок лотоса.

Таким образом, даже Джидду Кришнамурти не был просветленным, а У. Г. Кришнамурти — это тень непросветленного интеллектуального гиганта. У. Г. Кришнамурти даже не интеллектуальный гигант, но он продолжает проповедовать теми же словами, тем же языком, но пытается скрыть этот факт.

На днях я увидел статью о нем в газете. Корреспондент спросил его: «Когда и где вы стали просветленным?» И его ответ был: «Я не знаю, когда и где».

Просветление не случается во времени или в пространстве. «Когда» и «где» — это время и пространство. Оно происходит, когда вас нет нигде. Оно происходит, когда есть вечность, нет времени. Но его ответ может произвести впечатление на многих людей — люди очень легковерны.

Я намеренно рассказываю об этом случае — поскольку вся интеллигенция Запада чрезвычайно заинтересована дзен, но ее интерес остается интеллектуальным. Эти люди написали отличные книги, и мы будем обсуждать в этом Манифесте почти всех, кто написал книги по дзен.

Мое усилие состоит в том, чтобы вы на самом деле уяснили, что все эти интеллектуалы, может, и написали самые замечательные книги... я ценю их эрудицию, я ценю их красноречие, но они не люди дзен — тем более не Мастера дзен. Потому этот Манифест абсолютно необходим, чтобы весь мир понял: дзен не относится к уму. Это пространство не-ума.

Я говорил вам, что все религии учат: «Отбрось эго». Дзен выходит за пределы эго и за пределы «я». Никакая религия, кроме дзен, не приходит к точке выхода за пределы «я», за пределы атмана, за пределы вашего духа, за пределы вашей индивидуальности. Это дар человеческому сознанию, принесенный абсолютно уникальным человеком — Гаутамой Буддой.

Дзен — это наивысшее цветение. Каждый Мастер что-то привносил, какое-то новое измерение, мало-помалу совершенствуя образ Гаутамы Будды. Гаутама Будда — единственный человек, сказавший: «Просто отбрасывание эго не поможет. Оно может быть легко отброшено, если вы отбросите Бога». Он отбросил Бога — эго исчезло. Луна исчезла. Отражение исчезло. Он отошел от зеркала, зеркало опустело. Его отражение в зеркале пропало. Он боролся с отражением.

Я слышал об одной уродливой женщине... Ее очень сильно нервировали зеркала - потому что только зеркала заставляли ее осознавать свое уродство. Без зеркал она была вполне довольна собой, она была прекрасна. Как только она видела, зеркало — даже в чужом доме — она тотчас разбивала его. Причина была в том, что зеркало делало ее уродливой. Эти несчастные зеркала не имели никакого отношения к ее уродству. Уродливой была она, но она перекладывала ответственность на зеркала, борясь с зеркалами.

Такова сущность ваших религий: борьба с зеркалами, с тенями, попытка отбросить эго без отбрасывания Бога. Эго есть просто отражение лжи в маленьком пруду вашего ума.

Гаутама Будда отбросил идею Бога и был изумлен: как только Бог исчез, исчезло эго. Оно было просто отражением Бога. Отсюда мое усилие устранить Бога. Не устранив Бога, вы не сможете устранить эго. Эго тень предельной лжи в маленьком пруду вашего ума. Потом, когда эго исчезло с Богом, Будда пришел к пониманию, что даже «я» должно исчезнуть.

Есть религии, которые имеют Бога, эго и «я»: иудаизм, христианство, ислам, индуизм. И есть религии, которые не имеют Бога — даосизм, буддизм, джайнизм — но в них есть «я». Поскольку Бога у них нет, эго исчезает само собой. Теперь все их усилие направлено на то, чтобы сделать себя чище, благочестивее. Теперь начинаются усилия другого рода.

Будда единственный человек, который сказал: «Если нет Бога и нет эго, то «я» тоже произвольно, искусственно. Когда вы углубляетесь внутрь себя, вы внезапно обнаруживаете, что исчезли в океаническом сознании. «Я» как такового нет. Вас больше нет, есть только существование.

Поэтому я называю дзен по существу, свободой от самого себя. Вы слышали о других свободах, но свобода от самого себя — окончательная свобода — не быть, и предоставить существованию, выражать себя во всей своей спонтанности и великолепии. Но — существованию, не вам, не мне. Это сама жизнь танцует — не вы, не я.

Таков Манифест дзен: свобода от самого себя. И за эти двадцать пять столетий только дзен оттачивал методы, средства, чтобы заставить вас осознать: вас нет, «я» — искусственно, это

просто идея.

Когда вы выходите за пределы ума, даже идея «я есть» исчезает. Когда «я» тоже исчезает, и вы начинаете чувствовать глубокую вовлеченность в существование, без ограничений — тогда только дзен расцветает в вас. Фактически, это и есть состояние пробужденного сознания. Но оно не имеет в центре ни «я», ни атмана, ни «себя».

Чтобы пояснить вам... Сократ говорит «Познай себя». Гаутама Будда говорит: «Познай — просто познай, — и ты не найдешь самого себя». Войдите глубже в свое осознание, и чем глубже вы идете, тем быстрее начинает таять ваше «я». Быть может, именно по этой причине ни одна из религий, кроме дзен, не использует медитацию — ведь медитация будет разрушать Бога, разрушать эго, разрушать «я». Она оставит вас в абсолютном ничто. Лишь только ум заставляет вас опасаться ничто.

Я получаю вопросы почти каждый день: «Почему нас пугает ничто?»

Вы боитесь, потому что вы не знаете ничто. И боитесь лишь потому, что вычисляете интеллектуально: «Какой смысл? Если в медитации надо исчезнуть, лучше уж оставаться в уме». По крайней мере, вы есть — может, иллюзорно, может, просто идея, но, по крайней мере, вы есть. Какой смысл совершать все это безуильное усилие просто, чтобы исчезнуть в ничто?

УМ попросту заставляет вас остерегаться выходить за пределы границ ума, потому что за пределами границ ума вас больше не будет. Эго будет окончательной смертью.

Гаутама Будда умирает окончательно, вы умираете только временно. Может, всего несколько минут, несколько секунд — и вы входите в еще одну утробу. Какие-нибудь идиоты всегда занимаются любовью, двадцать четыре часа в сутки, по всему миру, и не нужно далеко ходить — они рядом. Круглосуточно миллионы пар занимаются любовью, так что любая ближайшая пара... здесь вы умираете и там рождаетесь. Промежуток очень невелик.

Но просветленный человек, человек, который познал свое ничто, свою не-самость (no-self), свою анатту, попрос-ту исчезает в космосе.

УМ боится, и это кажется логичным, очевидным: какой смысл? Зачем ему делать такую вещь, в которой он исчезает?

Гаутаму Будду спрашивали снова и снова: «Ты странный парень. Мы пришли сюда, чтобы реализовать свое «я», а твоя медитация — это нереализация «я»».

Сократ был просто великий гений, но ограниченный умом: «Познай себя»- Нет «себя», чтобы познать его. Таков Манифест дзен, обращенный к миру. Познавать нечего. Нужно просто быть в единстве с целым. И не нужно бояться...

Подумайте: когда вы еще не родились, разве была какая-нибудь тревога, какое-нибудь беспокойство, боязнь? Вас не было, не было и проблем. Вы и есть проблема, начало проблемы, и с вашим ростом возникает все больше и больше проблем... Но разве были какие-нибудь проблемы, пока вы не родились?

Мастера дзен постоянно спрашивают новоприбывших:

«Где вы были перед тем, как родился ваш отец?» Вопрос абсурдный, но полный огромного значения. Они спрашивают вас: «Если вас не было, не было и проблемы. Так о чем же беспокойство?» Если ваша смерть становится окончательной смертью, и все границы исчезают, вас не будет, но будет существование. Танец будет, а танцора не будет. Песня будет, но певца не будет.

Испытать такое, возможно лишь опустившись глубже, за пределы ума, до самой глубины вашего существа, к самому истоку жизни, откуда истекает ваша жизнь. Внезапно вы понимаете, что ваш образ себя был произвольным. У вас нет образа, вы беспредельны. Вы жили в клетке. Как только вы поняли, что ваши истоки беспредельны, внезапно клетка исчезает, и вы можете расправить свои крылья и исчезнуть в голубом небе. Это исчезновение и есть анатта, это исчезновение и есть свобода от самого себя. Но это возможно не через интеллект, это возможно лишь только через медитацию. Дзен — это другое название медитации.

Сотни замечательных книг появились на Западе после очень странного человека, Д. Т. Судзуки, представившего дзен Западу. Он дал первый толчок, но он не был ни Мастером дзен, ни даже человеком дзен. Он был большим ученым, и его импульс дошел до интеллигенции всех стран. Он немедленно получил огромный отклик.

Когда старые религии разрушаются, особенно на Западе... От христианства осталось лишь название, его империя рассыпалась. Христиане пытаются задержать распад, но это невозможно. Оно распадается, и вакуум с каждым днем становится все больше и больше, как бездонная глубина, которая вызывает тошноту.

Книга Жан-Поля Сартра «Тошнота» очень показательна. Стоит вам увидеть эту бездонную яму, эту бессмысленную жизнь — что вы совершенно произвольны, ненужны, случайны, — и вы утрачиваете всякое достоинство. И чего вы ждете? — Ждать нечего, впереди только смерть. Это вызывает огромную тревогу: «Мы никчемны... никто не нуждается в нас... существование безразлично».

В этот самый момент на западном горизонте появился Д. Т. Судзуки. Он был первым человеком, заговорившим о дзен в западных университетах, колледжах, и он чрезвычайно привлекал разумных людей, потому что они потеряли веру в Бога, они разуверились в Святой Библии, они потеряли веру в Папу.

Как раз сегодня около дюжины немецких епископов собралось, чтобы заявить: Папа перешел все пределы, его непрерывная проповедь против контроля рождаемости подводит человечество к черте, за которой половине мира предстоит умереть голодной смертью; Папу больше никто не должен слушать.

Это чистый бунт. Эти двенадцать епископов из Герма-нии сформировали комитет, они собирают все больше и больше епископов, чтобы восстать против Папы и заявить, что он не является непогрешимым. История показывает, что папы и архиепископы ошибались. Ведь именно идея о непогрешимости Папы сделала его абсолютным диктатором. Теперь это невыносимо.

В начале этого столетия, особенно в богатых странах запада, началось кипение энергии против всех старых религий. В бедных странах у людей нет времени; им не хватает даже пищи, им нечем прокормиться. Все их время уходит на добывание пищи, одежды, крова. Они не могут обсуждать великие проблемы жизни, они даже не представляют их. Пища, — вот вопрос, — а не Бог!

Вот почему бедных так легко обратить в христианство — просто обеспечивая пищей, просто давая им кров, обслуживание. Но они не обращены в христианство. Они попросту не интересуются Богом. Их не интересует никакая вера — главное для них то, что они голодны и умирают от истощения!

Когда вы голодны и умираете от истощения, вы не думаете о Боге, вы не думаете о преисподней и небесах. Главное, о чем вы думаете, это где достать хлеба с маслом. И если кто-нибудь даст вам хлеб и масло с условием, что вы должны быть католиком, вы согласитесь: это лучше, чем помирять с голоду.

Поэтому бедные страны все больше и больше становятся католическими, все больше и больше становятся христианскими. Однако на самом западе христианство утрачивает свою паству. Не более двадцати пяти процентов людей посещают церкви. Семьдесят пять процентов людей полностью разочарованы. Эти двадцать пять процентов в большинстве женщины, и ходят туда они по особой причине: это единственное место, где вы можете посплетничать, встретиться с другими женщинами и увидеть, у кого лучше одежда, шуба, драгоценности, машина. Церковь — это единственный клуб, куда допущены женщины. Все остальные клубы — это мальчишеские клубы, где старые мальчики разговаривают о женщинах, но женщин туда не допускают.

Даже на приемах, как только обед закончен, женщины удаляются в отдельную комнату и оставляют мальчиков одних. Мальчики будут пить, кричать, драться и нести всякую чепуху, которую не могут сказать перед женщинами, поскольку они немного смущаются. Поэтому женщины удаляются. И это хорошо, потому что у женщин свои сплетни: кто в кого влюбился. Пусть мальчики занимаются своим делом, а старые девочки займутся своим.

Церковь — это единственное место, в котором все религии позволяли женщинам собираться; все прочие социальные организации их бойкотировали. Они не могли быть членами многих организаций, многих клубов; все было ориентировано на мужчину. Сфера женщины, ее территория — это дом. Ее нужно ограничить этой территорией. Поэтому церковь была единственной отдушиной; они ждут воскресенья.

Вот почему эти двадцать пять процентов — женщины. Туда может зайти несколько мужчин — те, которые боятся оставлять своих жен одних и те, которые ищут новую подружку. Но это не имеет ничего общего с религией.

Д. Т. Судзуки проявился на Западе с новым подходом к существованию. Он привлекал людей, потому что был человеком огромной учености, глубокой эрудиции, и он принес западному уму совершенно новую концепцию религии. Но она осталась концепцией, она осталась умственным аргументом, она не шла глубже этого.

Параллель существует в Китае. Китай уже был обращен в буддизм до прихода Бодхидхармы. Бодхидхарма прибыл туда четырнадцать веков назад, но философия и религия Гаутамы Будды

достигли Китая две тысячи лет назад, за шестьсот лет до Бодхидхармы. За эти шестьсот лет ученые обратили в буддизм весь Китай.

В те дни было очень легко обратить целую страну. Вы попросту обращали императора, потом обращался весь его двор, потом вся армия, потом вся бюрократия. А когда император, вся бюрократия с армией и все так называемые мудрые люди императорского двора были обращены, массы просто следовали за ними.

Массы никогда ничего не решали самостоятельно. Они просто смотрели на людей, которые провозглашали себя великими — властными, разумными, богатыми. Если эти люди обращены, массы просто следуют за ними.

Итак, за эти шесть столетий в Китай прибыли тысячи буддийских ученых, и они обратили Китай — императоров, губернаторов. И, тем не менее, это не было подлинным посланием Гаутамы Будды. Несмотря на то, что Китай стал буддистским. Будда еще не появлялся.

Бодхидхарма был послан его мастером; это была женщина. Она сказала: «Ученые подготовили путь, теперь иди ты. Ты чрезвычайно необходим там». Бодхидхарма был первым буддой, вошедшим в Китай, и он принес совершенно другой взгляд — не из ума, но из не-ума.

Запад полностью созрел для Манифеста Дзен. Д. Т. Судзуки, Алан Уотс и многие другие — мы будем обсуждать каждого — подготовили почву интеллектуально. Теперь нужен только Бодхидхарма, нужен Гаутама Будда или Махакашьяпа — кто-то, для кого дзен не просто философия, но реальное переживание не-самости, действительное переживание вхождения в ничто.

И когда вы войдете в ничто, вы будете удивлены: бояться нечего. Это ваш истинный дом. Теперь вы можете праздновать, потому что нет ничего больше, чем эта тайна. Это ничто отворяет все двери. Пока вы ограничены личностью, сама идея разделения с существованием поддерживает ваше несчастье.

Вы должны найти подходы — а эти подходы могут быть легко обнаружены лишь, когда у вас есть кто-то, кто уже путешествовал по пути, кто знает, что ничто не является чем-то пустым. В действительности, исчезая, вы не исчезаете, вы становитесь целым. С этой стороны кажется, что вы исчезаете; с той стороны это выглядит, будто вы становитесь целым. Спросите каплю росы.

Я рассказывал вам о Кабире...

Когда он впервые вошел в это ничто, он сразу же написал прекрасное стихотворение, в котором есть фраза: «Капля упала в океан». Его слова поистине прекрасны:

Херат, херат хей сакхм, рахья Кабир херайи — О друг мой, возлюбленный мой, я пустился в путь — искать самого себя, но случилось нечто странное, вместо того, чтобы найти себя, я исчез — совсем, как капля исчезает в океане,

Бунда самани самунда мен со кат хери джайи — Капля исчезла в океане, возможно ли найти эту каплю вновь?

Таким было его первое переживание. Потом он стал больше и больше осознавать океан и забыл вовсе о капле. Перед смертью он позвал своего сына, Камалья. Кабир, несомненно, дал ему правильное имя. «Камаль» значит «чудо» — и сын Кабира был, безусловно, чудом. Он позвал Камалья и сказал: «Скоро я покину тело. Прежде чем я уйду, ты должен исправить одно из моих стихотворений. Всего лишь небольшое исправление...

Я написал: Бунда самани самунда мен — капля вошла в океан. Ты должен изменить это. Просто переставь слова. Самунда самана бунда мен — океан исчез в капле — потому что теперь я познал это с другой стороны.

Мой первый опыт был на этом берегу; теперь я говорю с дальнего берега, из запредельного. Теперь я знаю:

не капля упала в океан, это океан упал в каплю».

Камаль сказал ему: «Я всегда сомневался по поводу этой строки. Могу показать тебе свой вариант».

И он показал Кабиру. Он уже вычеркнул эту строку.

Кабир сказал: «Ты действительно камаль. Ты — чудо. Ты узнал это прежде меня».

Строка была вычеркнута. Камаль сказал: «Я подозревал с самого начала, что это утверждение новичка, первое утверждение, когда он увидит ничто. Но когда он превращается в это ничто, это утверждение становится абсолютно неверным. Теперь к тебе возвращается разум, перед смертью ты пришел в себя, и я рад, что ты больше не новичок, ты стал частью целого».

Потом он написал новую строку - Океан исчез в капле.

Я говорил вам, что Кабир назвал своего единственного сына «Камаль» — «чудо», потому что юноша был, безусловно, человеком необычным. В каком-то смысле даже Кабир сердился на него, поскольку тот обычно задавал вопросы, на которые не мог ответить даже Кабир. И это всегда происходило в присутствии тысяч последователей Кабира. Его собственный сын вставал и приводил его в большое замешательство, потому что он не мог ответить на вопрос.

Однажды он очень разгневался — очевидно, это случилось перед его просветлением — и сказал Камалю:

«Буда ванш Кабир ка — Моя семья заканчивается на мне, Камаль!»

Он подразумевает под «моей семьей» то же самое, что люди дзен называют своим наследством, своей семьей, своими Мастерами. Они говорят не о своих родителях.

Кабир сказал: «Моя семья оканчивается на мне. Я тебе не доверяю».

Камаль ответил: «Если ты не можешь доверять мне, ты не можешь доверять себе. Но поскольку ты отрекся от меня, заявив так, я не останусь в твоём доме. Я построю маленькую хижину рядом, и когда легковёрные люди будут возвращаться от тебя домой, я смогу депрограммировать их».

Он поселился напротив дома Кабира, а так как каждый знал, что он был сыном Кабира, то, покидая Кабира, они заходили почтить и его сына.

Даже император Варанаси был приверженцем Кабира. Кабир был бедным человеком, ткачом. Однажды, когда император Варанаси несколько дней не видел Камалья — а он почти каждый день приходил слушать Кабира и видел, что Камалья нет — он спросил Кабира: «А где Камаль?»

Кабир сказал: «Это печальная история. Я так рассердился, что сказал ему, что моя семья оканчивается на мне, и он сразу же ушел, заявив: «Если твоя семья оканчивается на тебе, я больше не принадлежу к твоей семье». Он поселился отдельно, как раз напротив меня, и беспокоит моих учеников. Это просто нож в сердце! Теперь он ушел от меня, так что я даже не могу ему ничего сказать. Он сидит и сидит там».

Император Каши сказал (Каши это старое название Варанаси): «Пойду, схожу к нему; но что у вас за проблема?»

Кабир отвечал: «Тысячи проблем. Люди приходят с деньгами, алмазами, изумрудами и всевозможными ценностями, а мне они не нужны, поэтому я отказываюсь от них. А он сидит прямо рядом со мной и говорит этим людям: «Хорошо, если он отказывается, несите их мне. Не очень-то это хорошо; вы хотели преподнести что-то, но вас отвергли. Приносите их мне!»

Так что я отказываюсь, а он постоянно собирает. Я сказал ему, что это неправильно, но он заявил: «Подумай о себе. Я сам знаю, что хорошо и что плохо. Не приказывай мне! Я не твой ученик, я твой сын!»

Тут император сказал: «Не беспокойся, я схожу и проверю».

И он принес с собой самый большой алмаз и сказал Камалю: «Я принес тебе в дар самый дорогой алмаз в стране».

Тот сказал: «Можешь заложить его в бамбуковую крышу моей хижины. Если никто не заберет его, он останется там. Время от времени я смогу убедиться, что в моей хижине лежит такой дорогой камень. Здесь не так много украшений».

Император подумал: «Кабир, похоже, прав, он очень ловок и хитер. Он не берет его, но говорит мне: «Положи его там. Если никто не заберет, я буду наслаждаться, разглядывая его. А как только я выйду, он заберет его наверняка».

Итак, император отсутствовал целую неделю, не приходил.

Через неделю он пришел и спросил Камалья: «Где же тот алмаз?»

Камаль отвечал: «Если кто-то взял его, то его нет; в противном случае, он должен быть на крыше. Ты сам положил его, так что легко найдешь его. У меня не было возможности посмотреть на него. Я смотрю внутрь, а твой алмаз снаружи».

Император сказал: «Великолепно!»

Он посмотрел и нашел алмаз точно там, где вложил его в крышу. Он рассказал Кабиру: «Ты

ошибаешься. Твой сын на самом деле чудо. Я думал, что он дурачил меня, обманывал меня, но он даже не взглянул на алмаз, не говоря уже о том, чтобы касаться его. Он сказал мне: «Если кто-нибудь взял его, тогда я не могу знать об этом, потому что гляжу внутрь. Кто угодно может взять его. В хижине нет стражи, нет двери. Иногда мне нужно сходить к Гангу для омовения, и любой может взять его. Поэтому, если он все еще там, ты найдешь его». И я нашел его; он был там. Он даже не взглянул на него. Так что вся твоя идея ошибочна. Твоя идея, что его интересует богатство, абсолютно неверна».

В конце концов, Кабиру пришлось отправиться в хижину и попросить Камала: «Прости меня, возвращайся. Я ошибался. Ты просто испытывал меня — рассержусь я или нет — и я действительно рассердился. Я полагал, что в тебе была жадность».

Камаль сказал: «Я — твоя кровь, твоя плоть, сама твоя сущность. Как ты мог вообразить, что я жадничаю? Ты рассердился и выдал себя: все твое учение — не гневаться, не жадничать — поверхностно.

Это не твое дело. Если я беру вещи, почему это тебя интересует? Вероятно, жадность есть в тебе. Твоя жадность в любой момент может выйти наружу — точно так же, как и гнев. Если бы в тебе не было жадности, ты бы попросту свидетельствовал, что Камаль берет вещи, вот и все. Это дело Камала — позаботиться о своей собственной сущности, это не твое дело. Я не твой ученик. Я сам Мастер».

Кабир заглянул в себя и согласился с Камалем: «Наверное, ты прав. Моя заинтересованность и злость на то, что ты собираешь деньги, демонстрирует мою жадность — не твою жадность, демонстрирует мой гнев — не твой гнев. До чего же радостно ты уходил, коснувшись моих стоп, со словами; «Если ты говоришь, что твоя семья оканчивается на тебе, тогда новая семья начинается с меня».

И он убедил Камала вернуться в семью. Он был преемником Кабира, гораздо более великим человеком, гораздо более осознающим, алертным, гораздо более сознательным. Но, как ни странно, помнят именно Кабира. Он организовал религию своих последователей — Кабир Пантх — Путь Кабира. У Камала нет ничего. Он не создал никакого движения. Несмотря на то, что сотни людей слушали его, он оставался только другом. Он помогал им, делился своим светом, но никогда не давал никакой дисциплины, никаких заповедей, никаких принципов движения.

Когда вы познаете медитацию, вы не должны никому следовать. Ваши глаза открыты, и ваш собственный свет освещает ваш путь; и все хорошее и правильное случается без выбора. Вам не приходится делать этого — вы не можете делать иначе.

В течение шестисот лет в Китае буддизм был только интеллектуальным упражнением, гимнастикой. Но когда Бодхидхарма пришел в Китай, он полностью изменил понятие о дзен. Люди говорили о дзен, как будто это одна из философий — а это не так; как будто это одна из религий — а это не так. Это бунт против ума, а все ваши религии и философии — часть ума.

Это единственный бунт против ума, против личности, единственный бунт, сметающий все ограничения, которые держат вас в тюрьме, и дающий квантовый скачок в ничто. Но это ничто очень живое. Это жизнь, это существование. Это не гипотеза. А когда вы прыгаете, первое переживание — это то, что вы исчезаете. Последнее переживание — то, что вы становитесь

целым.

Несколько вопросов.

Первый вопрос:

Почему такое множество западных интеллектуалов с головой ушло в исследование дзен?

Они чувствовали огромный вакуум, и они хотели заполнить этот вакуум. Вы не можете жить в вакууме. Вакуум пуст, и из-за этой опустошенности жизнь делается унылой, серьезной.

Все религии заполняли ваш вакуум ложью. Теперь эта ложь разоблачена. Наука многое сделала для разоблачения этой лжи, и великие медитирующие, мистики всего мира проделали огромную работу по разоблачению всевозможной религиозной лжи.

Современный человек находится в странном положении: старое рухнуло, оно было обманом, а новое еще не настало. Поэтому возник разрыв, интервал, и западная интеллигенция старается подыскать что-то такое, что не будет снова ложью, что не будет просто давать вам утешение, но то, что будет трансформировать вас, то, что принесет глубокую революцию в само ваше существо.

Безусловно, дзен — это правильный подход к существованию, предельная истина. Без веры во что-нибудь, не будучи последователем или верующим, вы просто вступаете в свое внутреннее пространство, вы вступаете в необъятное ничто целого. И это то самое ничто, откуда вы пришли и куда уйдете снова.

Когда источник и цель станут одним, у вас появится великое празднование. В этом праздновании не будет вас, но все существование примет в нем участие. Деревья будут осыпаться цветами, птицы будут петь песни; океаны и реки — все будут радоваться.

Все существование становится вашим домом в тот миг, когда ваше сердце тает во вселенском сердце. Именно здесь случается дзен, в этом таянии во вселенной вы возвращаетесь к изначальному истоку, свежему, вечному, безвременному, безграничному. Единственное, что необходимо — это свобода от «себя». В этом сущность дзен.

Вы слышали о многих свободах: политической свободе, психологической свободе, экономической свободе — есть много видов свободы. Но дзен — это наивысшая, предельная свобода: свобода от самого себя. Ее нельзя принять на веру, ее нужно пережить. Только тогда вы знаете. Это вкус. Любой скажет, что сахар сладок; однако, если вы не пробовали сахар, вы услышите слово «сладкий», но не поймете, что это такое. Единственный способ дать вам понять — это если кто-то положит сладкое вам в рот.

Функция мастера дзен — заставить вас пережить ничто или, другими словами, привести вас к вашему собственному ничто. Мастер изобретает методы, а когда они становятся старыми и рутинными, он отбрасывает их, он находит новые методы, новые пути.

Двадцать пять веков прошло с тех пор, как Гаутама Будда без единого слова отдал цветок лотоса Махакашьяпе и сказал собравшимся: «Я сказал вам все, что мог сказать. То, что я сказать не

могу — хотя и хочу, но это просто невозможно, — я передаю Махакашьяпе». Лотос был просто символом: пока вы не раскроетесь, как цветок лотоса на раннем утреннем солнце, когда капли сверкают жемчужинами на лотосовых листьях... Это безмолвная передача лампы. Ничего не говорится.

Махакашьяпа в первый раз приблизился к Будде, взял цветок лотоса, коснулся его стоп, возвратился и молча сел под своим деревом. Махакашьяпа — первый патриарх дзен.

Так что по своей родословной дзен, семья дзен — это ответвление, очень тихое ответвление буддизма. Они любят Гаутаму Будду, потому что на самом деле дзен родился из его исчезновения. Он передал его Махакашьяпе, а потом на Махакашьяпе лежала ответственность за то, чтобы находить людей, которым он мог бы передать его.

Таким образом, с того самого момента, двадцать пять веков назад, он передается без всяких произвольных средств, без всяких слов, от мастера к ученику: от того, кто пришел домой, к тому, кто просто блуждает вокруг и не может найти дороги.

Мастер действует как друг. Он берет вас за руку и выводит на верный путь, помогает вам открыть глаза, помогает вам справиться и превзойти ум. Как раз тогда, когда открывается ваш третий глаз, вы начинаете смотреть вовнутрь. Когда вы смотрите вовнутрь, работа мастера закончена. Теперь дело за вами.

Вы можете проскочить тот небольшой промежуток между своим умом и не-умом за одно мгновение, через огромную интенсивность усилия. Либо вы можете путешествовать медленно, нерешительно, останавливаясь, пугаясь того, что вы теряете определенность своего ума, теряете определенность своей индивидуальности, что все границы исчезают. Что вы делаете? На миг вы можете подумать: «Вдруг это приведет к развалу, вдруг ты не сможешь снова возвратиться к уму? И кто знает, что там ждет впереди? Все исчезает...»

Если вы уделяете слишком много внимания вещам, которые исчезают, вы можете остановиться от страха. Мастер все время фокусирует ваш ум на вещах, которые происходят, — не на вещах, которые исчезают. Он постоянно побуждает вас смотреть на блаженство, замечать тишину, которая нисходит на вас. Смотрите: какой покой, какая радость, какой восторг. Он непрерывно подчеркивает то, что происходит, а не то, что уходит: тревога, отчаяние, боязнь, мука — он не дает вам даже заметить их. То, что исчезает, не стоит удерживать. Продолжайте смотреть на то, что появляется из ничто.

Итак, вы набираетесь смелости, становитесь более дерзновенными. Вы знаете, что ничего плохого не случится. С каждым дюймом движения происходит что-то большее. И, наконец, когда вы вступаете в самый источник своего существа, центр своего существа, целая вселенная опускается на вас, — точно как сказал Кабир перед смертью: «Целый океан упал в каплю».

Если вы пережили эту красоту, этот восторг, это божественное опьянение, зачем вам индивидуальность? Кому нужна личность? Что дала вам личность, кроме тревоги, кроме ада? А это ничто настолько чисто, неограниченно. В первый раз вы обнаруживаете бесконечность, вечность, — и все тайны существования внезапно открывают свои двери перед вами. И они продолжают открываться... дверь за дверью...

Нет конца этому путешествию, это бесконечное странствие. Вы всегда достигаете, достигаете и достигаете, но вы никогда не прибываете. И каждый миг вы идете, все глубже в блаженство, в восторг, в истину, и не бывает полной остановки.

Манифест дзен абсолютно необходим, потому что все старые религии разваливаются; и прежде чем они развалятся и человечество окажется в полной растерянности, дзен должен быть распространен по всей земле. Прежде, чем старый дом рухнет, вы должны создать новый дом.

И на этот раз не совершайте той же самой ошибки. Вы жили в доме, которого не было, поэтому вы и страдали от дождя, зимы, солнца — ведь дом был только воображением. На этот раз действительно войдите в свой подлинный дом, а не в какой-то рукотворный храм, некую созданную человеком религию. Войдите в собственное существо. Зачем быть все время копией?

Это время чрезвычайно важно. Вы родились в самый удачный момент, когда старое утратило свою весомость, свою доказательность, когда старое висит на вас только потому, что вам недостает смелости выйти из тюрьмы. А между тем двери открыты — фактически, никаких дверей никогда и не было, поскольку дом, где вы живете, полностью воображаемый. Ваши боги — воображаемые, ваши священники — воображаемые, ваши святые писания — всего лишь игра воображения.

На этот раз не совершайте той же самой ошибки. На этот раз человечество должно совершить квантовый скачок от старой ветхой лжи к свежей, вечно новой истине. Это и есть Манифест дзен.

Второй вопрос:

Д. Т. Судзуки, человек, который открыл, дзен для западной интеллигенции, говорил: «Дзен надо хватать голыми руками, без перчаток». Не мог бы ты это прокомментировать?

С рациональной стороны его утверждение прекрасно. Дзен следует понимать, «хватать» голыми руками, без перчаток. Он подразумевает, что в мир дзен нужно входить без всяких убеждений, без всяких гарантий, без всяких страховок, без всяких перчаток. В дзен следует входить с голыми руками, нагими.

Но это утверждение все еще интеллектуально. Он не был ни мастером дзен, ни даже человеком дзен. Если бы он был мастером дзен, он не сказал бы так. Мастер дзен не может сказать, что дзен надо схватить. Дело не в том, чтобы схватить. Это старый язык ума, язык «покорения природы». Теперь он завоевывает дзен.

Дзен — это ваша реальность. Кого вы собираетесь хватать? Кого собираетесь завоевывать? Вы и есть дзен.

А что он подразумевает под «голыми руками»? Руки туда не дотянутся — ни голые, ни в перчатках. Руки символизируют движение наружу, они всегда указывают вовне. Все ваши чувства открыты к внешнему, все они экстравертны. Ваши уши слышат звук, который приходит снаружи, ваши глаза видят краски, свет, который приходит снаружи, ваши руки все время

хватают — то, что снаружи вас. Ни одно из ваших чувств не может добраться внутрь. Для внутреннего, есть другое восприятие — третий глаз. Там нет рук.

Между вашими бровями, точно посередине, есть место, которое может смотреть внутрь. Когда вы закрываете глаза, пытаясь заглянуть внутрь, устремляясь к своему центру, вы постоянно наталкиваетесь на третий глаз. Поскольку он не открывался многие века, он разучился открываться. Поэтому, ежедневная медитация... и однажды вы вдруг обнаружите — третий глаз открылся, и путь чист и абсолютно ясен. Вам надо просто пойти к центру.

Так что никаких рук нет, и дело не в завоевании. Это ваша природа. Сама идея, что дзен надо овладеть, создает двойственность: вы — человек, который намерен овладеть дзен, а дзен — нечто отличное от вас. Это создает двойственность. Именно поэтому мне абсолютно ясно, является ли человек просто интеллектуалом или обладает опытом. У меня свой четкий критерий, по которому я определяю: этот человек говорит только от ума. Как бы ни был умен Д. Т. Судзуки, я говорю вам: он не мастер, он все еще живет в двойственности.

УМ двойственен, он всегда разделяет вещи на противоположности: завоеватель и завоеванное, наблюдатель и наблюдаемое, объект и субъект, день и ночь. Он постоянно разделяет вещи, которые неразделимы. День неотделим от ночи; рождение неотделимо от смерти. Это одна энергия. Но ум все делит на полярности, противоположности. В существовании нет противоположностей; все противоречия являются лишь кажущимися. В глубине все противоречия сходятся.

Поэтому, когда кто-то говорит: «Хватай, завоевывай», — он по-прежнему говорит языком ума и по-прежнему насильственен. Его слова выдают это.

Дзен не должен быть ни объектом, ни субъектом. Это трансцендентальный опыт. Всякая дуальность превзойдена: наблюдатель и наблюдаемое становятся одним, познающий и познаваемое становятся одним. Так что вопрос не в завоевании или хватании, вопрос в том, чтобы расслабиться внутри самого себя.

Это не сражение и не война, это чистое успокоение, глубокое погружение внутрь своего покоя. И когда вы погружаетесь все глубже и глубже, вы обнаруживаете, что таете. В тот миг, когда вы приходите к единству с существованием, вы достигли своей природы. Это возможно только через расслабление, через покой.

Утверждение Судзуки рационально, но не экзистенциально, а дзен — это единственный экзистенциальный подход в мире.

Небольшая биографическая справка:

Однажды, во время путешествия Танка Теннен остановился на ночь в храме.

Вы знаете смысл слова Теннен? — это означает «абсолютно естественный».

Дзен — это ваша природа; известно вам это или нет, не имеет никакого значения. Если вы знаете, то не будете спотыкаться попусту, не будете снова и снова падать в одни и те же ямы. Если вы знаете, то будете идти как зрячий человек. Если вы не знаете, то будете идти, с

закрытыми глазами. Всю свою жизнь вы будете терпеть ненужное страдание, напряжение, тревогу. Но по отношению к вашей внутренней природе это безразлично. Вы являетесь буддой все время — спящим, бодрствующим — известно вам это или нет. Если известно, жизнь становится блаженством. Если неизвестно, жизнь становится страданием.

Так что это просто вы. Если вы готовы погрузиться глубоко внутрь себя, пребывая в глубоком покое... Это не победа, это просто воспоминание, что буддовость является вашей природой, вашей дхаммой.

Танка Теннен остановился на ночь в храме. Было так холодно, что он разложил костер из одной деревянной статуи Будды. Когда на следующее утро храмовые монахи стали стыдить его, Танка объяснил, что сжег статую, чтобы собрать кости Будды.

«Разве могут быть кости у деревянной статуи?» — спросил монах Танку Теннена.

«Тогда почему вы ругали меня?» — ответил Танка.

Только человек огромной пронизательности, только человек, который знает свою природу будды, может сжечь ночью статую Будды. Ночь была очень холодной, настоящий будда страдал от холода, а ненастоящий будда стоял на пьедестале; поэтому он взял одну из статуй — это была деревянная статуя, — сжег ее и был вполне доволен.

Утром, когда монахи из храма обнаружили, что он сжег статую Будды, очевидно, они сильно разгневались. «Что ты за человек? Мы думали, ты мастер дзен, а ты уничтожил одну из самых ценных статуй Будды. С какой целью?»

Он сказал: «Ночью было очень холодно». Он просто демонстрировал этим монахам: «Вы забыли свою природу будды и поклоняетесь статуям, созданию человека. Будды, поклоняющиеся статуям из дерева, камня или мрамора — это же абсурд! В какой духовной спячке вы находитесь? Неужели вы совершенно забыли, кто вы?»

Он сказал: «Ночь была холодной, и будда очень сильно замерз. Как раз рядом сидел фальшивый будда. Я сжег статую; это было всего лишь дерево». Чтобы прояснить окончательно, он сказал: «Я пытался найти кости Будды».

В мире Будды кости будды называются цветами. Когда будда пробуждается, даже его кости — уже не кости, поэтому их больше не называют костями, они упоминаются как цветы. Постепенно это широко распространилось в Индии, так что теперь чьи угодно кости, когда кто-то умирает...

В Индии тело положено сжигать на погребальном костре, а на третий день, когда огонь совершенно погас и тело полностью сожжено, родственники и друзья идут к месту сожжения, чтобы собрать «цветы». Это такое выражение. Они идут собирать кости. Эти кости нужно погрузить либо в реку, либо в океан, чтобы они обрели вечный покой — но их не называют костями.

Именно кости Гаутамы Будды впервые были названы цветами. Как можете вы сказать, что кости Гаутамы Будды — это просто кости? В этом теле жил выдающийся пробужденный человек: это тело излучало великолепии, блаженство, возникающее из ниоткуда. Вот почему Будда и произнес: «Именно это тело — будда, и именно эта земля — лотосовый рай».

Когда вы знаете свое ничто, оно излучает свет. Даже ваши кости, ваши глаза, кожа, — все принимает новую грацию, новую роскошь, новое величие. Ваши слова становятся золотыми, ваше молчание становится так драгоценно — беззвучная песня. Даже когда Будда просто идет, его тело выражает его пробужденное состояние. Если будда смотрит вам в глаза, его глаза выражают окончательную истину. Говорит ли он что-нибудь или нет, он непрерывно распространяет вокруг себя определенную энергию. Он излучает сияние предельного блаженства.

Поэтому, естественно, если такой человек, как Гаутама Будда, стал просветленным, когда ему было сорок два года, и прожил потом еще сорок лет — сорок лет Будда находился внутри этих костей, этой плоти и кожи — возможно ли, чтобы эти кости и кожа не подверглись воздействию той же потрясающей метаморфозы? Отсюда и произошло выражение «цветы».

Человек, переводивший это, забыл. Он просто говорит, что Танка Теннен сказал: «Мне надо было сжечь статую, чтобы взять кости Гаутамы Будды» — не цветы. Но когда меняется ваше сознание, меняется все. Все становится потрясающе прекрасным.

Он просто провоцирует этих монахов, загоняет их в угол. Главный священник храма тут же вынужден сказать:

«Разве могут быть кости у деревянной статуи?» Как могла деревянная статуя содержать цветы?

Танка сделал свое дело. Он говорит, что деревянная статуя — это не Будда; она не имеет даже костей, она не имеет даже цветов Будды. Это просто дерево, которому придали определенную форму. Вы придали форму дереву, но вы не можете сделать его буддой.

И когда монахи оказались в тупике, Танка сказал:

«Тогда почему вы ругали меня?» Тогда почему вы рассердились на меня?

Есть много версий этой истории. Вот версия, которую я люблю — и я не знаю, есть ли она в писаниях или нет — я не знаю, откуда я взял ее, но я абсолютно уверен, что это правильная версия.

Танку Теннена обнаружили не утром, — была полночь, когда священники увидели огонь, зажженный в храме, потому что они спали в храме. Вбежал главный священник: «Ты что, рехнулся? Что ты делаешь? Ты сжег одного из моих самых ценных будд!»

Тогда Танка взял свой посох — а будда уже почти сгорел — и своим посохом принялся искать в пепле будды цветы. Главный священник воскликнул: «Что ты делаешь?» Тот сказал: «Я ищу цветы Будды. Я слышал, что у Будды есть кости, и его кости обращаются в цветы. Я разыскиваю эти цветы».

Главный священник рассмеялся. Он сказал: «Ты и вправду безумен. Это была всего лишь деревянная статуя, это был не будда!»

А Танка Теннен ответил: «Ага! Так это был не Будда! Ночь все-таки долгая и очень холодная, а у вас столько деревянных статуй; принесите-ка еще одну или две».

Главный священник сказал: «Ты очень опасный тип! Я не могу позволить тебе оставаться в храме». И он среди ночи выставил Танку Теннена из храма. Была холодная зима, стояла стужа, и Танка Теннен сказал: «Что ты делаешь? Ты — мой главный священник, и ты выбрасываешь меня вон. Чтобы сохранить свои деревянные статуи, ты выбрасываешь будду!»

Но главный священник не слушал, он просто вытолкнул его и запер двери.

А поутру, когда он открыл двери, Танка Теннен сидел у обочины дороги под верстовым столбом. Он собрал немного диких цветов, положил эти цветы на камень и сидел там, распевая прекрасную мантру, которую ученики Будды обычно декламировали перед ним: Буддам шаранам готами — припадаю к стопам Будды; Саюхам саранам гаталш — припадаю к стопам тех, кто составляет коммуну пробужденного; Азсаммам саранам готами — припадаю к стопам окончательной истины.

Священник сказал: «Послушай, ты сжег моего Будду — это поступок ненормального. Теперь ты ведешь себя еще более безумен. Это же верстовой камень — не Будда; а ты кладешь на него цветы и припадаешь к нему!»

Танка Теннен проговорил: «Это одно и то же — просто предлог. Для тебя предлог — деревянная статуя, для меня — этот камень. Будда притаился в этом камне. Если какой-нибудь скульптор уберет все ненужное, Будда появится. Любой предлог годится. Я сжег один из ваших предлогов, и вы так разгневались. Это точно то же самое, что и ваша деревянная статуя; и в этом камне тоже нет костей Будды.

Я просто хотел... под ранним утренним солнцем... и этот прекрасный ветерок, цветы, благоухающие вокруг, и птицы со своим радостным щебетом... Я должен высказать свою благодарность человеку, который является истоком моей семьи. Без него, возможно, не было бы стольких просветленных людей.

Гаутама Будда начал новую главу в сознании человечества. Само собой, я припадаю к его стопам, я припадаю к истине, которую он открыл, и я припадаю к стопам тех, кто стал просветленным благодаря тому, что он поделился светом. Я не был бы тем светом, что я есть сейчас, если бы Будда не передал Махакашьяпе в цветке лотоса то, что не может быть высказано. Я выражаю свою благодарность величайшему человеку в истории человечества, который поднялся над умом».

Это, я знаю, верная история. Если вы не найдете ее в писаниях, исправьте их. Где бы вы ни нашли такие писания, исправляйте их, поскольку они неточно передают подход Танки Теннена; они очень бедны. Я люблю богатство — а настоящее богатство приходит от вашей осознанности, вашей сознательности.

Таким образом, Танка Теннен попытался заставить всех тех священников и монахов осознать:

«Что вы делаете? Вы забыли истину и поклоняетесь статуям. Любой камень годится, потому что в каждом камне таится Будда».

Я припомнил одну историю о Микеланджело...

Он проходил по ярмарке, где торговали мрамором, и увидел перед одной лавкой большущий кусок мрамора. Он спросил владельца; «Сколько он стоит?»

Владелец сказал: «Ничего, потому что он стоит тут вот уже десять лет, и никто даже и не спросил о нем. У меня в лавке нет места, поэтому я переправил его на другую сторону дороги. Можешь взять его, он освободит мне место еще для нескольких камней. Этот валун, похоже, абсолютно ни на что не годен».

И вот Микеланджело взял этот валун, а через год он пригласил владельца лавки: «Приходите и посмотрите. Ваш валун расцвел». То была величайшая работа Микеланджело, которую несколько лет тому назад уничтожил какой-то сумасшедший. Это была статуя Иисуса Христа. Его мать, Мария, сняла тело Иисуса с креста. Иисус лежит почти нагой у нее на коленях, и она смотрит на его лицо. Это была одна из самых прекрасных статуй на свете.

Лавочник не мог поверить своим глазам. Он спросил: «Как вам это удалось?»

Микеланджело ответил: «Я здесь ни при чем. Когда я проходил мимо камня, Иисус позвал меня: «Я лежу в этой глыбе. Удали лишние части, и я откроюсь!»»

И когда я посмотрел на валун, то увидел Иисуса рядом с крестом, на коленях у матери. Это было так необычно, ведь внутри него скрывалась статуя — крест, Иисус, лежащий на коленях своей матери, Марии. Так что это был весьма необычный камень. Я всего лишь отсек несколько ненужных кусков, и смотрите, что за чудо произошло».

Эта статуя хранилась в Ватикане, и всего несколько лет назад — по-моему, лет десять назад — один безумец просто вошел и разбил головы Иисуса и Марии молотком, уничтожил эту прекрасную статую, подобной которой, может, и не будет никогда, потому что Микеланджело рождается нечасто.

Этого человека схватили, но было слишком поздно. А на суде он сказал: «Я не Микеланджело, и я не умею созидать, зато могу разрушить. Я хотел, чтобы мое имя вошло в историю, я хотел видеть свой портрет во всех газетах, на первой странице. Мне удалось это, и я готов к любому наказанию».

Судья не нашелся, что сказать этому человеку. Он уничтожил одну из наиболее драгоценных статуй, одно из самых замечательных произведений искусства, только чтобы увидеть свою фотографию на первых полосах газет и увековечить свое имя: «Микеланджело создал это, а этот человек уничтожил». Он был готов... он сказал: «Я готов отправиться хоть на виселицу. Это не имеет значения».

Если у вас такие глаза, как у Микеланджело, тогда каждый камень становится чем-то, чего обычные люди не могут увидеть. Только глаз Микеланджело может проникать глубоко в камень, точно рентгеновский луч, и камень может стать Иисусом, может стать Буддой.

Танка Теннен говорил: «Зачем нужны все эти статуи, когда реальный будда так сильно мерз ночью? Ты выставил меня. И так всегда поступали все религии. Они выталкивают будду и поклоняются статуям будды».

Сутра:

Возлюбленный Ошо,

Когда Тенджикю спросили о случае, когда Танка сжег статую, он ответил. «Когда холодно, мы собираемся вокруг горящего камина».

Тенджикю — это другой мастер. Когда его спросили о сожжении статуи Будды Танкой Тенненом, он отвечал: «В этом нет ничего неправильного». Он не говорит этого прямо, он просто говорит:

«Когда холодно, мы собираемся вокруг горящего камина».

«Ошибся он или нет?» — настаивал монах. «Когда жарко, мы сидим в бамбуковой роще в долине»,

— сказал Тенджикю.

Он не говорит, правильно это или неправильно. Таков путь дзен — не решать, правильно или неправильно; он просто говорит «Мастер дзен поступает спонтанно. Когда жарко, он уходит в тень бамбукового леса; когда холодно, он жжет дерево». Он вообще не говорит, совершил ли Танка Теннен что-нибудь неправильное. Он просто говорит: «Каж-дый, кто осознает, действует спонтанно. Не найдя другого дерева, Танка Теннен взял деревянную статую Будды. Здесь нет ничего неправильного. Когда холодно, нужен огонь, а когда жарко, нужна тень».

Дзен совершенно естественен. Вы должны действовать согласно своей природе, и ваш отклик должен прийти из вашей спонтанности.

Через день после сожжения статуи Танка Теннен отправился навестить Нан-е, который был когда-то учеником Эно, а теперь был мастером дзен у императора. Когда Танка развернул свой коврик для задзен, Нан-е сказал: «Этого не нужно».

Это напоминает мне... Возможно, маленький Сиддхартха все еще здесь, а может, он уехал. Когда он пришел впервые, много-много лет назад, он был маленьким ребенком, совсем маленьким, года три или четыре. Я точно помню момент, когда он пришел ко мне.

Он принес маленький коврик, он пришел как взрослый. Наверное, Маниша вспомнит, она при этом присутствовала. Он развернул коврик, как делают дзенские ученики, и коснулся моих ног. Все присутствовавшие стали смеяться. Этот маленький мальчик делал нечто реальное, чего не ожидали от такого малыша. Он с огромной благодарностью, изящно коснулся моих ног, а потом опустил на свой коврик.

Вот почему я дал ему имя Сиддхартха. Сиддхартхой звали Гаутаму Будду, это имя дал ему отец. Оно столь же прекрасно, как и имя Будда. Оно означает «тот, кто достиг», — «Сиддхартха», — «тот, кто нашел смысл, тот, кто постиг значение существования».

Только что он пробыл здесь почти месяц. Я не знаю, здесь он или нет. Он приехал с подружкой, он уже стал совсем взрослым. Анандо рассказывала мне: когда он, спустя столько лет, входил в ворота, у него были слезы на глазах. Наверное, он вспомнил первый день — когда пришел ко мне, почти двадцать лет тому назад.

Он был таким очаровательным ребенком... Его мать говорила мне: «Очень трудно разыскать его, потому что он идет с любимым человеком. Он очень дружен со всеми саньясинами», — а он был маленьким ребенком.

Он, бывало, просил кого-нибудь: «Дай мне десять рупий. Я хочу посмотреть кино». И обмен был не только односторонним: если кому-то были нужны деньги, он мог взять деньги еще у кого-нибудь и отдать этому человеку со словами: «Держи, но помни, когда мне понадобится... Отдашь, когда сможешь».

Поэтому люди частенько спрашивали Сиддхартху:

«Можешь достать двадцать рупий?» Он сейчас же отправлял-ся на поиски. Вся коммуна дружила с ним, и никто не смог бы отказать ему, до того он был очаровательным, невинным. Эти слезы, должно быть, были вызваны воспоминаниями о том дне, когда он впервые пришел сюда.

По-прежнему он невинен, и он взрослеет самосто-ятельно. Его отец умер. Он учится актерскому мастерству в очень хорошей школе искусств. Я был рад, когда он сообщил мне, что учится играть. Актерам очень легко медитировать, потому что они всегда играют чью-то роль, так что могут также свидетельствовать то, что они с ней не идентичны. Они могут стать Иисусом Христом в фильме, но им известно, они не Иисус Христос. Поэтому им очень легко понять: то, что они играют — это не их сущность.

По-моему, актер — одна из лучших профессий для медитирующих, потому что она учит вас, что ваша отождествленность может изменяться каждый день. Актер перемещается от одного фильма к другому. В одном фильме он — одно, в другом фильме он что-то другое, в третьем фильме он что-то еще. Так, мало-помалу, он может осознать — если ему известно искусство осознания, — что все эти отождествления приходят и уходят. И, в конце концов, он может понять, что его собственная личность — это не что иное, как роль, преподанная его родителями, священниками, политиками и профессорами.

Все эти люди создают вокруг вас определенную личность, которая не является вашим подлинным существом;

она нужна лишь для удобства. Они создают социальное существо из существа духовного. Социальное существо заурядно. Ваше духовное существо огромно и необъятно.

Через день после сожжения статуи Танка Теннен отправился навестить Нан-е, который бал когда-то учеником. Эно, а теперь был мастером дзен у императора.

Несомненно, он был весьма значительным человеком — мастером дзен у императора.

Когда Танка развернул свой коврик для задзен, Нан-е сказал: «Этого не нужно, — потому что этот коврик расстилают только ученики, а ты уже мастер. Ты не должен делать этого».

Танка Теннен сделал так просто из уважения. Ведь этот человек, Нан-е, был очень стар, и он был императорским мастером, а Танка Теннен был молод, хотя и стал просветленным, Это восточный обычай почтительности к старшим... это часть естественного роста. Если человек живет естественно, тогда он созревает сексуально к четырнадцатилетнему возрасту, и становится способным выйти из-под сексуальной, биологической зависимости в возрасте сорока двух лет — если он живет совершенно естественно. И как только он выходит из-под контроля биологии, ему очень легко выбраться из ума.

Древний расчет таков, что к сорока девяти годам человек может медитировать с легкостью, безо всякого усилия. Единственное условие: он должен жить без подавляющих религий, богов и священников. Если он жил как простое естественное человеческое существо, без всякого сдерживания, без всякой вины, то к сорокадвухлетнему возрасту, он выбирается из-под биологического контроля.

Ваш секс — это ваши цепи; это биологическая зависимость. Не боритесь против него. Если вы боретесь против него, вы не избавитесь от него даже в восемьдесят, даже в девяносто лет. Вы не выйдете из него ни в какой точке. Даже когда вы будете умирать, ваша последняя мысль будет о сексе.

Было подсчитано, что каждый мужчина думает о сексе, по крайней мере, раз в три минуты, а каждая женщина думает о сексе каждые семь минут. Такое вот несоответствие. Вот почему мужчины выглядят более сексуально ориентированными, чем женщины. Различие невелико: три минуты или семь минут — это не так важно. Мужчине надо обождать всего четыре минуты. В эти четыре минуты у женщины может заболеть голова, она примет две таблетки аспирина — и будет готова!

Ваши религии, обучающие вас безбрачию, ответственны за то, что вы находитесь в рабстве секса. Безбрачие — это извращение вашей природы. Я хочу, чтобы вы были абсолютно естественны: если пришло время для секса, значит, это время для секса. Тогда вы выйдете из него к сорока двум годам, просто выйдете, нет и речи ни о каком усилии для соблюдения безбрачия. Когда вы совершаете какое-нибудь усилие, это против природы. Природа не позволяет никакого усилия; она хочет, чтобы вы были совершенно расслаблены, и тогда она все сделает сама. К сорока девяти годам вы действительно зрелы, и вы провели семь лет без зависимости от секса.

Один из лучших новеллистов этого столетия, Казандзакис, который написал «Грека Зорбу», написал также книгу об Иисусе — «Последнее искушение». Иисусу было всего тридцать три... и я согласен с Казандзакисом, что на кресте пришло последнее искушение.

Тем знойным летним днем он висел на кресте. Вы думаете, он размышлял о Боге? Он начал грезить о Марии Магдалине, он фантазировал: «Быть может, если бы я жил иначе, любил Марию Магдалину и не совершал этих ошибок, я не висел бы на этом кресте...»

В «Последнем искушении» Казандзакис рисует все эти грезы. Из-за этого его отлучили от греческой ортодоксальной церкви. Его книга была запрещена во всем мире, потому что

христиане везде - протестовали против нее: «Это уже слишком!» Когда был снят фильм, везде проходили бурные демонстрации против его проката. А Казандзакис, один из лучших писателей нашего столетия, жил в полной нищете и бедствовал, потому что церковь осудила его, отлучила его. Он умер, но недавно моя саньясинка, Амрито, которая знает его жену, навещала ее в Греции. Она спросила ее: «Хотелось бы вам присоединиться к движению саньясы?»

Та ответила: «Я бы очень хотела, но опасаясь. Я столько перенесла из-за страданий моего мужа, полного осуждения повсюду — а он не сделал ничего дурного».

Я полностью поддерживаю его; его прозрение удивительно. Совершенно естественно, что тридцатитрехлетний мужчина, повешенный на кресте, должен думать: «Боже мой! Что я сделал? Если бы я жил другой жизнью, с прекрасной женщиной, которая всегда хотела жить со мной... Я пытался сказать ей: «Убирайся прочь! Ты — искушение, убирайся прочь!»» В последний миг это искушение неминуемо должно было прийти к нему.

Я абсолютно авторитетно могу сказать, что Казандзакис прав. Совершенно естественно вспомнить о Марии Магдалине, одной из красивейших женщин, от которой он отказался. Это было противоестественно. А когда оказалось, что Бог не в состоянии совершить никакого чуда, он, безусловно, мог подумать: «Мне надо было бы завести жену, детей и жить естественно. Зря я настаивал на этом звании — быть единокровным сыном Божиим: ведь Бога, похоже, и вовсе нет!» Шести часов на кресте довольно, чтобы привести в чувство кого угодно.

Среди интеллигенции Европы сейчас развернулось движение за то, чтобы Казандзакис был снова признан церковью, посмертно. Но церковь абсолютно непреклонна:

такого человека нельзя снова считать христианином, он нанес огромный ущерб образу Иисуса Христа.

По-моему, он принес громадную пользу образу Иисуса Христа. Он говорит, что Иисус Христос не был извращенным человеком, он был естественным. Он отнесся к Иисусу Христу с большим уважением, чем кто бы то ни было — наделив его этими мыслями.

Его жена сказала: «Я просто боюсь. У вашего мастера все время неприятности, и конца этому не видно, а я страдала слишком много и я стара, слишком стара. Мне бы очень хотелось, но всю свою жизнь я страдала из-за того, что мой муж написал «Грека Зорбу», и церковь разгневалась. Потом он написал «Последнее искушение», и весь мир протестовал, во всем мире сжигали его книги — теперь они запрещают фильм».

Религии принесли столько вреда, что это почти невероятно — и они по-прежнему делают это.

На Востоке, особенно когда религии не были организованными, когда религия была свободной, когда она была индивидуальным делом, люди были очень естественны, и они приходили к безбрачию естественно. Когда безбрачие приходит естественно, оно обладает совершенно другим вкусом. Нет подавления, нет сексуальных грез, нет проблем. И к тому времени, когда вы приближаетесь к пятидесятилетию...

В Индии пятидесятилетний возраст называется «подготовкой для леса» — ванпрастха, к тому времени, когда вам пятьдесят, ваши дети вернутся из своих школ, колледжей, университетов;

теперь они возьмут заботу о ваших делах на себя. Вы теперь можете смотреть в направлении леса.

Возможно, вам придется подождать несколько дней, чтобы научить своих детей практическим аспектам жизни. Они побывали в университетах, но ничего не знают о практической жизни. Они медитировали, они учились, встречались с великими пророками, но они абсолютно наивны в практических делах. Так что, возможно, за двадцать пять лет... Таков был индийский расчет: двадцать пять лет на образование, двадцать пять лет для жизни хозяина дома, двадцать пять лет на подготовку к уходу в Гималаи или в леса, двадцать пять лет — последние двадцать пять лет — полностью посвящены медитации. Если жизнь — это сто лет, тогда ее совершенно естественно разделили на четыре части.

К тому времени, когда человеку исполняется семьдесят пять, он должен удалиться в лес. Теперь пора приготовиться к смерти — к другому путешествию, к другому опыту. Жизнь окончилась. Поэтому старшим оказывали больше почтения — и они это заслуживали. Если они жили естественно, они были достойны этого.

Итак, когда Танка Теннен развернул свой коврик для задзен, Нан-е сказал: «Этого не нужно». Он был старым человеком. Он немедленно узнал Танку Теннена.

Только просветленный может узнать другого просветленного. Нет другого способа. Непросветленный не может узнать просветленного. Просветленный может опознать обоих — непросветленного и просветленного. Высшее может узнать низшее, но низшее не может узнать высшее, потому что высшее обладает обоими переживаниями: высшего и низшего. Низшее имеет только опыт низшего; ему неизвестно ничего за его пределами.

Но сложность в том, что низшее, массы, которые никогда ничего не знали о высшем — они вершат дела. Они решают, кто просветленный, кто непросветленный. И это так забавно...

Одна газета из Индора написала передовицу и попросила своих читателей проголосовать — просветленный я или нет. Поэтому я попросил Чаитанью Кирти написать им: «Сколько среди ваших читателей просветленных? Подумайте сначала о себе: вы просветленный? Можете ли вы узнать просветленного, не будучи просветленным?» Однако подобная глупость встречается на каждом шагу.

Люди, которые обладали опытом, естественно почитались младшим поколением, потому что они познали все стороны жизни; они прошли все стадии и вышли за пределы. Теперь они снова становятся невинны, как дети; они готовятся снова вступить в существование.

Но Нан-е сразу же сказал: «Этого не нужно. Ты такой же просветленный, как и я. Ты такой же мастер, как и я. Здесь возраст не имеет значения. Здесь время не в счет».

Танка сделал несколько шагов назад.

Это пути дзен. Пока вы не поймете их символики, всего их метафорического языка, вы не поймете суть.

Танка сделал несколько шагов назад. Что это показывает? Он говорит. «Я глубоко ушел в себя.

Ты прав». Несколько шагов назад означают вхождение внутрь.

Нан-е сказал: «Правильно. Ты действительно ушел глу-боко».

На это Танка сделал несколько шагов вперед — просто чтобы проверить мастера: что он скажет?

Нан-е сказал: «Неправильно». Сделать несколько шагов вперед — значит идти наружу; сделать несколько шагов назад — значит идти внутрь. «Назад» равнозначно «вовнутрь», «вперед» равнозначно «наружу».

Нан-е сказал: «Неправильно». На это Танка обошел вокруг Нан-е и ушел.

Он воздавал дань: «Я приходил посмотреть, действительно ли ты так велик, как все говорят, и убедился, что ты идеально подходишь для того, чтобы быть мастером самого императора!»

Каждый шаг Нан-е оказался верным. Когда Танка попытался развернуть свой коврик, тот остановил его: «Этого не нужно». Тогда он сделал несколько шагов назад, и Нан-е сейчас же сказал: «Правильно».

На это Танка сделал несколько шагов вперед. Нан-е сказал: «Неправильно».

Танка обошел вокруг Нан-е... Обойти вокруг Нан-е — это символ огромного уважения; завершённый круг — это выход из источника и новое возвращение к источнику как к цели. Совершая полный круг, он выражал: «Ты совершенно просветлённый, полностью просветлённый. Мне нечего спросить, нечего сказать». Он просто ушел, без слов, без вопро-сов. Этих символов было довольно.

Нан-е прокомментировал (когда Танка ушел): «Преж-ние золотые деньки далеко».

Прежде это было совершенно обычным — просветле-ние. Найти такого человека, как Танка Теннен, было самым обычным делом; но те золотые дни прошли, и люди теперь до того ленивы, что не сделают даже нескольких шагов назад, внутрь.

«Лет через тридцать», — предсказывал он, — «к этому парню не подступишься».

Он так молод, и уже обладает поразительной ясностью, он уже просветлённый. Через тридцать лет, когда он станет зрелым человеком и его круг завершится — он уже начал двигаться к завершению... Нан-е говорит: «Лет через тридцать этот человек будет одним из величайших мастеров, каких когда-либо знал мир. Тогда к нему не очень-то подступишься».

Якусай написал:

Первые заморозки,

Мой путь лежит на северо-восток,

обращенный к звездам.

Таков путь каждого, кто углубляется в медитацию. Кажется, что вы углубляетесь в медитацию, но одновременно что-то в вас поднимается ввысь, к звездам. Это происходит одновременно. Корни уходят в глубину, а дерево растет ввысь.

Медитируя, вы создаете корни глубоко в своих истоках. Напитавшись, ваше сознание начнет движение к звездам — колонна света уходит к запредельному.

Первые заморозки.

Мой путь лежит на северо-восток,

обращенный к звездам.

Человек медитации, куда бы он ни шел, всегда движется к звездам, потому что он всегда движется к источнику насыщения. Когда он укрепился корнями в земле, у него нет проблем. Где бы он ни был, он движется все выше и выше, подобно ливанскому кедру. Эти древние деревья — им сотни, тысячи лет — по-прежнему растут вверх, к звездам. Красота этих деревьев просто напоминает нам, что таков же путь человеческого сознания: глубже в землю, выше в небо.

Вопрос Маниши:

Возлюбленный Ошо,

Д. Т. Судзуки описывает два различных типа «видения», обозначенные двумя разными китайскими иероглифами.

Я уже сказал вам, Д. Т. Судзуки все еще в уме; отсюда разделение. Даже видение разделяется на два типа.

Д. Т. Судзуки описывает два различных типа «видения», обозначенные двумя разными китайскими иероглифами. «Кан» состоит из руки и глаза и значит «наблюдать объект как независимый от наблюдателя» — объективное знание. Вы смотрите на дерево. Дерево отлично от вас, это один вид видения.

«Видимое и видение есть две отдельные сущности».

С другой стороны, иероглиф «Чин» составлен из одного глаза и двух распрямленных ног; он означает чистый акт видения,

Судзуки рассматривает различие между этими двумя типами видения как «революционное в истории дзенской мысли».

Во-первых, дзен не есть мысль. Во-вторых, акт чистого видения вообще нельзя называть «актом чистого видения». Что вы видите? Для видения — для того, чтобы видеть — вам необходим объект.

Медитирующий выходит за пределы объекта и за пределы субъекта, за пределы первого

китайского иероглифа, «кан», который означает двойственность — видящий и видимое, познающий и познаваемое — и второго иероглифа, «чин», который означает чистый акт видения. Однако само слово «видение» значит, что там есть что-то, иначе как вы можете видеть? Что вы увидите? Если ничего нет, видение исчезает, появляется бытие.

Потому я ни в чем не соглашусь с Д. Т. Судзуки. Эти два типа видения являются просто умом, логикой, рациональностью, но не медитацией, не дзен. Дзен выходит за пределы видения и за пределы видимого. Он входит в бытие — просто бытие, совершенно тихое, созвучное с существованием.

Там нет двойственности, нет также и единства — вы должны понять это — потому что если двойственности нет, вы не можете назвать это единством. «Один» немедленно предполагает «два»; потому Гаутама Будда не пользуется словом «единство». Он использует слово адвайта — недвойственность. Оно имеет огромное значение.

Когда вы говорите «один», тут же вы вспоминаете про «два». Как может один существовать без двух, трех, четырех, пяти, шести, семи?.. Один — это число; оно просто предшествует двум. Если существует один, тогда последуют тысячи чисел, миллионы, триллионы. Этому нет конца. Если вы начали с одного — значит, вы пустились в долгое путешествие без конца.

Чтобы избежать этого, был найден окольный путь: не говорить «единство с существованием», а говорить «недвойственность». Это в точности то же, что и единство, но из-за языка возникают трудности. Разве может существовать один без двух? Так что не говорите «один», просто скажите: «не два». Подразумевается единство, но говорить это не обязательно. Оно невыразимо, но сказав «не два», вы указали направление. Вы намекнули на него простым жестом — не поднимая никакого шума. Это просто намек.

Судзуки упускает суть. Революционный шаг — это не дзенская мысль, а опыт дзен. Этот опыт является «недвойственностью». Там нет видящего и нет видимого, есть просто бытие.

Время Сардара Гурудаяла Сингха.

Дайте свет! Я люблю видеть, как мои люди смеются. Я категорически против серьезности, но, к несчастью, должен обсуждать серьезные вещи. Однако это хорошо — сделать вас сперва серьезными: тогда смех приходит гораздо легче. Тогда он дает огромное расслабление.

Мальш Альберт вбегает в сельский магазин и подскакивает к прилавку.

— Эй, мистер, — кричит он старому Джо, хозяину. — Когда мой папа чинил крышу, лестница выскользнула из-под него. Сейчас он висит, уцепившись пальцами за подоконник верхнего этажа!

— Сынок, — говорит старый Джо, — ты попал не туда! Тебе нужна полиция — и поспеши!

— Нет, — говорит Альберт, — вы не поняли. Мне не хватает пленки для видеокамеры!

В одно прекрасное воскресное утро на Чудную Полянку Веселеньких Придурков приехал старый

отец Фунгус. Гость проповедовал в маленькой часовне приюта умалишенных. Он рокотал и бушевал на своей кафедре, он вопил о проклятии и адском пламени, он ворковал о Божьей милости и нежных эманациях Святого Духа... и вдруг Придурок Мелвин вскочил с места, воздел руки в воздух и закричал:

— Дерьмо собачье! Неужели мы должны выслушивать этого идиота?

Придурок Мелвин, улыбаясь, уселся обратно. Наступила зловеющая тишина. Отец Фунгус в крайнем

замешательстве обернулся к директору госпиталя доктору Дерьмоуту.

— Боже мой! — сказал, заикаясь, священник. — Мне замолчать?

— В этом нет необходимости, святой отец, — позе-ывывая, отвечал Дерьмоут. — Больше этого не повторится. Придурок Мелвин говорит что-нибудь дельное только раз в семь лет.

Два известных любителя музыки, кардинал Катзасс и Папа Польский потягивают вино и болтают о том, о сем в личных покоях Папы в Ватикане.

— Вы знаете, — говорит Катзасс, обращаясь к Папиному известному интересу к клубничке, — у меня есть очень необычная музыкальная знакомая.

— Правда? — говорит папа.

— Да, — продолжает Катзасс. — Я обращаюсь с ней, как с гитарой — прижимаю сверху, а играю внизу, и получается замечательная музыка!

— Что ж, — говорит Папа Польский, — должен признаться, что у меня тоже есть очень необычная музыкальная знакомая.

— Неужели? — восклицает Катзасс.

— Да, — продолжает Папа. — С моей я обхожусь, скорее, как с грампластинкой. Я укладываю ее, и мы занимаемся прекрасной музыкой. А минуты через три я переворачиваю ее!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны...

Закройте глаза...

и почувствуйте свое тело совершенно застывшим.

Это подходящий момент, чтобы заглянуть внутрь.

Соберите свою энергию, тотально соберите сознание и устремитесь к самому центру своего существа. Он прямо под пупком, точно на два дюйма ниже, внутри вас.

Но это получится только у тех, кто устремится так настоятельно и интенсивно, как будто это последний миг жизни. Вам надо сделать это сейчас или никогда.

Быстрее и быстрее... Глубже и глубже...

Вы приближаетесь к центру своего существа. Великое безмолвие нисходит на вас подобно нежному дождю. Вы чувствуете прохладу. Вместе с вами вся ночь становится тихой.

Немного ближе к вашему центру — и великий покой окружает вас, поглощает вас. Вы тонете в нем. Это покой, который мистики называли «покой, который превосходит понимание».

Еще немного ближе... и цветы начинают осыпать вас блаженством, восторгом. Вы начинаете чувствовать себя как пьяный — но это необычное опьянение, это божественное опьянение. И только в этом божественном опьянении вы можете совершить последний шаг. Вступить в свой центр. Он открыт запредельному, именно здесь вы соединены с космосом. Вы встретите здесь свое подлинное лицо. Лицо Гаутамы Будды было принято на Востоке как символ подлинного лица.

Встреча с буддой — очень странное переживание, потому что вы начинаете исчезать, сходиться на нет. И когда вы сходите на нет, будда становится все более и более прочным и сильным. Это ваша истинная неотъемлемая сущность.

Единственное качество, которым обладает будда — это свидетельство. Вам надо становиться все более и более созвучными с этим качеством, потому что только оно может привести вашего будду из центра на периферию. Он может стать всей вашей жизнью. Он есть высший и последний танец.

Гаутама Будда — это Манифест дзен.

Свидетельствуя, вы начинаете исчезать.

Вот что я назвал свободой от себя.

Свидетельствуйте, что вы не тело.

Свидетельствуйте, что вы не ум.

Свидетельствуйте, что вы только свидетель — и все начинает вставать на свои места.

Сделай это свидетельство более ясным и глубоким,

Ниведано...

Расслабьтесь...

Это только вопрос расслабления, это не усилие. Просто опуститесь поглубже в свою собственную глубину, будьте в самом центре своего жизненного источника. Этот жизненный источник, этот сок, что струится повсюду вокруг вас, начнет потрясающую метаморфозу внутри вас. Вы будете чувствовать, как вы таете, таете, таете... Аудитория Гаутамы Будды становится океаном сознания. Десять тысяч будд исчезли в едином океаническом переживании.

Это и есть Манифест дзен: свобода от самого себя. Соберите все эти переживания — грацию, красоту, истину, блаженство. Вам нужно взять их с собой. Они должны стать вашей

повседневной жизнью. Я не учу никакой другой морали. Я учу спонтанности, а мораль — просто ее тень. И поскольку она приходит от ваших истинных истоков, вы никогда не чувствуете, что вами командуют, вы не чувствуете господства над собой, не чувствуете себя рабом. Вы никогда не чувствуете себя овцой. Вы начинаете быть львом. Ваша мораль, ваш ответ существованию становится львиным рыком. Красота и сила — и эта сила безвредна... Любовь, которая так и переполняет вас, без всяких условий, просто дар, благословение всему существованию... И грация, которая изменяет не только ваше сознание, но даже ваше тело.

Ваши жесты становятся так осмысленны, так значительны, так прекрасны — подобно розам.

Ваши глаза становятся подобны звездам.

Ваше сердце начинает биться в созвучии с вселенским сердцем.

Эта синхронизация есть Манифест дзен.

И не забудьте уговорить Гаутаму Будду прийти с вами.

Есть три шага просветления...

Первый: Гаутама Будда приходит позади вас совсем как тень — но тень не темная, она светлая. В ней нет личности, но лишь присутствие, потрясающее присутствие. Это тепло, вы в первый раз чувствуете любовь самого существования. Это спокойствие и одновременно прохлада. Таково чудо дзен. Со вторым шагом вы становитесь тенью. Ваша тень, конечно, темная; это ложное, это было вашей тюрьмой. Гаутама Будда выходит вперед. Это великая революция, потому что ваша тень немедленно начинает исчезать. И третий шаг наступает спонтанно: свобода от самого себя. Вас больше нет, есть только существование, жизнь, осознание.

Все это даровано Гаутамой Буддой. Он был первым человеком в истории, принесшим этот прорыв, превратившим горизонтальное сознание в вертикальное. Ваши корни уходят глубоко в землю, а ветви и цветы распускаются в небе.

Это встреча с вселенной, слияние с существованием. Возникает великое празднование, и не только внутри вас, все существование участвует в нем.

Ниведано...

Возвращайтесь...

но возвращайтесь как Гаутама Будда, с той же грацией, той

же красотой, тем же безмолвием, тем же божественным

опьянением, и посидите несколько мгновений, чтобы

вспомнить себя на золотом пути, что вы прошли — красоту,

блаженство, экстатический опыт достижения центра своего

существа, который раскрывается в космос.

Дзен — это не что иное, как раскрытие в космос.

Вы исчезаете, только существование остается.

Это есть окончательная свобода;

свобода от самого себя.

Эта свобода становится великим празднованием. Вы танцуете со звездами, вы танцуете с океаном, вы танцуете с деревьями, вы танцуете под небом, под звездами. Внезапно целый космос становится вашим домом. Вы не чужой, вы не посторонний. Вы принадлежите этому существованию. Это существование принадлежит вам. Это революция, которую дзен несет человечеству. Это великий дар дзен миру.

Для вас настало время начать празднество жизни, танец, глубоко синхронный с существованием — и принести огонь дзен всему свету. Это единственная возможность спасти человечество от самоубийства.

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Возлюбленный Ошо,

Однажды на пути к Ма-цзы Танка Теннен встретил старика и мальчика, и он спросил у них, где они живут. Старик ответил: «Наверху небо; внизу земля!»

Танка сказал: «А что если бы небо обрушилось, и земля развалилась на части?»

Старик промолвил: «Ах! Ах!»

Мальчик глубоко вздохнул, и Танка сказал: «Если бы не было отца, не родился бы ребенок».

Старик и ребенок двинулись в горы, и больше их не видели.

Как-то Танка Теннен улегся на мосту Теншин. Господин Тейко, который отвечал за мост, вышел и предупредил Танку, что ему лучше уйти, но Танка не встал.

Тейко спросил, отчего тот не слушает его. Спустя несколько мгновений Танка промолвил: «Я — монах от Ничто».

Тейко был поражен ответом Танки Теннена, и с той поры обеспечивал того одеждой и ежедневной пищей.

После этого инцидента Танку Теннена почитал весь город.

ПУСТЬ ХРИСТИАНСКИЙ КОРАБЛЬ ТОНЕТ

21 ФЕВРАЛЯ 1989 ГОДА аудитория Гаутамы Будды, Пуна, ИНДИЯ

Друзья, Первый вопрос:

В видении Томаса Мертона:

«Дзен не есть систематизированное объяснение жизни, это не идеология, это не мировоззрение, это не теология откровения и спасения, это не мистика, это не путь аскетического совершенствования, это не мистицизм, как его понимают на Западе; фактически, он не укладывается ни в одну из наших категорий, Следовательно, все наши попытки повесить на него ярлык и этикетки — такие как пантеизм, квиетизм, иллюминизм, пелагианизм — должны быть совершенно неуместными.

Но главная особенность дзен в том, что он отвергает все систематические изыскания, чтобы вернуться, насколько возможно, к чистой, не сформулированной и необъясненной почве прямого опыта. Прямого опыта чего? Самой жизни».

Возлюбленный Мастер, Томас Мертон понял суть?

История Томаса Мертона очень грустна. Возможно, он был одним из западных людей, подошедших к дзен очень близко. Он обладал чувствительностью поэта; другие подходят к дзен при помощи своего интеллекта, своего ума. Томас Мертон подходит к дзен при помощи своего сердца. Он чувствует его, но он не смог испытать прямого опыта, о котором говорит. Он мог бы стать первым мастером дзен на Западе, но ему помешала католическая церковь.

Томас Мертон был траппистским монахом под началом Ватикана. Траппистские монахи это - сильнее всего истязующие себя аскеты в христианстве. Возможно, поэтому их и называли траппистами (Trappists) — пойманными (trapped) навсегда.

Томас Мертон писал замечательные стихи, и он снова и снова просил разрешения отправиться в Японию и пожить в монастыре дзен, чтобы получить прямой опыт дзен. Но в разрешении ему было отказано шесть раз; снова и снова ему отказывали.

Если бы он действительно понимал дзен, то не побеспокоился бы даже о том, чтобы просить разрешения. Кто такой Ватикан? Кто такой папа? Мастер дзен, спрашивающий разрешения у непросветленных людей — такого не бывает. А он следовал приказаниям Ватикана и аббата своего монастыря.

Он прочел о дзен все, что было доступно на английском языке. Наконец он получил возможность поехать, но он не понимал метода работы организованных религий. В Таиланде, в Бангкоке собиралась католическая конференция миссионеров, и он попросил разрешения

посетить конференцию. В глубине своего сердца он собирался на эту конференцию в Бангкок просто потому, что оттуда он мог бы попасть в Японию, не спрашивая ни у кого разрешения.

Но Папа, лидеры Ватикана и его аббат — все они были осведомлены о его постоянном стремлении, попасть в монастырь дзен.

В последний день конференции в Бангкоке Томас Мертон говорил о дзен. К тому же, он упоминал, что очень хотел бы поехать в Японию из Бангкока. Той самой ночью его нашли мертвым. И никого не информируя, его тело немедленно бальзамировали, безо всякого вскрытия и без установления причины смерти. После того, как тело бальзамировано, вскрытие невозможно. Есть все основания подозревать, что его отравили, чтобы помешать ему поехать в монастырь дзен.

Убийство было аргументом так называемых религий. Это совершенно не религиозный подход. Если он хотел испытать опыт дзен, любой религиозный человек позволил бы ему. Именно так происходит в дзен. Мастер никогда не отказывает ученику, если тот заинтересован в каком-то другом монахе, в каком-то другом монастыре — может быть, принадлежащем к другой ветви — Сото или Ринзай... Разрешение дается благосклонно, и не только тем, кто стремится идти куда-то еще. Даже сам мастер, если он чувствует, что какой-то другой мастер будет более подходящим, какой-то другой путь, ведущий к прямому опыту, более подходит ученику, будет опрашивать своих собственных учеников в другие монастыри. Это совершенно иной мир, мир дзен, лишенный соревнования, в котором не возникает вопроса об обращении.

Убийство Томаса Мертона показывает скудость католицизма и христианства. Почему они так боялись? Страх был в том, что Томас Мертон уже восхвалял дзен, и несмотря на то, что он жил в монастыре, по-видимому, он колебался между дзен и христианством. Дать ему шанс поехать в Японию, и получить прямой опыт у мастера было бы опасным. Он мог бы увлечься дзен на всю свою жизнь. Эти так называемые религии до того ревнивы; у них нет никакого сострадания к индивидуальному росту, свободе.

Убийство Томаса Мертона — это не только убийство Томаса Мертона, это должно заставить каждого христианина осознать, что христианство не есть религия. В глубине оно более заинтересовано в количестве. Количество обладает своей собственной политикой. Чем больше количество ваших последователей, тем больше у вас власти, чтобы господствовать. И они всегда боятся, что любой, кто оставит их церковь, явится соблазном.

Но абсолютно несомненно, что Томас Мертон уже чувствовал в своем сердце огромную потребность в дзен. Христианство его больше не удовлетворяло. Всю свою жизнь он был монахом в монастыре, но мало-помалу, когда он познакомился с дзен, он смог увидеть, что христианство вовсе не было религией; вымысел, ложь, верование, но не прямой опыт. Сама идея дзен как не систематического, индивидуального подхода к истине прямым путем — не через теологию, не через веру, не через философию, а посредством медитации — чрезвычайно привлекала его, но это пока еще не было опытом.

Томас Мертон гораздо лучше Судзуки, Алана Уотса, Пола Репса, Роберта Бенойта и многих других, кто писал о дзен. Он подходит ближе всех, потому что он не говорит, исходя из головы, он говорит, исходя из сердца поэта.

Однако сердце всего лишь посредине, между головой и сущностью. Пока вы не достигли сущности, вы не имеете опыта самого себя. Но он был восприимчивым человеком;

ему удалось констатировать вещи, которых он не пережил.

Его утверждение прекрасно, но оно ясно показывает, что он не переживал этого сам. Это его понимание — конечно, гораздо более глубокое, чем у любого другого западного знатока дзен. Если бы это действительно было прямым опытом для него, таким путем, как он говорил, он не заботился бы ни о чем разрешении, он не заботился бы о христианстве. Он бы вышел из этой паствы — которая была просто рабством и ничем больше.

Поскольку он так и не вышел из церкви, что показывает то, что он висел посредине — он все еще не был уверен. Он не испытал вкус истины. Он только слышал о ней, читал о ней и чувствовал, что, по-видимому, есть другой подход, всецело отличный от подхода христианства. Но христианство по-прежнему держало его мертвой хваткой. Он не смог быть бунтарем — и именно в этом он оказался несостоятельным, совершенно несостоятельным.

Человек дзен в своей основе мятежен. Томас Мертон не был мятежным, он был очень покорной личностью. Покорность — это еще одно название для рабства, прекрасное название, которое не задевает вас, но это духовное рабство. То, что он, получив шестикратно отказ на свою просьбу, все же оставался в церкви ясно показывает, что духовно он был рабом. Хотя он и демонстрировал глубокую заинтересованность в дзен, эта заинтересованность была, самое большее, чуть глубже ума, но недостаточно глубока, чтобы достичь сущности. Он остался висющим посредине. Быть может теперь, в своей новой жизни, он окажется здесь или в Японии — самое вероятное, он здесь, среди вас — потому что таким было его последнее желание перед смертью.

Как только конференция окончилась, и он отправился спать, тут же он был отравлен. Когда он умирал, размышляя о дзен, его последним желанием, очевидно, было поехать в Японию, быть с мастером. Он прожил под властью христианства всю свою жизнь; но это не принесло ему свершения, не сделало его просветленным. Это было лишь утешением.

Только глупцов можно обмануть утешениями, ложью и выдумками. Человек столь сильной восприимчивости, какой обладал Томас Мертон, не мог быть одурачен. Но долгая постоянная покорность превратилась в духовное рабство. Он пытался выскользнуть из Бангкока — ведь там не было нужды спрашивать аббата монастыря, не было нужды спрашивать Папу. Он мог просто уехать из Бангкока.

Но эти так называемые религии убийственны. Они, очевидно, были наготове. Он стал проявлять интерес к Японии и не возвратился в свой монастырь прямо из Бангкока, как только конференция закончилась... убийцы были тут как тут. И когда он заметил в своей последней речи на конференции, что чрезвычайно заинтересован в дзен и хотел бы съездить отсюда в Японию, это заявление стало его смертью.

Так что это касается не только Аятоллы Хомейни. Здесь убивали и убивали, столетие за столетием, тех людей, которые хотели выйти из рабства, искать и исследовать истину по-своему; которые хотели избавиться от всех систем, которые хотели получить прямой опыт жизни.

Слова Томаса Мертона прекрасны, но это пустые слова, потому что за ними нет поддержки опыта. Я прочту эти слова снова.

«Дзен не есть систематическое объяснение жизни», — но так может очень легко сказать любой человек, читающий книги о дзен. Это не систематическое объяснение жизни;

фактически, это вообще не объяснение. В этом разница. Он отрицает. «Дзен не есть систематизированное объяснение жизни».

Я говорю вам, дзен это вообще не объяснение жизни или существования. Это опыт, не объяснение. Это не идеология.

Так может сказать любой человек, читающий книги по дзен. Но это констатировало с такой определенностью столько людей, обладавших лишь интеллектуальным пониманием, что это не большой показатель наличия у Томаса Мертона какого-нибудь опыта. Дзен, безусловно, не идеология, не мировоззрение. Все это разные слова для выражения одного и того же: «систематическое объяснение, идеология, мировоззрение, теология откровения и спасения». Он попросту тавтологичен, он высказывает одну и ту же вещь снова и снова, разными словами.

«Это не мистика» — здесь он ошибается. Это так, хотя этого и не заявлялось. Вот почему он подумал, что это не мистика. Эти незначительные вещи указывают, что он просто читал об этом — поскольку нигде не сказано, что это мистика. Поскольку ни один мастер не указывал когда-либо в словах, что это мистика, он думает, что это не мистика. Это так. Это величайшая мистика, величайшая тайна, величайшее чудо.

Но высказывать это словами не было путем дзен. Он привлекает людей, отбирает их идеологии, их теологии, их религии. Он оставляет вас абсолютно свежими у самого центра вашего существа. Без высказывания чего-либо вы переживаете мистику, вы переживаете тайну существования и жизни. Но поскольку это опыт...

В дзен даже не используют слово «опыт», они пользуются выражением «переживание опыта», потому что этот опыт не есть нечто мертвое и завершенное. Это речное течение, струящееся, живое, движущееся. Слово «опыт» указывает на то, что это становится завершенным. Нечто завершенное становится мертвым, а дзен — это самая живая вещь в мире; потому и не может быть сказано, что это опыт. Мы должны изобрести слово «переживание опыта»; вместо «река» — «течение реки»... Это дает ясное представление о том, что река не статична, она движется. В пути, всегда в пути, вечно в движении, впадая в океан, восходя к облакам, выпадая на горы дождем и снова становясь рекой... двигаясь по поразительно живому кругу, никогда нигде не останавливаясь.

В дзен не бывает полной остановки, а все наши слова — «опыт», «знание», «понимание»... дают иллюзию полной остановки. Нам надо заменить наши существительные глаголами — глаголы ближе к жизни. Мы пользуемся словом «жизнь», но нам следует использовать слово «проживание жизни» — это подходит ближе. От мгновения к мгновению — проживание жизни. «Жизнь» кажется чем-то мертвым; она уже завершила свой ход, подошла к концу, на кладбище.

Дзен - это, безусловно, мистика. Фактически, это единственная мистика. Но о ней не говорят, она сохраняется в тайне, чтобы вы не входили внутрь своего существа с определенной идеей. Вы

идете абсолютно чистыми и свежими. Вы найдете тайну, необъятную тайну жизни, но абсолютный подход дзен — не давать вам никакой идеи о том, что вам предстоит найти. Эта причина очень научна.

Если у вас есть какая-нибудь идея о том, что вы должны найти — которую вам дают все религии... — УМ обладает способностью создавать галлюцинацию из этой идеи. Тогда эта идея становится реальностью для вас. Христиане переживают опыт Христа, буддисты — опыт Будды, индуисты — опыт Кришны. К индуисту никогда не приходит Христос, к христианину никогда не приходит Мухаммед. Странно... Мухаммед приходит только к тем, кто верит в Мухаммеда.

Время от времени было бы хорошо для этих людей войти в опыт кого-то другого. Фактически, было бы абсолютно правильно обращаться... Если Христос явится индуисту, индуист станет христианином; если Кришна явится христианину, христианин обратится к движению «Харе Кришна, Харе Рама». Но такого никогда не происходит! Этого не может произойти, потому что вы несете определенную идею, настолько навязчивую, что весь ваш ум начинает создавать грезы.

УМ обладает способностью грезить, галлюцинировать, воображать. Если вы постоянно обдумываете одну-единственную идею, раньше или позже она делается такой фиксированной программой, что когда вы посмотрите в безмолвие, то внезапно обнаружите возникающего Христа. Так осуществляется ваша идея. Это порочный круг. Поскольку вы переживаете явление Христа, возникшего в вашем уме, ваша вера во Христа становится сильнее.

Теперь это больше не просто вера, это также и ваше переживание. Поскольку она становится сильнее, у Христа есть больше возможностей приблизиться к вам. Каждый раз, когда Христос является вам, он будет более основательным, более живым, ближе. И с каждым его явлением вы получаете обратную связь для своей системы веры, она делается все более сильной и более фанатичной. Скоро вы будете почти что безумны. Вы начнете разговаривать с Христом — и не только вы будете говорить, но и он будет отвечать.

Любой, кто наблюдает за вами, увидит, что вы делаете оба дела: вы задаете вопрос, и вы же отвечаете на вопрос. Любой, кто наблюдает за вами, будет способен увидеть, что вы просто ведете себя как сумасшедший. Вы не разговариваете ни с кем, кроме себя самого. Но вы уходите до того глубоко в галлюцинацию, с такой сильной и продолжительной обратной связью, что вы верите: тот, кто говорит, — это и есть Христос.

В каждом сумасшедшем доме вы можете найти таких безумцев, которые сидят и говорят, хотя рядом никого нет. И самый странный феномен, на который способен ум, состоит в том, что когда человек задает вопрос, его голос будет одним; когда он отвечает на вопрос, его голос будет другим — гудящим, потусторонним. Всю эту игру он разыгрывает в одиночку; нет никого, чтобы ответить.

В сумасшедшем доме один сумасшедший припал ухом к стене. Глаза его были опущены вниз, а ухо касалось стены. Заведующий много раз подходил к нему, но человек был совершенно неподвижен. Наконец, он не смог устоять перед искушением: «В чем дело?», — спросил он парня. Безумец произнес: «Гс-сссс!» Но заведующий сказал: «Что вы делаете?»

Тот ответил: «Я пытаюсь услышать. Вы сами можете попробовать».

Заведующий подошел к стене и прислушался, но слышать было нечего. Он сказал: «Я ничего не слышу».

Безумец сказал: «И я тоже ничего не слышу, но кто знает? Я буду продолжать, пока не услышу».

Если вы будете продолжать, пока не услышите, вы совершенно сойдете с ума. Религии доводили своих святых, своих монахов до безумия. Этот мир оказался в таком смятении не без причины: за это в полной мере ответственны религии.

Томас Мертон говорит: «Это не путь аскетического совершенствования». Поскольку он следовал аскетическому пути совершенствования, он смог увидеть, что дзен это другое; он не дает дисциплины. Траппистский монах живет в такой суровой дисциплине, в это трудно поверить.

Я рассказывал вам историю...

Один человек поступал в один из самых известных траппистских монастырей, и аббат сказал ему: «Вам известно наше правило? Семь лет вы не должны произносить ни единого слова. Только через семь лет вы можете сказать о том, чего вы хотите, в чем вы нуждаетесь, о чем желаете узнать — лишь короткая беседа. Потом семь лет снова вы должны молчать».

Человек решил следовать дисциплине, поэтому он согласился, и ему показали его келью. Он вошел в келью и увидел, что стекло было разбито. Семь лет он страдал от холода, страдал от дождя — так как дождь попадал прямо в помещение — и он не мог сказать ни единого слова, он должен был ждать семь лет.

Он ждал, а через семь лет он пришел к аббату и сказал: «Мое окно разбито».

Аббат сказал: «Довольно. Возвращайся. Семь лет больше ни слова. Окно будет отремонтировано».

Окно починили, но за семь лет матрац совершенно прогнил, потому что туда постоянно попадал дождь и даже снег. Вдруг он увидел, что не упомянул о матрасе. «Боже мой! Теперь снова семь лет...» А матрац собрал всевозможных тараканов, пауков... окно было разбито, и он стал хорошим убежищем для тараканов.

Через семь лет непрерывного страдания от тараканов... он снова пошел к аббату и сказал: «Вы починили окно, но матрац совершенно прогнил».

Аббат сказал: «Возвращайся в свою келью, новый матрац пришлют». А люди, которые принесли новый матрац, вытащили старый и почистили келью, но новый матрац оказался больше, чем келья. Они кое-как втиснули его, а так как они втискивали его, стекло на окне разбилось. Теперь снова начинается та же самая история...

Четырнадцать лет прошло — опять он вернулся к нулю. В первый день, когда он вошел, была эта ситуация. Он снова должен был ждать семь лет. Снова дождь — а он стареет, болеет, его постоянно лихорадит — но он не может говорить.

Спустя семь лет, когда он вошел к аббату, аббат велел ему заткнуться, прежде чем тот заговорил. «За двадцать один год я ничего от тебя не слышал, кроме жалоб, жалоб, жалоб! Убирайся из

монастыря!»

Потратив бесполезно двадцать один год в траппистском монастыре, бедняга был выброшен — больной, старый, истощенный. Двадцать один год непрерывной пытки!

Томас Мертон жил в траппистском монастыре. Само собой, он смог увидеть то, что дзен не дает вам никакой дисциплины, это не аскеза, и он смог увидеть, что он делает с собой, и что другие трапписты делают с собой. Это сущий мазохизм — самоистязание во имя аскетического образа жизни. Это не образ жизни, это образ смерти! Это медленное самоубийство, медленное отравление.

А его утверждение раскроет любой человек, который обладает прямым опытом дзен. Он говорит: «Это не путь аскетического совершенствования». Смысл таков, что это путь совершенствования без аскетизма. Это вообще не путь совершенствования.

Дзен — это эволюция, бесконечная эволюция. Совершенствование — это дорожный тупик, дальше не пройти. В дзен всегда доступно бесконечное и вечное. Вам не исчерпать его. Фактически, когда вы продолжаете путь, то путь не исчерпывается, мало-помалу вы начинаете рассеиваться и исчезать. Вдруг вы обнаруживаете однажды, что вас нет больше, есть только существование.

Это вообще не совершенствование, это не спасение. Это растворение, это исчезновение, это таяние, подобное таянию льда в океане.

Томас Мертон продолжает: «Это не мистицизм, как его понимают на Западе».

На Западе это понимается как мистицизм; это не значит, что это не мистицизм. Безусловно, это не мистицизм, который возникает в уме как философская точка зрения. Это чистый мистицизм, не порожденный умом, но возникший из самых истоков вашей жизни. Он расцветает мистическими цветами, испускающими таинственные, абсолютно неведомые ароматы в существование. Это мистицизм — но это не «изм». Это не философия, это не вероучение или культ. Снова и снова вы должны отступать в направлении прямого опыта.

Он говорит: «Фактически, он не укладывается ни в одну из наших категорий».

Все его утверждения прекрасны, но кое-что упускается. Это недостающее звено вы обнаружите лишь, если у вас есть опыт. Тогда вы можете сравнить. В противном случае Томас Мертон будет выглядеть абсолютно правым, человеком дзен, Он не человек дзен. Он хотел им быть, но если бы он был человеком дзен, не было бы нужды ехать в Японию. Я никогда не был в Японии.

Фактически, в японских монастырях дзен читались мои книги, их предписывали в университетах дзен — но я никогда не был в Японии. Мне это и не нужно. Сам Будда никогда не отправлялся в Японию, Махакашьяпа не родился в Японии.

Его желание поехать в Японию показывает, что он видел ясно одно: что христианство не работает. И он искал какой-то новый подход, который бы работал. Его утверждение: - «фактически, он не укладывается не в одну из наших категорий» — истинно. Но это не только наши категории — он не укладывается ни в какой вид категорий. Он за пределами категорий.

Ни христианские категории, ни индуистские, ни мусульманские, ни джайнские — он не укладывается ни в какую категорию. Он так оригинален, что вы не можете подогнать его ни под какие категории. Оригинальное всегда индивидуально; это не категория.

Как вы думаете, подхожу ли я под какую-нибудь категорию? Все категории против меня! И причина этого в том, что я не подхожу под них. У меня нет желания подходить кому-нибудь. Мне достаточно самого себя. Мне не нужна никакая религия, мне не нужна никакая философия, мне не нужна никакая категория.

Другими словами: я сам по себе есть категория. Дзен не будет подходить, ни под какие категории, потому что он сам по себе есть категория. И это настолько бунтарская категория, настолько бессистемная категория, что в дзен полевые цветы принимаются как равные розам и лотосам. Не имеет значения, лотос ли это, или роза, или просто дикий цветок, единственное, что имеет значение — это цветение. Все они расцвели в своем потенциале. Вот в чем все они равны. Их краски различны, их красота различна, их ароматы различны — а у некоторых, возможно, вообще нет никакого аромата.

Поэтому они не подходят к одной категории, но что касается цветения, все они расцвели, распустились во всей тотальности. Все то, что было скрыто, стало действительностью. То, что было мечтой побега, расцвело в реальности.

Дзен это цветение вашего потенциала. У всех разный потенциал, поэтому, когда вы расцветаете как человек дзен, вы обладаете уникальной индивидуальностью. Вы не подходите ни под какую категорию — и не только под христианские категории. Вот что подразумевает Томас Мертон: «Фактически, он не укладывается ни в одну из наших категорий».

Но я должен сказать вам, он вообще не укладывается ни в одну категорию — вашу, нашу или чью-нибудь еще. Он за пределами ума. Все категории принадлежат уму. Это единственный бунт против ума: выход за его пределы. Это единственное восстание против личности: вхождение в не-я, в анатту. Это окончательная свобода от всех видов зависимости: тюрем и категорий, «измов» и идеологий, мировоззрений и философий. Это абсолютная свобода от всего того, что ум может создать и что ум может понять. Это также свобода от сердца.

Сердце может понять нечто глубже, чем ум, но дзен гораздо глубже, чем сердце. Сердце может быть лишь гостем на одну ночь. Когда вы движетесь в направлении своего существа, ваше сердце, ваше искусство, ваша музыка, ваш танец, ваша поэзия, ваша живопись, ваша скульптура могут быть лишь остановкой на одну ночь. Но вы должны идти глубже. Вы должны добраться до самых корней своей жизни, откуда вы получаете питание каждый миг, до той точки, где вы соединены с существованием, где вы больше не отделены.

«Следовательно, все наши попытки», — говорит Томас Мертон, — «повесить на него ярлыки и этикетки — такие как пантеизм, квиетизм, иллюминизм, пелагианизм — должны быть совершенно неуместными».

Это самое наивное понимание, для которого не требуется никакого прямого опыта. Он подходит к сути. Он говорит: «Но главная особенность дзен в том, что он отвергает все систематические изыскания чтобы, вернуться, насколько возможно, к чистой не сформулированной и необъясненной почве прямого опыта. Прямого опыта чего? Самой жизни».

Прекрасное утверждение, но пустое — пластиковый цветок без аромата и без жизни внутри. В противном случае, зачем он хотел отправиться в Японию? Если бы у него уже был этот прямой опыт, о котором он говорит, то не было нужды ездить в Японию, и не было нужды оставаться в траппистском монастыре. Он был бы человеком свободы.

Но он так и не смог обрести такую свободу. Он стремился к ней, он желал ее — а желаете чего-то вы лишь потому, что не имеете этого. Если что-то у вас есть, вы этого не желаете.

И вы спросили: Возлюбленный Мастер, Томас Мертон понял суть?

Тогда еще нет — но, возможно, в этой жизни. После того, как он был убит христианами...

Познавшим прямой опыт хорошо известно, что ваша последняя мысль перед смертью будет и вашей первой мыслью, когда вы родитесь и начнете расти. Как только у вас начнет появляться разум, неожиданно появится и ваша последняя мысль из прошлой жизни. Она таилась внутри вас.

Это совсем как последняя мысль, когда вы ложитесь спать. Понаблюдайте, что такое последняя мысль... или, может быть, лучше создать последнюю мысль, так вы яснее осознаете ее. Например, просто думайте о нуле. Продолжайте наблюдать ноль, визуализируйте его, сохраняя внутри мысль: ноль, ноль, ноль, ноль... и придет сон. Когда приходит сон, по-прежнему продолжается далекое эхо: ноль, ноль, ноль... Когда сон углубляется, вы забываете о слове «ноль».

Потом, запомните, рано утром, когда вы чувствуете пробуждение — не открывайте глаза, подождите немного. Через мгновение первая мысль утром будет, «ноль». Это даст вам понятие о том, что, несмотря на то, что вы забыли о нуле, всю ночь, восемь часов, он непрерывно был с вами как подводное течение. В противном случае, как вы обнаружили именно эту мысль утром как первую мысль?

То же самое и в случае смерти, поскольку смерть есть не что иное, как более глубокий сон. Последняя мысль, последнее желание обязательно будет вашей первой мыслью, вашим первым желанием, как только вы созреете, для того чтобы иметь мысли. Она немедленно придет к вам на ум.

На Тибете существует особая церемония для умирающих, называемая «Бардо». Человек умирает, а мастера Бардо описывают определенные переживания, которые должны с вами произойти: что вы будете рождены в определенной, особенной утробе, что вы будете рождены как разумное существо, что вашей первой мыслью будет — как найти истину, как стать буддой... Они продолжают повторять...

Человек умирает, он уходит все глубже и глубже в сон, а они продолжают повторять, пока не почувствуют, что человек умер. Они дают ему последнюю мысль. Возможно, он не имел бы этой последней мысли сам, так как его последней мыслью могут быть деньги, его последней мыслью может быть секс, его последней мыслью может быть все, чего он желал и не смог добиться: власть, престиж, респектабельность.

Никогда не известно, какой, будет последняя мысль. Она будет тем, чего вы не смогли

материализовать в своей жизни и в чем разочаровались. Это будет вскипать, всплывать у вас в голове и преследовать вас в новой жизни. Это будет определяющим фактором в вашей новой фазе, в вашем новом путешествии.

Тибетские просветленные обнаружили, что лучше не зависеть от человека. Лучше создать аромат, атмосферу, в которой он забывает о деньгах и сексе, власти и престиже, славе и имени, и они продолжают повторение Бардо таким мелодичным голосом, что невозможно этого не услышать.

Я знал одного известного доктора в Джабалпуре, доктора Бхарата, бенгальского доктора, самого известного в той части страны. Он был президентом Ротари-клуба; вот так я и узнал его — потому что он предложил мне выступить перед Ротари-клубом.

Он прибыл к моему дому, усадил меня к себе в машину, послушал меня первый раз в Ротари-клубе и очень глубоко заинтересовался мною. Обычно он приезжал навестить меня время от времени. Он читал книги, которые я предлагал ему, потому что хотел прочесть что-то о дзен, о тибетском мистицизме, о суфизме, о хасидизме — о том, что я ему говорил.

Таким образом он узнал о Бардо. Он спросил: «Что такое Бардо?»

Я сказал: «Я приеду к вам в клинику и дам вам попробовать».

Он спросил: «Что значит, вы дадите мне попробовать?»

Я сказал: «Фактически, как раз наоборот. Но позвольте мне приехать к вам в клинику».

Я приехал к нему в клинику и велел ему: «Дайте мне хлороформ».

Он переспросил: «Что?»

Я сказал: «Дайте мне хлороформ, и я буду продолжать повторять: один, два, три, четыре, пять... а вы просто слушайте, на каком числе я остановлюсь. И когда я вернусь, когда вы удалите хлороформную маску, прислушайтесь ко мне. Я начну считать с того же самого числа, на котором я остановился, в обратном порядке».

Он был немного обеспокоен. Сначала он сказал:

«Теперь мы перестали пользоваться хлороформом».

Я сказал: «Вам придется это сделать, если вы хотите понять Бардо».

Он сказал: «Но это же опасно».

Я сказал: «Не волнуйтесь, это не опасно».

Итак, я убедил его. Он поместил меня под маску, и я начал повторять числа: один, два, три... И я наблюдал внутри, как мой голос становился все тише, тише и тише, и как он придвигался ухом поближе к моим губам, чтобы услышать последнее число — это было девять. После этого я не мог говорить, тело было совершенно парализовано, мои губы не могли пошевелиться.

Через десять минут он удалил маску и стал ждать. Как только я смог шевелить своими губами, он услышал: «Девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один». И пока я считал в обратном порядке, мой голос становился все яснее и яснее. К тому времени, как я достиг единицы, я вернулся.

Я сказал: «Это и есть Бардо. Когда ты умираешь, если ты можешь справиться сам, хорошо; в противном случае, позови меня. Тогда я дам тебе представление о том, куда идти, какую утробу найти, какие родители дадут тебе свободу, какую атмосферу искать, где ты скоро станешь разумным, и не будешь оставаться отсталым — идею о том, чтобы стать Гаутамой Буддой, идею о том, чтобы стать просветленным».

Он был все еще жив, когда я покидал Джабалпур в 1970 году, поэтому я не знаю, что произошло с этим парнем. Он был стар, вероятно, он умер и родился где-то еще. И я не думаю, что он был способен создать программу для нового путешествия. Бардо — это программирование всего вашего путешествия.

Томас Мертон, по-видимому, родился в Японии или в том месте, где он мог испытать опыт дзен безо всяких препятствий со стороны христианства, безо всякой покорности какому-либо Папе. Но в прошлой жизни, когда он был Томасом Мертоном, он много размышлял о дзен, что могло создать атмосферу Бардо. И поскольку это было его последним утверждением на конференции... и он, очевидно, планировал это в то время как был отравлен. Следующим утром он уезжал в Японию, он уже заказал билет в Японию — но он не сознавал того, что христианство не позволит вам выйти из своей тюрьмы так легко.

Я против всех этих религий по той простой причине, что они всегда были преступны, убийственны. Они говорили о мире, любви, Боге; они говорили великие слова — но они не подразумевают этого. То, что они подразумевают, может быть обнаружено только в их поступках, не в их словах.

Второй вопрос:

Томас Мертон писал: «Дзен — самый мистический из всего духовного...»

Видите противоречие? Как раз в первом утверждении он говорил — это не мистика, это не мистицизм, а теперь он говорит:

«Дзен — самый мистический из всего духовного, он так наполнен дерзким парадоксом, что это первый действительный скандал для рационального духа Запада».

Возлюбленный Мастер,

Но, фактически, разве дзен не более рационален в своей иррациональности — признавая, что рациональность имеет пределы, а мы ищем неограниченного — чем христианство со своими чудесами, безукоризненной концепцией и воскресением?

Во-первых, дело в том, что Томас Мертон был не очень сознательным существом; он не знал ничего о медитации. Без знания медитации вы не можете быть более сознательны, чем обычные люди; каждый имеет тонкий слой сознания. Потому он сейчас же забывает, что он отрицал то,

что дзен мистика, и тут же переходит к следующему: «Дзен самый мистический из всего духовного». Фактически, он просто мистичен; у него нет ничего общего с духовностью. Он далеко за пределами так называемой духовности — потому что чем же другим может быть ваш дух, как не вашей личностью? Поэтому вся духовность сосредоточена на самореализации.

Дзен это вообще не духовное явление, потому что он движется за пределы духа и за пределы личности. Он уходит в ничто. Это растворение в голубом небе.

Например, джайнизм это великая духовность. Он останавливается на реализации личности. Как только вы реализовали вашу индивидуальность, он останавливается. Вы становитесь замерзшим айсбергом, вы не таете. Гаутама Будда идет дальше, чем Махавира. Айсберг должен растаять, и когда айсберг тает, вас нет больше.

Это даже не духовность. Безусловно, это делает его более мистическим, но не более мистической духовностью. Основной подход Гаутамы Будды в том, что вас нет, и вы должны заглянуть в это ничто. Это ничто является началом вашей универсальной синхронности с самим сердцем существования. Этому растворению в океане жизни никогда не учил никто другой, кроме Гаутамы Будды. А после Гаутамы Будды мастера дзен взяли на себя эту задачу.

Это не духовность, поскольку там нет личности. Это чрезвычайно таинственно, потому что вам предлагается растворить самого себя — что будет выглядеть для ума труднейшей вещью, но это не так. Если вы вне ума, нет ничего легче.

Выражение Шекспира, «Быть или не быть...» Все религии за первое: быть. Лишь только дзен, поднимаясь высоко в голубое небо, провозглашает это явление, это великое таинство — не быть. Быть это просто расширение вашего эго. Ваша самость (self) есть просто отшлифованное эго и ничего больше. О вашей самости можно сказать, что это ваше духовное эго — благочестивое эго, очень рафинированное, очень тонкое, однако это не что иное, как эго.

Ваша личность дается обществом, ваша индивидуальность дается самим вашим рождением. Но перед рождением вы не были индивидуальны, вы были едины с утробой матери. Вы никогда не думали о том, чтобы отделиться — вы не были отдельны. Вас питала материнская кровь, материнский кислород; вы были частью материнского тела. Вы были соединены пуповиной с материнским телом, и оно было самым источником вашей жизни. Мать давала вам жизнь; вы не имели никакой индивидуальности.

Поэтому когда вы достигаете окончательной вселенской утробы, снова вы не будете иметь никакой индивидуальности. Личность должна быть отброшена очень быстро. Эго лишь одежда, даваемая обществом, чтобы прикрывать вас, сохранять ваше неведение относительно своей индивидуальности, которая более естественна. Поэтому все цивилизованные культуры против наготы. Эго не просто социальный вопрос; они не хотят, чтобы вы узнали свою индивидуальность, они хотят, чтобы вы думали о себе как о личности. Ваша одежда, ваш язык, ваше образование, ваша мораль, ваша религия, ваше хождение в церковь, ваша молитва... все это составляет вашу личность. Все это одежды, которыми общество продолжает прикрывать вас, и вы совершенно забываете о своей индивидуальности.

Первое, что должен сделать дзен — это отобрать все эти одежды. Второе, что он должен сделать — это отобрать даже индивидуальность и оставить вас во вселенской утробе, совершенно

единым с существованием. Это не духовность, это чистая жизнь, чистое существование. Но не говорите о духовности, или самореализации, или спасении — все это оковы эго.

Томас Мертон осознавал факт того, что дзен «настолько наполнен дерзким, парадоксом...» Эти парадоксы появляются лишь у тех, кто старается понять дзен по книгам. Дзен — это прямая передача лампы. Без мастера очень редко случается так, что кто-то становится просветленным. С мастером вы уже движетесь внутри энергетического поля. Вы есть ни что иное, как энергия, конденсированная энергия, а мастер гармоничен с существованием. Если вы попадаете в созвучие с мастером, косвенно вы достигаете созвучия с существованием, как только мастер увидит, что вы добились созвучия с ним, он просто отступает с дороги.

Вот почему Будда сказал очень странную вещь: «Если вы встретите меня на своем пути, немедленно отрубите мне голову». Он говорит о том, что мастер в определенной точке должен сойти с дороги. Если он не уходит, долг ученика оттолкнуть его и идти прямо в космос. Но никакой достойный мастер не будет становиться препятствием.

Учителя могут стать препятствиями — и учителя Томаса Мертона были препятствиями. Его аббат мешал ему, Папа мешал ему, все эти старшие монахи в монастыре мешали ему. Они говорили: «Что за нужда? У тебя есть Христос, у тебя есть христианство, у тебя есть величайшая религия мира. Зачем ты хочешь ехать в Японию, и особенно к людям дзен, которые составляют всего лишь небольшой ручей?»

Если вы читаете по книгам, вы найдете их полными противоречий, но если вы учитесь у мастера, он растворит противоречия. Это то, чем я занимаюсь непрерывно. Вы приносите сутры, которые почти не имеют объяснения, самые парадоксальные, самые странные, почти абсурдные.

Все мое усилие в том, чтобы устранить эту абсурдность, это парадокс и сделать вещи чистыми и ясными для вас, чтобы вы могли, по меньшей мере, понимать дзен не как парадоксальную систему, противоречащую себе, иррациональную, но как систему абсолютно созвучную с существованием. Безусловно, она не следует логике Аристотеля, от которой зависит все христианство.

Запад находит в Аристотеле отца всего своего логического ума. Аристотель и вправду гений в том, что касается ума, но он понятия не имеет о том, что за пределами ума. В точности, как и Томас Мертон, стремящийся поехать в Японию, чтобы получить прямой опыт. Аристотель был учителем Александра Великого. И когда Александр завоевывал Индию, он спросил своего учителя, Аристотеля: «Хотелось бы тебе, чтобы я подарил тебе нечто особенное? Я могу доставить из Индии все, что ты пожелаешь».

И Аристотель попросил Александра привезти ему саньясина. Он сказал: «Я слышал очень многое о саньясинах и их просветлении. Если сможешь, доставь просветленного саньясина, это будет настоящим даром для меня. И во-вторых, я слышал много о Ведах индуистов, их писаниях. Если ты сможешь, доставить комплект из четырех Вед и просветленного саньясина, это будет величайшим даром для меня».

Это показывает, что он не понимает, что такое просветление, он не понимает, что такое саньяса. Он просит противоречивых вещей. Саньясин, просветленное существо, против всех писаний — а

он просит также и индуистские писания. Он не знает, что это две несовместимые вещи. Но несомненно одно — то, что он не имеет опыта внутреннего мира, в противном случае он не попросил бы привезти саньясина. Он не понимает, что есть этот феномен просветления.

Ваш величайший логик абсолютно не осведомлен о своем собственном бытии, — не говоря уже о великом бытии существования, — и он по-прежнему старается вычислить это при помощи ума. Отсюда его просьба доставить четыре Веды, чтобы, читая Веды, он мог понять просветление. Веды не нужны для просветления. Вам не понять просветления путем чтения каких-либо писаний. Все, чего вы добьетесь, будет заблуждением.

Томас Мертон говорит: «он так наполнен дерзким парадоксом», — это не дерзкий парадокс — «что это первый настоящий скандал, для рационального духа Запада». Рациональный дух? Он использует слово «дух» вместо слова «ум». Рациональный ум кажется уместным; о «рациональном духе» никто никогда не слышал. Либо вы обладаете рациональностью, либо вы обладаете духом. Оба они не могут существовать вместе.

Если вы отбросили свою рациональность, остается только дух, остается «я». Такова последняя преграда. Когда последняя преграда также отброшена, вас нет больше, есть лишь существование, есть лишь жизнь — это и есть дзен.

Вы спрашиваете: Возлюбленный Мастер, но разве дзен фактически не более рационален в своей иррациональности?..

Нет. Дзен ни рационален, ни иррационален, поскольку обе эти категории относятся к уму. Дзен попросту за пределами любой двойственности. Рациональное и иррациональное — это просто еще одна двойственность, как день и ночь, рождение и смерть, тьма и свет. Дзен попросту за пределами любых двойственных концепций.

Если вы за пределами ума, у вас не может быть никакой двойственности, ни малейшего следа двойственности. Вы ни рациональны, ни иррациональны; вы просто здесь и сейчас, безо всякого ярлыка. Все ярлыки собраны умом. Вы больше не мужчина или женщина; вы никогда не рождались, вы никогда не умирали. Все это было той же самой материей, из которой созданы грезы.

Вы говорите так: признавая, что рациональность имеет пределы, а мы стремимся к неограниченному... Нет, мы ни к чему нее стремимся. Неограниченное тоже становится для ума, просто противоположностью ограниченному — снова двойственность. Мы не за что-нибудь, мы просто расслабляемся внутри самих себя. Гнаться за чем-нибудь это всегда значит двигаться вовне. Гнаться за чем-нибудь означает гнаться за чем-нибудь снаружи вас. Мы ни за чем не гонимся; мы отбрасываем все эти гонки — за тем или за этим, за деньгами, за властью, за престижем, за самореализацией, за Богом. Все эти вещи отброшены. Мы попросту расслабляемся и покоимся в самом своем источнике.

Вы также спрашиваете: ...Разве дзен не более рационален — а мы стремимся к неограниченному — чем христианство со своими чудесами, безукоризненной концепцией и воскресением?

Христианство живет за счет всевозможной лжи. Все религии живут ложью, но ложь

христианства наиболее очевидна.

Другие религии усердно старались скрывать свою не-рациональность, и порой вы бываете не в состоянии обнаружить, где же нерациональное. Например, джайнизм не имеет Бога, поэтому величайшая ложь уничтожена, и с ней многие другие вещи. Нет вопроса сотворения и нет вопроса последнего судного дня; нет вопроса пророков, при-ходящих от бога, нет вопроса мессий, посланников Бора, нет вопроса Иисуса Христа, единственного единородного сына Божьего. Когда нет Бога, все эти вещи исчезают автома-тически. Джайнизм оказывается более основательно укорененным.

Махавира не творит чудес, не дает глаз слепому, не дает здоровья больным, не возвращает умершего к жизни. Там нет чудес, которые могут вызвать сомнение в вашем уме: «Как эти вещи возможны? Это же абсолютно ненауч-но». Поэтому Махавира стоит на более твердой почве, и бу-дет очень трудно найти, где же он скрывает свою иррацио-нальность.

Большинство последователей Махавиры никогда не думали, что может быть что-нибудь иррациональное в Махавире. Он кажется очень рациональным, гораздо более рацио-нальным, чем Аристотель. Логика Аристотеля — это просто два шага: да/нет, день/ночь, позитивное/негативное. Всего две полярности брались в расчет. Но как же насчет середи-ны? Бывает много позиций между двумя крайностями — по крайней мере, там есть середина. А когда есть середина, сно-ва есть еще одна середина — с одной стороны и с другой. По мере того, как вы продолжаете создавать середины...

Посмотрите, между этими пятью пальцами — один промежуток, второй промежуток, третий промежуток, четвертый промежуток — вот и есть девять точек. Но это не исчерпывающе. Если вы помещаете точку между двумя пальцами, по обе стороны от середины снова образуется два интервала. Этот процесс деления и деления на все меньшие части бесконечен.

Махавира делит свою логику на семь частей. Он оказывается более рациональным, чем Аристотель, поскольку у Аристотеля есть только две альтернативы — очень бедная логика. Поэтому когда вы изучаете Махавиру, вы будете поражены его тонкостью и не сможете найти изъянов.

Они есть. Религия не может жить без лазеек — но это гораздо выше христианства. Лазейки христианства очевидны каждому. Только совершенно слепые могут быть христиа-нами, те, кто не может смотреть даже прямо перед собой.

Безукоризненная концепция, девственное рождение... как может разумная личность продолжать верить в девствен-ное рождение? Сотворение мира — и никто не спрашивает, чем Бог занимался перед этим. Был ли он совершенно праздным... вечно? Просто жил со Святым Духом?

Очень странный Бог... И внезапно, совершенно без причины, шесть тысяч лет тому назад он создал весь мир за шесть дней. Неужели вы думаете, что кто-нибудь может создать всю эту вселенную за шесть дней? А если он был таким созидательным, тогда почему оставался совершенно бессильным целую вечность?

А если есть начало существованию, должен быть и конец. Все очень ясно. Чудеса Иисуса Христа

— хождение по воде, воскрешение умершего — очевидно ясны, но не научны. Воскресение... и сразу же после воскресения он бодро встал и пошел, без всякого транспорта, даже без коня?..

Мухаммед, по крайней мере, имел коня для езды. Он как раз остановился отдохнуть посреди дороги в Иерусалиме. Иерусалим казался заоблачным, святым городом. Утомленный после долгого путешествия, он отдыхал на скале, а затем совершил еще один скачок — но, по крайней мере, у него был конь! Иисус не имел даже коня, однако пошел тут же... как воздушный шар, и без всякого газа! А после достижения рая он, очевидно, сбросил веревку своей матери и вытащил ее к себе в рай!

И люди продолжают верить в такие чудеса! А если вы удалите все эти вещи, христианству будет нечего предложить. Поэтому они продолжают настаивать, что это реальные, фактические происшествия. Но приходит время, когда они не могут больше настаивать.

Джайнизм гораздо выше, но я скажу вам, где его лазейки. Его лазейки очень хорошо скрыты. Он не верит в сотворение. Тогда возникает вопрос: мировое население продолжает расти, так откуда же приходят все эти люди? Ни на одной планете, ни на одной звезде нет признаков жизни, так откуда же продолжают приходить все эти люди?

Во время Махавиры в Индии жило лишь два миллиона человек. Сейчас в одной Индии лишь девятьсот миллионов человек. Откуда они пришли? — не говоря уже о комарах, потому что они тоже имеют душу, согласно Махавире. И постельные клопы, и тараканы, и крысы — только посмотрите на мир — все они имеют душу! Откуда же они приходят?

И Махавира имел свою лазейку; он сфабриковал идею, что есть место, называемое нигод — где-то далеко, как и Бог — и этот нигод представляет собой нечто вроде холодильника, в котором находятся вечно замороженные души, бесконечное число душ. Этот холодильник не может быть маленьким. Какими бы замороженными ни были эти души, они займут какое-то пространство, поэтому холодильник должен быть достаточно большим, чтобы вместить многие миллионы и триллионы душ. И эти души приходят одна за другой. Почему одна за другой?

Этот Нигод — абсолютно вымышленное место, придуманное лишь, для того чтобы ответить на вопрос: «откуда же приходят души... их число постоянно растет». Если мир не сотворен, если сохраняется одно и то же число людей, нет и вопроса. Но каждый день число людей растет; каждый миг, каждую секунду появляются тысячи людей. И это только люди... как же все остальные животные, насекомые?.. Они тоже имеют душу. Согласно Махавире, каждое живое существо имеет душу, даже дерево.

Поэтому, в конце концов, он должен был изобрести ложь — что есть некое далекое место, где души пребывают в спячке. Верхний слой освобождается, затем освобождается еще один слой. Но кто продельывает всю эту работу? Кто содержит эту лавку? И почему какие-то люди приходят первыми, а какие-то все еще в холодильнике? У Махавиры нет объяснений этому.

В каждой религии — не имеет значения, что это за религия — вы обнаружите, если вы исследуете ее достаточно глубоко, сколь бы изощренной она ни была, там будет лазейка. Все религии зависят от лжи.

Дзен не религия, потому ему не нужно быть зависимым от лжи. Это чистый поиск. В этом

поиске он обходится безо всякого предрассудка или верования. Он даже не говорит, что вы что-нибудь найдете. Никогда не знаешь:

вы просто идете и видите сами, есть ли что-то внутри или нет. Несмотря на то, что любой, кто вошел глубоко вовнутрь, всегда находил, все же дзен продолжает быть единственным подходом без всякой лжи. Прекрасно зная, что в вас скрыт будда, он не предлагает вам верить в это. Ищите самого себя.

Дзен дает вам такую тотальную свободу, потому что он не навязывает никакого верования. Поэтому вы не можете обнаружить никакой лазейки в дзен. В этом его красота, в этом его величие.

Сутра:

Возлюбленный Ошо,

Однажды на пути к Ма-цзы Танка Теннен встретил старика и мальчика, и он спросил у них, где они живут. Старик ответил: «Наверху небо; внизу земля!»

Человек дзен, безусловно. Он не отвечает на вопрос:

Где ты живешь? Он попросту говорит: Наверху небо; внизу земля!

Можно ли жить где-нибудь еще? Везде наверху небо, а внизу земля. Поэтому, где бы вы ни жили, вы живете между этими двумя вещами: небом и землей. Какой смысл вешать ярлыки: «я живу здесь» или «я живу там»? Жизнь существует на земле, под небом.

Старик, несомненно, обладает пониманием — но Танка Теннен не может признать это так легко.

Танка сказал: «А что если бы небо обрушилось, и земля развалилась на части?»

Старик просто вымолвил: «Ах! Ах!»

Небо рушится, и земля разваливается на части — что сказать, кроме последнего «ах»? Но он оказался действительно человеком дзен — он не стал спорить о сути. Он не стал спрашивать: «Как может небо рухнуть? Как может земля развалиться на части?»

Нет, дзен это не спор. Дзен это отклик — спонтанный. Он не ссорится, он просто констатирует. Он принимает то, что говорит Танка; «Возможно, кто знает, небо однажды рухнет, земля развалится на части...»

Старик восклицает: «Ах! Ах! — если так случится, вот мой последний ответ».

Мальчик глубоко вздохнул, и Танка сказал: «Если бы не было отца, не родился бы ребенок».

Старик и ребенок двинулись в горы, и больше их не видели.

Оба оказались очень необычными людьми — старик, безусловно, и даже мальчик. Когда старик воскликнул: «Ах! Ах!», мальчик глубоко вздохнул. Если это случится, последний вздох, последнее чувство жизни, последний танец... Еще один вдох немногого требует.

И когда Танка сказал: «Если бы не было отца, не родился бы ребенок», они не произнесли ничего. Они просто исчезли в горах, и больше их не видели.

Это и есть то, что я называю свободой от самого себя, Манифестом дзен. Это исчезновение в горах, это исчезновение в океане, это исчезновение в небе. Основой является исчезновение личности. Тогда вас больше не увидят снова. Этот старик и маленький мальчик — они оба оказались точными.

Как-то Танка Теннен улегся на мосту Теншин. Господин Тейко, который отвечал за мост, вышел и предупредил Танку, что ему лучше уйти, но Танка не вставал.

Никто не может приказывать человеку дзен. Вы можете убить его, но не можете приказывать ему. Вы можете убить его, но вы не можете командовать им.

Человек дзен не беспокоится о смерти, потому что он знает свое бессмертие. Для него безразлично, кто вы: власти-тель, губернатор или император, это не имеет значения. Вы просто созданы из пяти элементов: земли, воды, огня, воздуха, неба. Вы созданы из пяти элементов, как и любой ни-щий — «Не беспокой меня».

Поэтому Танка даже не отвечал, а продолжал лежать на мосту, на котором не разрешалось лежать,

Правитель сказал ему, что лучше ему уйти, но Танка Теннен не вставал и не отвечал.

Тейко спросил, отчего тот не слушает его. Спустя несколько мгновений Танка промолвил:

«Я монах от Ничто».

«Кому слушать? Я искал достаточно, я не нашел никого, кто мог бы слушать, я обнаружил только ничто. Я — человек ничто; не тревожь меня. Внутри меня нет никого, чтобы слушать тебя или следовать твоим приказаниям. Я смотрел достаточно, искал достаточно, в каждом углу и закоулке. Это чистое ничто. Меня нигде не найти, так с кем же ты говоришь?»

И что означают слова: «Отчего ты не слушаешь меня?» Нет ни меня, ни тебя. Никто не говорил, никто не слушал. Я монах от ничто».

Он говорит «Я человек дзен».

Господин Тейко был поражен. Это был очень странный человек. Но то было не философское утверждение;

Теннен сиял. Поскольку он нашел, его больше нет; лишь существование выражает себя. Его больше нет, поэтому существование завладело им. Его покой, его безмолвие, его величие, его грация исходят от существования, потому что он позволил. Обнаружив, что внутри нет никого, он раскрыл все двери. Свежее дуновение и солнечные лучи... а порой в окна заглядывает луна. Дом совершенно свободен от всякого эго, от всякой личности.

Однако человек такого ничто обладает потрясающим присутствием. У него нет личного, у него нет персональности, у него нет личности, но он излучает свет, он излучает радость, он излучает вокруг себя танец неуловимых энергий.

Господин Тейко был поражен ответом Танки Теннена и с той поры обеспечивал того одеждой и ежедневной пищей — и не просил его передвинуться с моста.

Танка Теннен жил всю свою жизнь на том мосту. В конце концов, господину Тейко пришлось построить для него хижину, потому что шел дождь, было лишком много солнца, а он так и лежал обнаженным. Ему пришлось обеспечивать его одеждой, готовить для него пищу. Наконец он отбросил мысль о том, чтобы владеть мостом и выстроил хижину посреди моста. Этот человек оказал такое влияние на Тейко, что благодаря нему, весь город, в котором он был правителем, начал почитать Танку.

Он стал известен как очень странный человек, но человек истины, искренности, необъятного блаженства. Самая высокая милость изливалась на всякого, кто был восприимчивым. Таков смысл почитания. Оно не должно быть формальным, в противном случае вы будете не в состоянии понять человека дзен.

Ваше почитание должно быть настоящим. Это означает, вы должны быть восприимчивы ко всему тому, что он предлагает — не просит чего-нибудь, но просто предлагает. Вы должны предоставить ему свое внутреннее существо, свое внутреннее пространство, наполниться его светом, наполниться его танцем и песней. Таково настоящее почитание.

И не только в столице... скоро Танку узнали по всей Японии. Он был очень естественным, вот почему Ма-цзы дал ему имя Теннен. Фактически, он и не давал ему имени, но Танка сидел на статуе Манжушри, который был известен как одно из самых естественных существ в истории будд.

Увидев Танку сидящим на статуе Манжушри, монахи не могли поверить своим глазам: «Что он за монах? Он непочтителен к одному из великих будд». Они попросили своего мастера, Ма-цзы, пойти и посмотреть: «Какой-то незнакомец уселся верхом на статую Манжушри».

Ма-цзы подошел, увидел Танку и сказал: «Мой сын — Теннен. Мой сын очень естественный».

Он восседал там с такой естественной грацией. Танка сразу же слез со статуи и сказал: «Это имя моего посвящения. Теперь меня будут звать Танка Теннен». Так по-детски, так естественно.

У него не было поучений... Люди обычно подходили к нему, садились вокруг него. Иногда он смеялся, иногда плакал. И люди спрашивали: «В чем дело? Иногда ты радуешься, иногда — плачешь». А он всегда давал один и тот же ответ. «Я плачу о вас, я радуюсь самому себе».

И он был прав, абсолютно прав.

Известны ли вам мои слезы? Я никогда не плачу перед вами, мне приходится плакать под одеялом. Я наслаждаюсь вашим смехом, но я знаю, что он все еще не естественен. Он вызван шуткой.

Я бы очень хотел, чтобы вы смеялись без всякой при-чины, просто ради чистого смеха. Зачем вам нужна какая-то причина? Зачем вам нужен какой-нибудь предлог? Смех есть просто выражение вашего здоровья, вашего ничто. Смех приходит прямо из самих истоков существования.

Все существование наполнено смехом, но вы не слышите его. На разные лады оно смеется, на разные лады оно танцует, на разные лады оно поет песни экстаза.

Но я чувствую в точности то же, что и Танка Теннен:

печаль из-за вас, поскольку вы еще не превратились в ничто! Его слезы были плачем о других, его смех исходил от его ничто.

И не усматривайте никакого противоречия — тут нет противоречия. Слезы о других, потому что они способны стать буддами и откладывают это. Смех о самом себе — «Как странно! В этом мире безумия я стал буддой. Можно ли найти величайшую шутку?»

В этом сумасшедшем доме, называемом земля, кто-то становится Гаутамой Буддой, кто-то становится Танкой Тенненом или Ма-цзы... разве это не полный абсурд? Этому нет причины.

Вот он и смеется над странностью, мистичностью существования, — что к некоторым приходит расцвет, а к некоторым только горечь и страдание.

Поэтому его слезы были настоящими — исходящими из сострадания. И его смех был тоже настоящим — от сущей радости, видя, что он прибыл, в то время, как остальные, так и ходят кругами.

В южной Африке есть особая гусеница. Она очень похожа на человека, ее поведение очень человеческое. Она всегда следует за лидером. Вы обнаружите тысячи гусениц в ряд, каждая из которых следует за предыдущей.

Один ученый исследовал это странное поведение: следование за лидером. У него был круглый стеклянный стол с приподнятыми краями, наподобие тарелки, на который он поместил лидера. И он продолжал подкладывать новых гусениц до тех пор, пока круг не был завершен. Они начали двигаться по кругу — поскольку теперь идти было некуда. И не было способа остановиться, так как впереди двигалась другая гусеница — и так продолжалось, пока все они не умерли от полного истощения. Но они не останавливались до последнего вздоха. Они все продолжали и продолжали, и, в конце концов, умерли все, одна за другой. Старшие умерли первыми, потом старшими стали те, кто помоложе — и они умерли, потом старшими стали дети — и они тоже умерли.

Через семь дней весь стол был заполнен мертвыми гусеницами. И ученый, который работал с

ними, сказал, что это очень по-человечески — вот так и ведут себя человеческие существа.

Кто-то следует Иисусу Христу — не зная, кто такой этот парень. В здравом ли он уме? Задумывались ли вы об этом? Все его поведение выглядит эксцентричным, его заявления — фанатичными. Только безумец может делать такие заявления — но миллионы и миллионы людей следовали ему на протяжении столетий. Двадцать столетий минуло; сколько миллионов человек умерло, следуя ему? Они не знают, куда он идет, кто он. Это и есть путь верующих.

Дзен не для верующих, он для первооткрывателей. Он не для отсталых людей, которые даже не рискуют подумать, кому они следуют и зачем. Почему вы индуист? — только из-за того, что случайно родились в индуистской семье. Такая случайность решает вашу судьбу. Почему вы христианин?

Но никто никогда не удивляется.

Размышление выглядит трудной задачей, так как оно приносит вам громадное разочарование. Оно отнимает вашу ложь, и внезапно вы чувствуете себя голыми. Оно отнимает ваши утешения, и внезапно вы попадаете в ненадежное положение. Поэтому лучше покрепче зажмурить глаза на тот случай, если они откроются сами в тот момент, когда вы о них забудете. Таким образом, один слепец следует за другим слепцом, не зная, куда идет первый — а первый почти что мертв. Две тысячи лет минуло, а люди до сих пор следуют слепому — и не только слепому, но слепому, который мертв вот уже две тысячи лет или пять тысяч лет.

Дзен подводит вас к тому, что быть случайным — не ваша судьба. Быть экзистенциальным — вот ваша судьба. Поэтому прекратите следовать, встаньте на свои собственные ноги и загляните внутрь. Следование это всегда взгляд наружу. Смотрите внутрь, и вы обнаружите вечное спокойствие. Конечно, в этом вечном спокойствии вы должны исчезнуть, но это сущая радость — исчезнуть.

Быть — это напряжение.

Не быть — это расслабление.

Хайку:

Старая сосна проповедует мудрость, а дикая птица возглашает истину.

Вы просто должны быть достаточно бдительны, и вы обнаружите, что вся природа исполнена мудрости, а все существование возглашает истину из разных источников.

Старая сосна проповедует мудрость, а дикая птица возглашает истину, — очень значительное хайку. Вам просто требуются раскрытые глаза, восприимчивость, чуткость, осознание, и все это существование становится вашим домом.

Дзен связан абсолютно с вашей раскованностью, потому что только в раскованности человек погружается достаточно глубоко в изначальные истоки жизни. Там он находит такую радость, что кому заботиться, есть он или нет? Радость есть, жизнь есть, существование есть, просветление есть.

Из-за бедности языка нам приходится называть человека просветленным — но когда случается просветление, человек исчезает. Тогда есть лишь просветление.

Вы не можете назвать Гаутаму Будду просветленной личностью, потому что личности больше нет. Только когда личности больше нет, есть просветление — совершенно ясное существование. Отовсюду мудрость стекается к вам, от каждой птицы исходит истина, от каждого цветка исходит красота, от каждой горы, от каждой реки... тысячи и тысячи восхвалений.

Все существование становится совершенно другим феноменом в тот миг, когда вы исчезаете. Стало быть, вы — это единственная проблема. Если вы можете растворить свою проблему... это значит, вам надо растворить самого себя.

Таким образом, для вас нет спасения, есть лишь растворение себя в окончательном. И нет ничего более огромного, более величественного, более чудесного.

Это растворение и есть Манифест дзен.

Вопрос Маниши:

Возлюбленный Ошо,

Томас Мертон писал: «Если христианский мистик имеет опыт, который можно феноменологически сопоставить с опытом дзен, существенно ли то, что христианин фактически верит, что он лично соединен с Богом, а человек дзен интерпретирует свой опыт как «шуньята», «ничто», или пустое бытие, осознающее себя? В каком, смысле можно эти два опыта называть мистическими?»

Возлюбленный Мастер,

почему столько христиан и поклонников дзен пытаются приспособить друг к другу эти два подхода?

Потому что они не могут бросить свою старую тюрьму, они настолько привыкли к ней. Эти два опыта не могут быть сопоставимы. Эти два опыта столь же далеки друг от друга, как ложь и истина.

Ориентированные на бога религии... Томас Мертон упоминает христианство, поскольку он христианин, но вы видите, его выражение начинается с «если». Всякий раз, когда есть «если», прямого опыта нет.

«Если христианский мистик» — на первом месте это самое «если». «Если христианский мистик имеет опыт» — христианский мистик не может иметь такого опыта — «который можно феноменологически сопоставить с опытом дзен...» Нет, абсолютно нет. Не может христианин феноменологически переживать нечто равное переживанию дзен, потому что основы их поиска совершенно различны.

«Существенно ли то, что христианин фактически верит, что он лично соединен!..» Да, это существенно. Быть лично соединенным с Богом — это вымысел. Человек живет галлюцинацией. Это не переживание истины, это переживание, спланированное системой веры в определенного

Бога. Есть тысячи «богов» вокруг, не только христианский бог. Так что каждый может выбирать — они бывают всех размеров и всех форм. Этот товар вы можете купить на рынке — Будда, Иисус на кресте, Кришна, играющий на своей флейте — и вы можете поклоняться им. А если вы продолжаете поклоняться им, вы просто беспрерывно программируете свою память. Скоро вы приобретете иллюзии.

Христианин, мусульманин или индуист не может обладать никаким опытом, равнозначным дзен; вопрос не только в языке. Вот то, что пытается сказать Мертон. Он говорит, что это лишь лингвистическое различие; они пользуются другим языком, но опыт один и тот же. Если бы опыт был тем же, зачем Томасу Мертону было стремиться в Японию? Какая была необходимость?

Никогда не случалось, чтобы мастер дзен уходил в христианский монастырь. Нет необходимости. Мертон утешает себя и других христиан: «Не беспокойтесь, феноменологически ваш опыт можно сопоставить с дзенским опытом ничто. Нет, его нельзя сопоставить, так как ваш опыт это не опыт ничто. Ваше переживание является Богом, который заполняет ваше ничто, который является преградой ничто. Вашего Бога нужно убрать. А вместо того, чтобы убирать его, вы чувствуете тождественность с Богом, вы становитесь едины с Богом. Вы галлюцинируете, вы грезите с открытыми глазами.

Дзенское переживание шуньяты, ничто — не умственная проекция. Только одну вещь ум не может спроецировать — и это ничто. Это нужно понять. Ум может проецировать все; только одну вещь он не может проецировать, — ничто, — потому что, в попытке проецировать ничто ум должен полностью опустошить себя. В таком опустошении ум просто исчезнет. Ум есть ничто иное, как мысли, собранные вместе.

Мы называем пять человек, живущих в одном доме, семьей. Разделите этих пятерых, — и где же семья? Слово «семья» было лишь собирательным названием. Мы называем определенную группу людей «Ротари-клубом». Выведите членов клуба наружу одного за другим, и посмотрите, есть ли по-прежнему «Ротари-клуб» внутри здания. Там никого нет.

УМ - это собирательное название для всех ваших мыслей. Если вы будете опустошать ум, чтобы создать нечто равное ничто, тогда Бог должен быть отброшен, потому что это мысль. Тогда небеса и ад будут отброшены; они являются мыслями. Если вы создали ум, который не имеет мыслей, вы превзошли ум, ума больше нет. Вы вошли в ничто — но вы не найдете там Бога, поджидающего вас с распростертыми объятиями.

И всегда помните, если Бог обнимает вас, это опасно, потому что тот парень, который сотворил всю эту вселенную, явно не вашего размера. Он будет огромным! Вас просто прибьют как комара! Избегайте такого опыта.

Ничто является благом. Вы исчезаете в обоих случаях. В одном вы будете убиты, в другом просто рассеетесь. Но рассеяться самому — это прекрасное переживание; быть убитым — самое отвратительное, мучительное переживание. Эти два переживания не могут быть сопоставимы, вопрос вообще не в этом. Но не только Томас Мертон, многие другие христиане пытаются делать то же самое.

Христианство чувствует, что приходит пора исчезнуть; сейчас у него нет причины оставаться в

существовании. Оно утратило свои корни. Оно совершенно устраивало необразованных, бескультурных, не цивилизованных рабов. Сейчас человек достигает совершеннолетия. Христианство было хорошо для детских игр, оно было хорошей игрушкой. Бог был игрушкой. Но когда человек достигает совершеннолетия, игрушка ему не нужна, ему нужно нечто реальное.

Дзен для того, кто разумен, зрел, кто больше не ребенок. Он требует отваги, он требует отбрасывания всех видов рабства. А все религии есть ни что иное, как очень хитрые способы низвести человечество к унижению и рабству. Сейчас христианство упорно старается как-то выжить.

Утверждение Томаса Мертона — это просто желание кое-как сохранить в живых Бога и ориентированную на Бога религию в будущем. Он видит путь: если оба эти опыта — опыт дзен и опыт христианского мистика — могут быть сопоставлены, они просто одно и то же, только их язык отличается, тогда для христианства и Бога есть возможность доминировать по-прежнему. Но их нельзя сопоставить. Они не только различны, они противоположны друг другу. Один есть ложь, другой — истина.

Бог — это вымысел, Шуньята есть окончательное переживание.

Для христианства нет пути выжить. Это безусловно показывает, что христиане осознают свою смерть, которая подходит все ближе и ближе с каждым мгновением. Они знают, что их Бог умер, и они поддерживают этого Бога искусственным дыханием. Они выискивают по всему миру подпорки, с тем, чтобы Бог мог выглядеть, как будто он по-прежнему жив.

Индуисты не заботятся об этом, потому что они не так изоциренны и не так бдительны. И джайны тоже не ведут такого неистового поиска, потому что они не так искусны и не настолько заинтересованы. Они намного более заинтересованы в деньгах.

Одна японская газета только что написала статью обо мне, и удивлялась вот чему: почему индийцы едут в Японию изучать технологию, особенно новейшие открытия в электронике? Япония становится сейчас самой технологически изоциренной страной, богатейшей страной в мире; даже Америка теперь беднее. Япония в четыре раза богаче, чем Америка, и в четыре раза меньше, чем Америка. Поэтому то, что сделала Япония, просто чудо. После разрухи Второй мировой войны, внезапно — чудовищный всплеск энергии.

Поэтому индийцы едут в Токио, а статья упоминает, что японцы едут в Пуну. Все вы приезжаете из западных стран, из восточных стран, которые стали достаточно богатыми. Из Японии, Тайваня... скоро люди из Кореи будут здесь.

Индийцы мечутся по всему свету — Америка, Британия, Германия — изучая новую технологию, становясь более учеными. А Индия по-прежнему продолжает заявлять, что она одна из самых духовных стран. — Как же! Это самая бездуховная страна в мире. Миновали те дни, когда она была духовной — двадцать пять столетий прошло — но прежний туман остается вокруг ума. Индия более привязана к вещам, к деньгам, к власти, более устремлена к преобладанию, престижу, респектабельности, чем любая другая страна.

Вы и есть доказательство.

Когда я говорю что-нибудь, у меня есть доказательства. Вы здесь, потому что знаете — деньги не помогают, не приносят вам окончательного расцвета. На них можно купить все, но на них нельзя купить природу будды. На них можно купить все, включая человеческие существа, но на них нельзя купить медитацию.

Вы сами должны идти по пути.

Более богатые страны в расстройстве, полном расстройстве, потому что они обрели деньги, и они обрели респектабельность. Они образованны, они изощренны, интеллектуальны, они гораздо более развиты, чем отсталые страны.

Естественно, христианство это единственная религия в мире, которая начинает осознавать, что ее конгрегация исчезает — все едут в Пуну!

Вы увидите здесь мало индусов — очень мало. Очень немногие достаточно разумны. Но это действительно грустно. Страна Гаутама Будды больше не интересуется медитацией;

ее интересует, как добыть больше технологий, больше богатства. А большинство людей, которые выехали изучать технологию, никогда не возвращаются — вам бы тоже не захотелось возвращаться — ведь там они получают больше денег.

Доктор зарабатывает больше в Германии или Японии. В Америке профессор может заработать больше, ученые больше нужны в этих странах. В Индии он будет, самое большое, представителем среднего класса, он не может рассчитывать стать миллионером. Но в Японии, Германии или Америке он может осуществить амбицию стать миллионером. Поэтому те, кто едет, едут навсегда.

Несколько месяцев назад была другая статья в немецком журнале, вопрошающая: «Что происходит? Молодые немцы просто едут в Пуна, и потом их никогда уже не видят». Только благодаря сложностям, вызванным национальными барьерами, вы не можете оставаться больше трех, от силы шести месяцев, поэтому вам приходится уезжать и возвращаться снова. Если эти барьеры исчезнут, Пуна обязательно станет страной сама по себе. Но она будет иностранной для Индии; она будет сама по себе, она будет одним из наиболее космополитических миров.

Христианство более бдительно, и оно старается выжить. Индуисты крепко спят, несмотря на то, что они тонут — они в той же лодке, что и христианство. В той же тонущей лодке спят индуисты, в той же лодке спят джайны, в той же лодке спят мусульмане — но они все спят. По крайней мере, христианин оглядывается вокруг. Лодка погружается — и он старается как-то спасти свою теологию.

Но ее нельзя спасти, она уже отжила свое время. Ей следовало бы позволить себе исчезнуть. Она сейчас уродлива, и становится все более и более уродливой. Она пытается отстаивать себя и притворяется: «Мы живы». Если ваш Бог умер, вы не можете быть живыми. Вы умерли со своим Богом.

Я предлагаю вам воскресение.

Однако по воскресении вы не будете христианами, вы не будете индуистами, вы не будете

мусульманами, По воскресении вы будете людьми дзен. Отсюда Манифест дзен. Мир нуждается в нем немедленно, безотлагательно.

Теперь включите свет! Время Сардара Гурудаяла Сингха. Пусть христианский корабль тонет. Вы обрели нечто живое; вы можете смеяться, можете плясать и можете праздновать.

Однажды мисс Пинки Дикки, библиотекарь, заходит в приемную доктора Чопова с небольшим наростом на щеке. Доктор Чопов тщательно исследует маленькое пятно, а потом прописывает какие-то зеленые пилюли.

— Вот вам, мисс Дикки, — говорит Чопов. — Если это то, что я думаю, это должно помочь.

Однако через две недели Пинки возвращается в приемную доктора. За это время небольшой побег вырос из нароста на ее щеке.

— Гм-м-м, интересно, — говорит доктор Чопов. — Если это то, что я думаю, вот эти должны помочь! — и он дает ей пузырек с голубыми пилюлями.

Но через две недели Пинки возвращается. Тем временем побег разросся до ветви с листьями и цветами. Доктор очень тщательно исследует это, и затем говорит:

— Гм-м-м-м-м, интересно. Если это то, что я думаю, тогда вот эти помогут наверняка! — и он дает Пинки пузырек с красными пилюлями.

Но месяц спустя мисс Пинки Дикки возвращается в приемную доктора Чопова.

— Доктор, — рыдает она. — Посмотрите на меня теперь!

Доктор ошарашенно взирает на Пинки, которая едва вписывается в двери, поскольку теперь у нее на голове растет небольшое деревце.

— Гм-м-м-м, — бормочет Чопов. — Редкостный и интересный случай. Если это то, что я думаю, это безусловно должно помочь! — И он вручает ей какие-то зелено-фиолетовые пятнистые пилюли.

Шесть месяцев доктор Чопов не слышит ничего от Мисс Дикки. Потом однажды дверь его приемной срывается петель, и Пинки Дикки, пошатываясь, входит. Доктор не в силах поверить своим глазам. Он отчетливо видит Пинки под огромной яблоней, а рядом цветущие кусты, большие скалы и бурлящий водопад, выходящий из ее головы.

— Помогите мне, доктор! — рыдает она. — Что же это?

— Ага! — восклицает доктор Чопов. — Теперь я знаю, что это такое! Это же прелестное местечко! (англ. beauty spot, - может также значить - «родимое пятно»).

В десять утра звонит телефон в приемной доктора Флосса, дантиста.

— Алло! — отзывается Флосс.

— Алло! — говорит китаец Ву. — Когда мне назначили лицить зуб?

— В начале третьего, — отвечает Флосс. — Устроит?

— Да, да, — говорит Ву. — Я уже нацал тиреть иво. А когда вы полечите?

В научной лаборатории происходит ужасный взрыв, и профессор Тедди Тестуб, ученый-экспериментатор, вылетает через окно и падает, потеряв сознание. Тедди приходит в себя, ошеломленный и сконфуженный, и тут же с ним случается внезапный проблеск вдохновения. Он решает посвятить остаток своей жизни алхимии, превращая обычные строительные кирпичи в золото.

В течение десяти лет Тедди упорно трудится над своим проектом, пока однажды не застревает.

— Ах! — объявляет он Игорю, своему лабораторному ассистенту. — Всего один маленький ответ на один последний вопрос, Игорь, и мы будем богаты!

Однако ночь за ночью эксперименты Тедди не приносят плодов. В конце концов, совершенно обессиленный и почти догорев дотла, Тедди падает в изнеможении на табуретку, и тут входит Игорь.

— Не сдавайтесь, профессор Тестуб, — восклицает Игорь, — у меня есть идея! Почему бы вам ни съездить повидать мадам Вирд (сверхъестественная мадам), женщи-ну-мудреца из Тибета? Она сможет ответить на ваш научный вопрос!

— Великолепная идея! — кричит Тедди, вскакивая. Он уходит паковать свои чемоданы и отправляется в Тибет на следующее утро.

После долгой езды верхом на верблюде из Катманду, Тедди, наконец, достигает, уставший и обессиленный, порога горного убежища мадам Вирд. Вопрос по-прежнему сжигает его ум.

Но Тедди сказали, что он должен очиститься, прежде чем его допустят к аудиенции с этой женщиной. Так что три дня ему приходится жить на диете из воды и сырого соевого тофу. Наконец его допускают в личную спальню мадам Вирд.

— Добро пожаловать, чужестранец, — приветствует его мадам Вирд, раскинувшись поперек огромной кровати в прозрачном неглиже.

Тедди шокирован, и немного нервничает, увидев здесь такую прекрасную женщину и больше никого.

— Я могу принять тебя сегодня, — улыбается мадам Вирд, — потому что твоя энергия достаточно чиста, и, кроме того, мой муж уехал в деревню развлекаться. Но я могу ответить только на один вопрос, и не больше!

Покрывшись испариной, Тедди расстегивает воротник и таращится на ее прекрасные выпирающие груди, так и рвущиеся из прозрачного пеньюара. Выразительным движением глаз мадам Вирд подзывает Тедди подойти поближе.

— Смелее, — говорит она грудным голосом. — Задай свой вопрос, который сжигает тебя!

— Хорошо, — пробормотал Тедди. — Когда вернется твой муж?

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны.

Закройте глаза... и почувствуйте свое тело совершенно застывшим, Это подходящий момент, чтобы войти в свой внутренний мир. Соберите всю свою энергию, свое тотальное сознание и устремитесь к центру своего существа. Он в точности на два дюйма ниже вашего пупка, внутри. Огромная настойчивость потребуется, как будто приходит ваш последний миг.

Быстрее, с большой интенсивностью... Мчитесь быстрее и быстрее... глубже и глубже... Когда вы приближаетесь к центру своего существа, великое безмолвие нисходит на вас, как будто падает нежный дождь. Вы чувствуете прохладу. Вся ночь умолкает вместе с вами. Немного ближе к центру, и вас окружает облако покоя — покоя, что превосходит понимание. Подойдите чуть ближе, и вы ощутите великое блаженство, неведомое вам прежде, поразительную силу, которая безвредна, свет, который наполняет само ваше существо. Вы сияете.

В этом сиянии вы видите центр совершенно ясно. Шагните в центр, и вы почувствуете божественное опьянение, великий экстаз. Вы слышали эти слова — это прямой опыт. Здесь вы обнаружите свое изначальное лицо. Лицо Гаутамы Будды принималось на Востоке как символ изначального лица каждого. Каждый рождается с потенциалом стать буддой. Как только вы вступаете в центр, вы исчезаете. Остается лишь будда, лишь ваша осознанность, бдительность, сознательность.

Будда обладает лишь одним качеством; таков сам смысл имени Будда — свидетельство. Свидетельствуйте, что вы не тело; свидетельствуйте, что вы не ум; и, наконец свидетельствуйте, что вы только свидетель. Внезапно дверь открывается в космос. Вы видите, откуда исходит ваша жизнь. Вы видите, что вас больше нет, есть только существование. Это чистое ничто, эта шуньята и есть единственный религиозный опыт.

Чтобы сделать ваше свидетельство глубже, Ниведано...

Расслабьтесь.

Погрузитесь в самый источник жизни.

Растворите себя в этом океане сознания.

Аудитория Гаутамы Будды превращается в океан сознания.

Десять тысяч будд исчезают в одном океаническом чувстве, в одном океаническом переживании.

Это чистый дзен.

Это начало бесконечного путешествия. Известно, что Гаутама

Будда сказал: «У невежества нет начала, но есть конец. У просветления есть начало, но нет конца». Вы делаете первый шаг в просветление.

Существует три шага. Первый шаг вы обнаружите Гаутаму

Будду как свою тень, но очень ясную, очень прочную, почти осязаемую. Вы почувствуете огромное сострадание, окружающее вас.

Со вторым шагом Будда выйдет вперед, и вы станете его тенью. Ваша тень, конечно, темна; это всего лишь фальшивая сущность. По мере того, как Будда становится все более и более сияющим перед вами, ваша тень начинает растворяться.

За вторым шагом следует третий. Ваша тень растворилась внутри будды. Только чистый свидетельствующий будда остается, совершенно прозрачный, поэтому он не может создавать никакой тени.

Это есть ваша вечная жизнь. Эта жизнь космическая. Вы вошли в утробу существования. Вас нет больше, с одной стороны; с другой стороны, вы полностью живы. И все существование живое, пульсирующее. Вы можете слышать биение сердца существования, вы так близки к нему. Теперь соберите все эти переживания — блаженство, восторг, покой, безмолвие, безмятежность

— и убедите будду следовать за вами. Он должен стать постоянным компаньоном для вас в ваших поступках, ваших жестах, в вашей повседневной деятельности. Это первый шаг. Второй и третий последуют в свое время. Вы должны просто ждать в глубоком доверии. Если первый произошел, второй обязательно произойдет. Он, на самом деле, вырастает из первого, третий вырастает из второго, а третий — это последний шаг. Если вы стали просветленным, вы свободны от рождения и смерти, вы свободны от всех зависимостей, вы свободны даже от самого себя. Это и есть окончательная свобода: свобода от самого себя. И только человек, который обрел окончательную свободу, может танцевать, и в этом не будет танцора, но лишь танец;

он может праздновать, но теперь празднование будет возникать поистине из глубин самого существования; он может смеяться, но теперь это будет совершенно другой смех — это будет существование, смеющееся в вас. Все ваши действия станут экзистенциальными; они будут обладать огромной грацией, красотой, истиной и подлинностью.

Ниведано...

Теперь возвращайтесь, и ведите все эти переживания и будду следом за собой.

С великой грацией, в молчании, посидите несколько мгновений, просто вспоминая золотой путь, которым вы следовали, вход в высшее пространство, в ничто, в шуньяту, и великий миг, когда вы исчезли, и только существование было там.

Скоро это будет вашим переживанием двадцать четыре часа в сутки. Дюйм за дюймом вы будете трансформированы в Гаутаму Будду. Таково прирожденное право каждого.

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Возлюбленный Ошо,

Танка спросил Чоро: «Что есть самость прежде пустого эона?» Как только Чоро собрался отвечать, Танка сказал: «Ты по-прежнему шумный — пока уходи».

Однако когда Чоро взбирался на пик Бол, его ум раскрылся в просветление. Он спустился короткой дорогой и возвратился, чтобы встать рядом с Танкой, который ударил его и произнес: «Я думаю, ты узнал, что оно существует».

Чоро радостно поклонился.

На следующий день Танка вошел в зал и сказал:

«Солнце освещает зелень одинокого пика; луна сверкает в холодном ручье долины. Не кладите чудесный секрет родовых учителей в свое маленькое сердце». Затем он поднялся с сиденья.

Чоро вышел прямо вперед и заявил: «Твое сегодняшнее обращение не может обмануть меня больше».

Танка сказал: «Попробуй пересказать его». Чоро безмолвствовал.

Танка сказал: «Я думаю, у тебя был проблеск». Тогда Чоро удалился.

ЖДАТЬ, ЖДАТЬ НИЧЕГО

2 АПРЕЛЯ 1989 ГОДА АУДИТОРИЯ ГАУТАМЫ БУДДЫ, ИНДИЯ

Друзья,

Ожидание было долгим, но такова сама суть дзен — ждать, ждать ничего. Нет Бога, нет окончательного смысла.

Жизнь — вот все, что есть.

Те, кто нашел, не нашли ничего, кроме того, что нечего находить.

Дзен есть окончательный манифест не-нахождения, радости без всякой причины, смеха, любви и танца без всякого повода.

В мире есть верующие многих разновидностей. В мире есть неверующие; они никоим образом не отличаются, просто их убеждения негативны. Кто-то верит в Бога, а кто-то верит, что Бога нет, и они в равной степени фанатичны.

Только позавчера я читал манифест Гуманистической группы интеллектуалов, небольшой, очень элитарной группы американских интеллектуалов. Но их манифест рассмешил меня. Каждое утверждение начинается: «Мы верим...» А вера это всегда невежество. Кто-то верит в Бога — он невежествен. Кто-то верит, что Бога нет — он настолько же невежествен, как и тот, кто верит, что он есть.

Каждое предложение всего манифеста начинается:

«Мы верим, что Бога нет». Но на каком основании? Нако-нец, они дают свое основание: «Мы считаем нашей верой причинно-следственную связь. Поскольку Бог недоказуем, мы не будем верить в Бога». Это самые интеллектуальные люди Америки, и весьма почетно быть принятым в члены этой группы.

Я обращаю это заявление к некоторым моим друзьям, намеренным предложить группе принять меня как почетного члена на ближайшем собрании. Я рад возможности дать им понять свою

позицию. Во-первых, я не стану членом никакой партии, никакой организации, потому что всякое членство это тонкое рабство.

Истина может жить и процветать только в свободе. Любовь может цвести и благоухать только в свободе.

Всякое членство есть уступка и компромисс. Саньяса это не движение и не организация. Напротив, это декларация независимости от всех организаций, всех партий и всех церквей.

Я смеялся над Гуманистическим манифестом, потому что, в конце концов, они говорят: «Мы верим в причинность». Но если у вас есть вера, всякая вера беспричинна. И это так просто увидеть. Иметь веру в причинность означает, что вы не будете допускать ничего беспричинного в жизни.

Любовь беспричинна. Какова причина любви? Какова причина самого существования? Какова причина самой причины? Если не окажется причины, кому вы будете жаловаться? Если бы не было жизни, разве можно было бы пожаловаться какому-то суду, какой-то высшей власти? Если нет ничего, значит, нет ничего; если есть все, значит, есть все. Причина сама по себе беспричинна. Чтобы явление было всеобъемлющим, оно должно включать в себя противоречия. Причина с одной стороны, и беспричинность с другой — обе они должны быть признаны.

Манифест дзен не предназначен для чего-то особенного. Он просто для этой жизни, для этого существования, этого момента. Он не требует никакого источника, и он не требует никакой цели. Каждый источник будет создавать ограничение, и каждая цель будет создавать еще одно ограничение, а существование беспредельно. Оно не ограничено причиной.

Поэтому если Гуманистическая группа хочет принять меня в члены, ей придется изменить свой манифест. Я ни во что не верю, и я не требую, чтобы все имело причину. Меня все совершенно устраивает так, как оно есть. Если бы этого не было, меня бы устроило и это.

Потому я и сказал вам, что вы должны долго ждать меня, но это часть игры.

Дзен принимает все противоречия: присутствие и отсутствие, жизнь и смерть. Дзен достаточно широк, чтобы вместить все противоречия.

Возможно, дзен — это единственный путь, который вмещает противоречия и который не отвергает ничего. Он наслаждается всем безо всяких условий. Он принимает все, как есть, не предъявляя никаких требований. У него нет заповедей: «Ты должен...» или «Ты не должен...».

Дзен ничего не знает о заповедях.

Дзен знает только безграничную жизнь, которая вмещает все виды противоречий в глубокой гармонии. Ночь в гармонии с днем, жизнь в гармонии со смертью, земля в гармонии с небом. Присутствие в гармонии с отсутствием. Эта бесконечная гармония, эта синхронность и есть сущность Манифеста дзен. Это единственный путь жизни, который уважает, любит и не отрицает ничего, не осуждает ничего.

Всякая другая религия, всякая другая философия зависит от выбора: «Осуди это, откажись от

того, признай это, уважай это...» Но это всегда выбор. И человек, который выбирал, всегда выбирал часть, а часть никогда не бывает живой, только целое живо. Ваша рука не была бы живой отдельно от вас, и ваши глаза не смогли бы видеть отдельно от вас. Вы есть органическое единство.

Дзен это декларация органического единства всех противоречий жизни. И поскольку существование принимает все, кто вы такой, чтобы выбирать? Кто вы такой, чтобы судить? Дзен не знает суда. Никто не грешник и никто не святой. Оба разыгрывают игру по своему выбору, и оба получают свои награды соответственно.

Если вы сделали что-то не то, что-то не то произойдет с вами. Если вы были благословением для других, существование будет благословением для вас... простая арифметика. Дзен не верит в сложности, это очень простое принятие тотальности, которая окружает нас.

В последнее время я был вдали от вас, но я чувствовал вас, как и вы чувствовали меня. Я слышал ваши радостные возгласы, я слышал ваши песни... и я ждал подходящего дня, чтобы прийти. Я собирался прийти вчера, но вчера был день Сардара Гурудаяла Сингха, и я должен был остаться в своей комнате просто ради бедняги Сардара.

Перед сутрами несколько вопросов.

Один саньясин спросил:

Комментируя «десять Быков Дзен», Ньоген Сензаки и Пол Репс пишут в своей книге «Плоть дзен, кости дзен»: «Пусть читатель, подобно китайскому патриарху, обнаружит следы своего потенциальною я, и несет посох своей целеустремленности и кувшин с вином своего подлинного желания, и просветляет других на базарной площади».

Возлюбленный Ошо,

На какую целеустремленность и подлинное

желание они указывают?

Похоже, что их комментарий противоречит

твоему объяснению.

Я не знаю, что именно подразумевали Ньоген Сензаки и Пол Репс, потому что их сердца недоступны мне. Я тоже читал их слова и удивлялся тому, что они без объяснения используют слова, которые сами по себе бессмысленны.

Какова цель? Жизнь не имеет цели. Само использование слова «целеустремленность» показывает, что ни один из них не понял смысла дзен.

Дзен это наслаждение бесцельностью. Какова цель цветка? Какова цель восхода солнца? С какой целью вы здесь? Для меня цели нет.

Я заглянул достаточно глубоко в каждый уголок своего существа — там, похоже, вообще нет

цели, и я считаю это великой свободой. Если бы там была цель, тогда вы были бы в зависимости, тогда существовало бы предназначение, которое вам надлежало бы исполнить. Тогда вы могли бы потерпеть неудачу.

Всякая цель создает возможность неудачи и успеха. Но если нет цели, никто не терпит неудачу.

Куда бы вы ни пришли — это то место, куда вам было нужно прийти. Куда бы ваша лодка ни привела вас, куда бы ни двигалась река, таково направление. Если же у вас есть какое-нибудь направление, вы вступите в конфликт со многими направлениями.

Не следуйте никакому направлению, не имейте никакого стремления. Это не означает подавлять желание. Это просто означает радоваться каждому желанию, радоваться каждому мгновению. С чем бы вы ни столкнулись, что бы ни встретилось на вашем пути, — любите, будьте дружелюбны.

Не предъявляйте никаких требований существованию, иначе вы будете страдать. Все те, кто живет в страдании, живут в страдании по простой причине — они полагают, что должна быть осуществлена определенная цель, должен быть достигнут определенный успех, удовлетворена определенная амбиция. А когда это не достигнуто — и больше нет возможности достичь этого — вы будете в страдании. И даже если вы достигаете, это не имеет значения — вы будете в страдании. Вы будете в страдании, потому что, когда вы достигли, вы видите, что ничего не достигнуто.

Вы становитесь богатейшим человеком мира, и вдруг вы обнаруживаете, что окружены всевозможным непотребным хламом. Вы не сможете жить, если будете пытаться быть богаче. Вы будете богаче, если вы живете.

Живите каждое мгновение, как можно интенсивнее, и вы будете богаче. Но если вы живете ради богатства, тогда это всегда завтра, послезавтра... и вы растрчиваете все эти ценные мгновения. Вы становитесь беднее каждый миг.

Вы забыли язык жизни в настоящем, а это и есть единственная бедность.

Я не знаю другого богатства, кроме как жить каждое мгновение, не беспокоясь о прошлом, которого больше нет, и не желая будущего, которого еще нет. Проживите его! Когда оно придет, вы будете в состоянии прожить и его также. Вы будете более эффективны в завтрашней жизни, если вы интенсивно проживаете жизнь сегодня.

Я не знаю, что Пол Репс и Сензаки подразумевают под «целеустремленностью». Что касается дзен, там нет цели. И я не знаю, что они подразумевают под «кувшином вина своего подлинного желания».

Дзен знает о вине, но не желания, а молчания.

Это вино бесстрастного углубления вашей жизни.

Это молчаливая песня без звуков.

Это музыка без инструментов.

Это чистое бытие.

В такое мгновение, где бытие и небытие становятся эквивалентными, их присутствие и отсутствие — это синонимы. Вы настолько присутствуете, что почти что отсутствуете, или, наоборот — вы настолько отсутствуете, что вы то-тально присутствуете.

Вместо Сензаки и Пола Репса прислушайтесь к своему собственному сердцу. Когда вас больше нет, вы есть. Когда вас больше нет, вы это вся безграничность существования. Когда желания нет, вы исполнены. Это не желание должно быть исполнено. Когда желания нет, когда вы научились искусству оставаться в нежелющем мгновении, вы исполняетесь.

Когда вы ничего не делаете, ваше действие совершенно. Только не-деяние может быть совершенным. Любое деяние обязательно бывает несовершенным. Нет человека, способного делать что-нибудь совершенно. Совершенство принадлежит к воображаемому.

Жизнь состоит из всевозможных несовершенств. Вы должны любить несовершенное, вы должны уважать несовершенное — не только в других, но также и в самом себе.

То, о чем думают Пол Репс и Сензаки — вино желания — не имеет ничего общего с дзен. Дзен знает об одном вине, и все вы попробовали его. Это вино, которое приходит благодаря молчаливому, медитативному экстазу вашего существа. Оно не имеет ничего общего с желанием. Оно не имеет ничего общего с целью.

Каждый день, когда бы вы ни достигли точки своего внутреннего бытия, где все безмолвно, где вы не можете даже сказать, что вы есть — чистое безграничное присутствие — возникает поразительное опьянение. Я назвал это божественным опьянением. Таково единственное вино, которое мне знакомо. И я не думаю, что Пол Репс или Сензаки понимают сущность дзен, иначе они бы не использовали таких неправильных слов.

Второй вопрос:

Много лет тому назад я наслаждался, читая книгу Пола Репса «Плоть дзен, кости дзен», хотя это и давало мне только интеллектуальное понимание дзен. Когда ты говорил о дзен, я почувствовал, что ты не только передавал нам плоть и кости дзен, но в своем молчании ты наделял нас самым сердцем дзен. Это то сердце, которое западные интеллектуалы упускают, и если так, почему они упускают его?

Западный разум принял определенное направление; этому нет причины. Восточный разум принял совершенно другое направление; и этому тоже нет причины. Так произошло.

Западный интеллект оставался логическим, рациональным и старался всеми путями ограничить существование причинными категориями, категориями, которые может понять ум.

Восток принял совершенно другой подход. То, что ум может понять — очень небольшая часть, и поскольку это только небольшая часть, ей предстоит умереть, она будет материальной. То, что лежит за пределами ума, должно быть понято. Восток двигался в иррациональное, в мистическое, в чудесное. Безусловно, восточный подход гораздо шире, гораздо больше. Он может вместить в себя западный подход, но западный подход не может вместить восточного.

Не-ум может вмещать ум, но ум не может вмещать не-ум. В этом восточный подход достиг высших пиков.

Даже Сократ или Аристотель не были бы в состоянии охватить опыт Гаутамы Будды, или вкус Бодхидхармы, или смысл жеста Ринзая. Они выбрали очень небольшую часть — ту, которая доступна интеллекту. А она очень невелика — поэтому западный ум приобрел способность вдаваться в детали. Поскольку он выбрал очень небольшую часть, он может заниматься деталями. Он продолжает узнавать все больше и больше о все меньшем и меньшем. Подводя этому логическое заключение, можно сказать, что западный ум, в конце концов, достигнет все большего и большего знания о ничто, потому что это самая малая часть: ничто.

Альберт Эйнштейн и неофизики почти достигли этого ничто. И они озадачены, потому что их ум не может понять ничто, а они сталкиваются с ничто. Их инструменты при-водят их к ничто. Их анализы, их эксперименты открыли им ничто, но их ум не готов принять ничто. Ничто представля-ется полным страхом.

Восточный ум также достиг ничто, но он достигал сов-сем другим путем. Он достигал, танцуя — не через анализ, не через логику, а через медитацию. Он достиг ничто через му-зыку, через песню, через танец, через медитацию. Это было радостное переживание. Ничто на Востоке не создает страха. Оно создает свободу, раскрывает двери, разрушает все грани-цы. Но западный ум просто отшатывается.

Ничто? Нет цели? Нет Бога? Нет смысла? Нет судь-бы? Тогда западный ум может решиться только на самоу-бийство. Но оно также бессмысленно. Зачем совершать его?

Таким образом, западный интеллектуал живет в очень странной трагедии. Все, к чему может прийти его ум, это самоубийство, и это то, чего он боится. Поэтому он живет на перепутье, бесцветно... он не любит тотально, не танцует тотально, не медитирует тотально. Он не знает тотальности, он знает только части — только частями ум может опери-ровать с легкостью.

Восточный ум скоро узнал, что, с одной стороны, ум это часть тела, с другой стороны, ум является частью общест-венного образования. Мозг это естественная часть, а ум это та часть, которую дало вам общество — условности, филосо-фии, религии, все ваше воспитание. Этот маленький ум, ко-торый состоит лишь из биологии и социологии, не может знать бескрайней истины, таинственного простора оконча-тельного.

Абсолютно необходимо трансцендировать ум. И странно — в тот миг, когда вы трансцендируете ум, вы так-же в первый раз понимаете его. Потому что для понимания любого явления вам нужно стоять в стороне, необходимо небольшое расстояние.

Медитирующий может понять ум и не-ум, поскольку он стоит в стороне, поодаль, как свидетель. Он может видеть мысли, и он может видеть отсутствие мыслей, и он понимает то, что и то и другое существенно. Мысль для ограниченного, а не-мысль для безграничного.

Твой вопрос в том, что книга Пола Репса «Плоть дзен, кости дзен» дала тебе интеллектуальное понимание...

Не существует интеллектуального понимания дзен.

Дзен нужно понимать неинтеллектуально.

Дзен это опыт.

Он не имеет ничего общего с логикой, объяснениями, аналитическими процессами. Если вам известен вкус сладкого, то возможно, вы не сможете рассказать, что это такое. И если кто-то спрашивает вас: «Что такое сладкое?», вы знаете, что вы попадете впросак, вы не сможете этого рассказать. Этот вкус на самом кончике языка.

Восток не пытался подойти к действительности философски — он испробовал совсем другой, неинтеллектуальный, медитативный путь. Это путь переживания вкуса.

Не спрашивайте, что такое действительность, испытайте ее вкус. Она доступна вам; это сама ваша сущность. Зачем вы продолжаете заглядывать в Библии, в Кораны, в Гиты? Почему вы не смотрите внутрь себя? — она там. А если ее там нет, ее нет нигде. Если она там, она повсюду. Это простой опыт.

Один из величайших философских гениев, Г. И. Мур, написал книгу об очень небольшом, простом предмете: «Что такое добро?» Хоть он и дает своей книге очень интеллектуальное название «Принципиальная Этика», смысл — в поисках добра; «Что есть добро? Что этично?» После двухсот пятидесяти страниц туманной дискуссии он делает вывод - последнее положение заключается в том, что добро неопределимо. Так зачем же этот вздор?

Один из моих учителей был студентом Г. И. Мура, и поскольку он являлся студентом Г. И. Мура, то считался авторитетом в университете.

Я уже прочел книгу перед тем, как вошел к нему в класс. Он раскрыл книгу...

Я сказал: «Пожалуйста, сперва прочитайте последнее предложение».

Он посмотрел на меня озадаченно. Он спросил: «Зачем?»

Я сказал: «Это решит все дело. Прочтите последнее предложение, или его прочту я, у меня есть книга». Но он сказал: «Зачем вы просите об этом?» Я ответил ему: «Я не прошу этого по какой-нибудь интеллектуальной причине, я прошу этого с тем, чтобы вы могли выбросить книгу в окно, потому что последнее предложение: «Добро неопределимо». Тогда зачем беспокоиться? Лучше займите нас чем-то важным. Зачем тратить время?»

Он посмотрел на меня. Он велел всем студентам выйти и сказал: «Мы должны в этом разобраться. Если вы настаиваете на чтении последнего предложения сначала, вы правы, книгу нужно выбросить. Но вся моя цель здесь это преподавать вам эту книгу».

Я сказал: «В ней нечего преподавать».

Он сказал: «Вы правы также и в этом, так как, в конце концов, я вынужден был прийти к такому же выводу».

Я сказал: «Вам известно это и мне известно, так зачем тратить время?»

Он спросил: «Что же вы предлагаете? Что нам делать?»

Я сказал: «Что вы станете делать после того, как книга закончится?»

Он сказал: «Я никогда не думал над этим».

Я сказал: «Вы были личным студентом Г. И. Мура, и вы не спросили у этого парня, что если ему было известно, что добро неопределимо, тогда зачем тратить время, почему не сделать что-то важное? Тогда почему не подойти к этому восточным путем?»

Восток никогда не называет что-нибудь неопределимым. Он лишь говорит, что вещи либо определены, либо переживаемы. Это различие Восток делает ясно. Если нечто неопределимо, значит оно переживаемо.

Сладкое неопределимо. Как вы собираетесь определить его? Желтизна цветка неопределима. Что вы собираетесь сказать? Что такое желтое? Желтое это желтое — но это было бы тавтологией, а не определением.

Есть вещи, — и таковы наиболее ценные вещи, — которые должны быть пережиты в виде опыта. Добро должно быть пережито, не определено.

Он сказал: «Вы упрямый студент, но пощадите меня».

Я сказал: «При одном условии: если вы дадите мне сто процентов посещаемости. Я никогда не буду приходить в ваш класс. Вы можете продолжать свои лекции о неопределимом; я могу заняться чем-нибудь другим».

Он сказал: «Я вынужден согласиться. Я буду ставить вам посещаемость, приходите вы или нет».

Я сказал: «Вопрос не в том, прихожу я или нет. Я не приду, и я сделаю это ясным и понятным каждому в классе. Будут приходить только идиоты, потому что если нечто неопределимо... а вы знаете это, и вы согласились со мной.

Никто не придет. Продолжайте сидеть здесь, читайте вашу книгу, находите, в конце концов, то, что вы уже знали — что добро неопределимо. Тем временем мы могли бы сделать многие вещи, которые стоит сделать. Даже вырастившая розовый саженец, даже сажая цветник, можно создать немного добра, немного красоты, немного опыта в существовании. Или не делать ничего, просто посидеть...»

Я рассказал ему... как раз за моим университетским двором находился небольшой холм, и на нем росло три дерева. Я сказал ему: «Если я когда-нибудь понадоблюсь вам, вы можете прийти на холм. Я сижу там, на верхушке дерева, которое посередине. Так бывает, когда мне хочется испытать переживание добра».

Он спросил: «Там вы испытываете переживание добра?»

Я сказал: «Вы испытываете переживание добра в этой книге, которая говорит, что оно неопределимо; я переживаю его там. Облака так близко, и цветы на этом дереве так ароматны. Ни днем, ни ночью там никого не бывает — ни транспорта, ни беспокойства, полная тишина. В

этой тишине, возможно, однажды и вы узнаете переживание добра».

Что такое переживание добра?

Просто хорошее самочувствие, ощущение огромной радости. Просто потому что вы дышите, просто потому что циркулирует кровь, просто потому что бьется сердце, просто потому что дует ветер и благоухает дерево, потому что небо безоблачно, потому что летит птица.

Этот человек был, безусловно, разумным. Он сказал:

«Однажды я обязательно пойду с вами».

Я сказал: «Запомните, среднее дерево принадлежит мне, вы можете сидеть на первом или третьем. А что касается добра, оно доступно на всех деревьях. Просто сидите в молчании, не приносите никаких книг, и не задавайте никаких вопросов».

Однажды он пришел, и я сразу же знаком предложил ему залезть. Он устроился на дереве. Через час он слез вниз. Я спросил его: «Вы что-нибудь испытали?»

Он сказал: «Действительно, здесь так тихо. Кажется, это место почти, что вне этого мира. И я впустую потратил свое время, изучая в Оксфорде с Г. И. Муром, что такое красота, что такое добро, что такое тишина. Эти деревья дают опыт».

Я сказал: «Эти деревья дают больший опыт, чем любая книга по эстетике, этике, философии, религии».

Вы просто должны быть в совершенном созвучии с окружающим — когда даже бамбук дает вам определение добра, а цветок розы определяет для вас, что есть красота...

Не существует интеллектуального понимания дзен. Есть экспериментальное понимание дзен, которое происходит в медитации — вкус. Нечто раскрывается внутри вас, нечто, что не было доступно вам, поскольку вы стояли к нему спиной. Просто потому что вы смотрите на него, нечто внезапно входит в зеркало ваших глаз, наполняет само ваше существо. Поразительный танец... даже в мелочах — красота, радость. Но если вы начинаете определять, вы начинаете упускать.

Ты спрашиваешь, почему западный ум упускал это. Он пошел по неверному пути, и он до сих пор на неверном пути.

Я рассказал вам о Гуманистическом манифесте. Это самые известные интеллектуалы Америки. Все должно быть определено ясно. Если оно не определено, оно неприемлемо. Но эти великие интеллектуалы не подвергли сомнению того, что причина сама по себе беспричинна — что такое причина? Какова ее цель? Зачем она существует?

Очень просто увидеть, что в жизни все имеет противоположность. Если есть причинность, должно быть нечто иррациональное, в противном случае не имеет смысла называть что-нибудь рациональным. Если есть красота, обязательно есть нечто, что будет уродливо. Если есть что-то доброе, тогда что-то обязательно будет злым.

В тот момент, как вы говорите: «Причинность... мы верим в причинность», вы определяете свою территорию. Если что-нибудь существует за пределами этой территории, вы не признаете его — но существование признает. Признаете вы это или нет, не имеет значения.

Было время, когда была доступна лишь логика Аристотеля — две тысячи лет. Сейчас, в этом столетии, родилась не-аристотелевская логика, потому что логика Аристотеля очень ограничена.

Две тысячи лет единственной геометрией была геометрия Евклида. Всего за пятьдесят лет родилась, неевклидова геометрия. И если вам известна неевклидова геометрия, все положения евклидовой геометрии совершенно уничтожены.

Все определения Евклида и Аристотеля отрицаются современными физиками, так как если вы слушаете их определения, вы не сможете двигаться внутрь существования. Существование не заботится об Аристотеле или Евклиде. Существование идет своим путем; оно достаточно просторно, оно больше, чем череп Аристотеля.

Сколько можете вы вместить в свой ум? Что-то будет всегда оставаться за пределами, и это запредельное не исчезнет из существования, оно там, принимаете вы это или нет.

Восток принял гораздо более здравый взгляд — принятие обоих подходов: рациональное для материального и иррациональное для нематериального; рациональное для внешнего, а иррациональное для внутреннего. Это более разумный и сбалансированный подход, и рано или поздно Западу придется согласиться с восточной точкой зрения.

Третий вопрос:

Ты недавно упоминал, дух равенства, присущий мастерам дзен. Отсутствует ли соревновательность в дзен из-за того, что в нем нет чувства иерархии — поскольку идея иерархии по существу связана с концепцией высшего существа, превосходящего человека и отдельного от него?

В дзен нет духа соревнования. Это означает, что ни один мастер не считается выше, ни один мастер не считается ниже. Даже просветленный не считается выше, чем непросветленный. Человек спит, человек бодрствует — это не означает, что бодрствующий более высок, чем тот, кто спит. Это различные состояния, но вопрос не в превосходстве. В этом смысле в дзен нет духа соревнования.

Мастер не пытается собрать больше людей, больше последователей. Напротив, известны случаи, когда мастер, заглянув в глаза ученику, который пришел к нему, качал головой и говорил: «Тебе лучше отправиться в другой монастырь, на другом холме. Хотя его учение и противоположно моему, оно подойдет тебе больше. А тебе нужно то, что более подходит для тебя. Вопрос не в том, чтобы у меня было больше учеников, а у других меньше».

Однажды случилось так...

Мастер прогнал ученика, потому что много лет тот медитировал, задавал вопросы и получал удары... он приспособился, и ничего не происходило.

Однажды, когда он пришел, мастер закрыл дверь. Ученик удивился: «Я же ничего не сказал!»

Мастер ответил: «Тебе совсем не следует приходить сюда. Иди куда хочешь!..»

Естественно, ученик подумал: «Лучше всего пойти к мастеру, который напротив; он обучает другим вещам».

Он пошел к другому мастеру. Мастер посмотрел ему в глаза и сказал: «Тебе лучше вернуться к своему прежнему мастеру; он очень милостив к тебе. Он потратил на тебя восемнадцать лет; я не обладаю таким состраданием. Вернись! Если он закрывает дверь, это не значит, что он не отвечает тебе — таков его ответ. Сиди у двери, не открывай глаз, не уходи от двери. Вернись».

И ученик вернулся, сел у двери мастера и закрыл глаза. Прошла вся ночь.

Рано утром мастер открыл дверь, и ученик сидел так красиво, так умиротворенно, что мастер, который нес цветы для статуи Будды, осыпал цветами голову ученика.

Ученик открыл глаза. Он сказал: «Что вы делаете? Эти цветы вы несли для Будды».

Мастер произнес: «Тот Будда может сегодня обойтись без цветов. Живого будду я обнаружил сидящим прямо под моей дверью. Входи. Где ты был так долго?»

Тот сказал: «Где? Я находился здесь восемнадцать лет. Неужели вы забыли? Только вчера вы прогнали меня!»

«Я сделал это потому, что знал наверняка, что ты обязательно пойдешь в монастырь напротив. И я знал, что мастер напротив не примет тебя. Ты так глуп, а только я принимаю дураков и делаю их буддами! Так что опасаться было нечего. Куда бы ты ни пошел, тебя отправили бы назад».

Там нет соревнования, там нет осуждения. Ученики переходят от одного учителя к другому учителю с их позволения — и там нет иерархии. Гаутама Будда не выше, чем Махакашьяпа, а Махакашьяпа не выше, чем Бодхидхарма. Само слово «иерархия» исходит от идеи низшего и высшего.

Мир, согласно видению будд, делится на два типа будд:

некоторые спят, а некоторые бодрствуют — невелика разница. Тот, кто спит сегодня, может проснуться завтра. И никогда не известно — тот, кто бодрствует сегодня, может заснуть завтра. В этом удивительном существовании все возможно.

Для вашего здравомыслия будет трудно принять то, что будда может стать снова непросветленным, но я знаю множество будд, которые сидят здесь непросветленные. Мно-го раз они подходили к самой грани того, чтобы стать про-светленными, и сейчас же отворачивались из опасения: «Кто знает? Если ступишь еще шаг, ты можешь никогда не возвратиться» — а ваша подружка ждет снаружи!..

Сарджано исчез куда-то на несколько дней. Я спросил Нилам: «Я не вижу Сарджано?..» Она сообщила мне, что спрашивала у Сарджано, и Сарджано сказал: «Если я не скучаю по нему, почему он скучает по мне?»

Сарджано, ты, может, и не скучаешь по мне — я скучаю по тебе. Я будда такого типа. Я скучаю по людям — и даже по таким людям, как Сарджано! Все так обрадовались, когда он исчез...

Сутра:

Возлюбленный Ошо,

Танка спросил Чоро: «Что есть самость прежде пустого эона?»

«Эон» означает - «до начала существования». Танка спрашивает: «Прежде чем существование началось, когда был эон?..» То есть, одним словом: «возраст»; это означает просто возраст. Было бы лучше сказать в переводе «время» — чистое время существовало.

Танка спросил Чоро: «Что есть самость прежде пустого эона?» Прежде того пустого безвременья, что такое самость... где ты был? Ты должен был быть где-то — уместный вопрос. Существования может и не быть здесь, тебя может и не быть в теле, но где-то там, скрываясь в каком-то углу, ты все равно должен был быть.

Как только Чоро собрался отвечать, Танка сказал: «Ты по-прежнему шумный — пока уходи».

Танка был мастером, который спросил ученика, Чоро:

Что есть самость прежде пустого эона? — прежде всех существ, что есть самость?

И когда Чоро собирался ответить, — это не вопрос, на который можно ответить... Ответить значит ответить неправильно. На него правильного ответа дать не возможно, есть какое-то правильное действие. Если бы Чоро был человеком понимания, он мог бы стукнуть, хлопнуть мастера, и мастер был бы счастлив. Но это не вопрос, на который можно ответить интеллектуально, вербально.

Как только Чоро собрался отвечать, Танка сказал: «Ты по-прежнему шумный — пока уходи. Когда ты станешь молчаливым, и у тебя не будет слов, возвращайся».

Только человек, у которого нет слов, знает, что самость может существовать без границ. Это переживание; нет способа доказать это при помощи аргументов. Вы можете войти внутрь себя самого и быть совершенно тихими — нет границ, нет слов, чистое присутствие... тем не менее, вы знаете, вы есть. Без познавания, без вербализации, вы переживаете — вы есть.

Это бытие было прежде начала, если вообще было какое-нибудь начало. Оно есть сейчас, и оно будет оставаться всегда. Даже если придет конец, это присутствие не оканчиваться. И это присутствие не имеет ничего общего с вами. Это присутствие не ваша собственность; следовательно, это не личность.

Будда очень точен в своих пояснениях. Пожалуй, нет человека, который был бы столь же точен. Он описывает это как Не-личность — не как личность — поскольку называть это личностью значило бы наделить его границей, ограничением, территорией. Чтобы разрушить территорию, Будда называет это не-личностью. Это было одной из причин его превратного истолкования в течение столетий. Потому что кто захочет обрести не-личность, кто захочет превратиться в ничто?..

А это и есть именно то, чем вы становитесь, когда достигаете самого центра своего существа — ничем, не-личностью. Но эта не-личность бессмертна, эта не-личность есть чистая радость, беспричинное блаженство.

Однажды, когда Чоро взбирался на пик Кол, его ум раскрылся в просветление. Он спустился короткой дорогой и возвратился, чтобы встать рядом с Танкой, который ударил его и произнес:

«Я думаю, ты узнал, что оно существует».

Чоро радостно поклонился.

Он не произнес ничего. В этом втором случае Чоро внезапно ощутил тишину, когда поднимался на гору. Это происходит легче в мире дзен, потому что в нем каждый ищет тишины. Когда он взбирался, — внезапный момент тишины, — и он обнаружил, почему мастер отверг его. Он спустился короткой дорогой, чтобы увидеться с мастером.

Танка посмотрел на него, ударил его и сказал: «Я знал, ты обязательно узнаешь, что оно существует. Это не личность, это не не-личность; это просто присутствие, и ты найдешь это однажды. Я узнал это, и я счастлив, что и ты обнаружил это».

Чоро не вымолвил ни единого слова, но он продемонстрировал свое понимание;

Чоро радостно поклонился.

Ни в какой другой ситуации, нигде и никогда такой инцидент невозможен. Мастер ударил ученика, а тот не произнес ничего правильного или неправильного. Но мастер не полагается на ваши слова, он полагается на вашу грацию, на ваши глаза, на ваше лицо, на саму вашу вибрацию. Мастер увидел, что Чоро идет по-другому, с другой вибрацией, как может идти только будда. Он не упустил сути, он тотчас же ударил его.

Этот удар было просто проверкой, оказался ли он прав или ошибся. Если бы Чоро спросил: «Почему вы ударили меня?» — Танка оказался бы неправым. Однако вместо того, чтобы спросить о чем-то, Чоро радостно поклонился. Не только Танка понял вибрацию, но и Чоро также понимает, что этот удар не от гнева, а от радости.

На следующий день Танка вошел в зал и сказал:

«Солнце освещает зелень одинокого пика; луна сверкает в холодном ручье долины. Не кладите чудесный секрет родовых учителей в свое маленькое сердце». Затем он поднялся с сиденья.

Чоро вышел прямо вперед и заявил: «Твое сегодняшнее обращение не может обмануть меня больше».

Танка сказал: «Попробуй пересказать его». Чоро безмолвствовал,

Танка сказал: «Я думаю, у тебя был проблеск». Тогда Чоро удалился.

Что же обнаружилось?

На следующий день Танка говорил перед собранием, и он сказал: «Солнце освещает зелень одинокого пика; луна сверкает в холодном ручье долины. Не кладите чудесный секрет родовых, учителей в свое маленькое сердце».

Затем он поднялся с сиденья...

Вот то, что он подразумевал: когда бы вы ни нашли истину, распространяйте ее, не храните ее в своем сердце. Если вы сохраняете ее, она умрет. Распространяйте ее широко, засевайте ее как можно больше полей. Чем больше вы распространяете ее, тем больше она вырастает, тем больше ее у вас есть.

Чоро несколько возгордился вчерашним переживанием, тем, что мастер ударил его так радостно.

Чоро вышел прямо вперед и заявил: «Ваша сегодняшняя речь не может обмануть меня больше».

Он подумал, что вышел за пределы понимания, которое содержится в проповеди мастера.

Танка сказал: «Попробуй пересказать мою речь. Если она не может одурачить тебя, пожалуйста, попробуй пересказать. Дай мне понять, что ты хотя бы услышал ее».

Чоро безмолвствовал. Танка сказал: «Я думаю, у тебя был проблеск».

Этот удар был от радости; это утверждение — «Я думаю, у тебя был проблеск» — от огорчения.

Мастер говорит, что, во-первых, это дерзко — «выйти перед собранием и заявлять...» Во-вторых, — «Если тебя просят пересказать, если ты не можешь этого сделать, ты можешь, по крайней мере, просить прощения. Но ты молчал, как фонарный столб».

Танка сказал: «Я ошибался. Думаю, ты получил проблеск. Вчера у тебя была другая вибрация. Сегодня эта вибрация изменилась».

Это заставляет меня чувствовать вас — так, всякий раз, как вы получаете подтверждение мастера, не надо делать его частью своего эго. В противном случае, скорее, чем помочь, оно станет помехой.

Взгляд мастера вам в глаза, или его рука, указывающая на вас — это признание. В его любви — признание. Каждое мгновение он признает вас с великим благоговением, какое только возможно, потенциальными буддами. Но не возгордитесь от этого, в противном случае эта гордость будет задерживать ваше просветление.

Исса написал:

Не обращая внимания на росу, что отмечает наш уходящий день, мы связуем, себя с другими.

Поэтов хайку, равных по величине Иссе и Басе, очень немного. Это хайку говорит: «Не обращай внимания на росу, что отмечает наш уходящий день...» Каждый день поднимает вокруг столько пыли — столько гнева, столько печали, столько горя, столько непонимания.

Не обращая внимания на все то, что отмечает наш уходящий день, мы связуем себя с другими. Наша любовь остается незатронутой, не задетой. Наши сердца совсем как зеркала, которые не собирают никакой пыли.

Это и есть путь человека дзен. Продолжайте удалять пыль и помните свое единство, свое единение со всем существованием. Ничто не позволяет вам отделиться — ни гнев, ни желание, ни неудача. Ничто не отделяет вас от существо-вания.

Каждый вечер удаляйте всю пыль.

Отправляйтесь спать с чистым зеркалом, в молчаливой песне, гармонирующей с существованием.

Вопрос Маниши:

Возлюбленный Ошо,

Пол Репс в предисловии к своей книге «Плоть дзен, кости дзен» пишет: «...эти сто двенадцать техник Вигьяны Бхайравы Тантры вполне могут быть корнями дзен».

возлюбленный Ошо, согласен ли ты с Полом Репсом?

Есть возможность... сто двенадцать техник Вигьяны Бхайравы Тантры — это, по существу, одна техника в различных комбинациях. Эта одна техника есть свидетельствование. Используйте свидетельствование в различных ситуациях, и вы создадите новую технику. Во всех тех ста двенадцати техниках используется это простое свидетельствование.

И есть вероятность того, что оно может и не быть связанным прямо с книгой Шивы. Вигьяне Бхайраве Тантре пять тысяч лет, а Гаутаме Будде только двадцать пять столетий. Промежуток между Шивой и Буддой велик — двадцать пять столетий — и, похоже, нет связующего звена.

Поэтому, возможно, и не было того, чтобы он взял технику свидетельствования непосредственно из Вигьяны Бхайравы Тантры. Но брал он ее или нет, есть вероятность того, что как-то, от кого-то он мог слышать о ней. Он был со многими мастерами, прежде чем стал буддой. Прежде чем он сам нашел технику свидетельствования, он был со многими мастерами. Где-то он мог слышать упоминание о Вигьяне Бхайраве Тантре, но, похоже, тут нет самой прямой связи, поскольку он был по-прежнему ищущим. Фактически, он не практиковал свидетельствования, когда стал буддой.

Ситуация как раз обратная: сначала он стал буддой. Потом он обнаружил: «Боже мой! Так это же свидетельствование сделало меня буддой».

Не было так, чтобы он практиковал свидетельствование; он отбросил все. Утомленный всеми видами йоги, мантрами и тантрами, однажды вечером он просто все бросил. Он отрекся от царства, он отрекся от всего. Шесть лет он истязал себя всевозможными методами.

В тот вечер он отбросил все эти методы и под деревом, которое стало известно по его имени — дерево бодхи — он тихо уснул. А утром, когда он открыл глаза, исчезла последняя звезда. И как только звезда исчезла — внезапная тишина повсюду, и он стал свидетелем. Он не делал ничего

особенного, он просто лежал под деревом, отдыхая, наблюдая исчезающую звезду. Как только звезда исчезла, стало нечего наблюдать — осталось лишь наблюдение. Вдруг он обнаружил: «Тот, кого я разыскивал, и есть я».

Таким образом, Будда сам обнаружил, что свидетельствование было его невольным методом.

Но после Будды свидетельствование, или метод сок-шин, стало специфическим методом дзен.

Догадка Пола Репса не лишена вероятности, но ее нельзя доказать исторически. Мне кажется, Будда не практиковал свидетельствования. Он нашел свидетельствование после того, как обнаружил, что был буддой. Таким образом, несомненно, это событие не имеет ничего общего с Вигьяной Бхайравой Тантрой, но метод один и тот же.

Поскольку метод тот же, в уме Пола Репса, в ученом уме, легко могла возникнуть идея, что метод Будды, метод дзен, связан с Вигьяной Бхайравой Тантрой, но такая связь представляется лишь его предположением. Она вероятна, но не обоснованна.

Бамбук требует времени Сардара Гурудаяла Сингха. Дайте свет!

На кладбище святых мощей в Кельне полночь. Все спокойно, как вдруг раздается грохот под одним из могильных камней, помеченных «Химлиш Хампер». Постепенно камень приподнимается, земля начинает осыпаться, и в воздухе оказывается костлявая рука.

Медленно, но верно скелет Химлиша Хампера выползает из-под земли. Химлиш отряхивает пыль со своих костей, а потом стучится в следующий камень, помеченный «Гектор Герпес».

— Вставай, Гектор! — бормочет Химлиш. — Пора! Затем из-под камня, несущего надпись «Гектор Герпес», доносится грохот костей, камень медленно поднимается, и выскальзывает скелет Гектора.

Два скелета встают и с грохотом и скрипом обмениваются рукопожатием.

— Мы свободны! — скрежещет Химлиш. — Пошли! Ребята пускаются бежать, грохоча, по улицам Кельна. Внезапно Гектор Герпес застывает как вкопанный. Он разворачивается кругом и громыхает назад к своей могиле.

Когда он добирается туда, он взваливает огромную могильную плиту и тащит ее назад, туда, где его ждет Химлиш.

— Какого черта ты тащишь эту штуку? — вопит Химлиш.

- Я вспомнил! — отзывается Гектор. — В Германии не разрешается путешествовать без документов!

Молодой отец Февер заканчивает свое обучение у кровоточащего креста иезуитского монастыря и едет в Нью-Йорк как священник Безукоризненной Концепции и Церкви Чудесного Воскресения.

Февер вскоре обнаруживает, что один из членов конгрегации, Люси Аегс — проститутка, и решает попытаться наставить ее на верный путь.

Февер приглашает Люси за церковь для доверительной беседы. Но когда молодой священник приходит, он находит Люси, сидящую нагишом на старом надгробии с широко разведенными в стороны ногами.

— Ах, Боже мой! — стонет Февер, покрываясь испариной. — Я молился о вас прошлой ночью!..

— Идиот! В этом нет нужды, — огрызается Люси. — У меня есть телефон. Но не беспокойся! Можешь получить меня сейчас — всего пятьдесят долларов!

— Нет! Нет! — восклицает Февер, ослабляя свой воротничок. — Ты, неверно поняла меня. Я ожидал найти тебя стоящей на коленях, фактически, я думаю, нам обоим следует опуститься на колени сейчас же. Ты согласна?

— Как пожелаешь! — улыбается Люси. — Но за этот собачий стиль — сто долларов!

Пытаясь продемонстрировать миру, что не все католические кардиналы гомосексуалисты, Папа Польский заказал грандиозный бал в Ватикане. Всем священникам были даны уроки танцев; было приглашено множество очаровательных женщин.

В этот великолепный вечер Ватиканская капелла, которая была приготовлена по случаю, наполнилась танцующими парами.

Случилось так, что Глория Великолепная закружилась в танце в объятиях кардинала Катзасса. Глория Великолепная была одета в плотно облегающее декольтированное платье, которое в совершенстве подчеркивало ее фигуру, хотя многие кардиналы нашли такую одежду слишком откровенной.

— Вы знаете, — сказал кардинал Катзасс, — что я всегда был вашим большим поклонником и всегда хотел быть столь же остроумным, как и вы!

— Благодарю вас, — отвечает Глория.

— О да, — говорит Катзасс, — и к тому же вы очень красивы!

— Очень мило с вашей стороны, — отвечает Глория, обдумывая, как бы ей избавиться от старого идиота.

— Но мне следовало бы сказать вам одну вещь, — говорит Катзасс, хмурясь на ее платье, — у меня есть кое-что против вас.

— Я знаю, — говорит Глория. — И это кое-что я уже чувствую!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны...

Закройте глаза и почувствуйте свое тело совершенно застывшим. Это подходящий момент, чтобы войти внутрь. Соберите свои энергии, свое тотальное сознание, и со всей интенсивностью устремитесь к центру своего существа. Необходима глубокая настоятельность, как будто приходит последний миг вашей жизни. Глубже и глубже...

Когда вы приближаетесь к своему центру, великое безмолвие нисходит на вас. Ваше сердце раскрывается, в точности как раскрывается лотос. Благоухание запредельного окружает вас. Еще один шаг, и вы у самого центра своего существа. В этой точке вы присутствуете и отсутствуете одновременно:

отсутствуете таким, как вы знали себя, и присутствуете таким, каким знает себя будда.

Это чистое небо, ваша свобода, ваша вечность, ваш экстаз. Свидетельствуйте, что вы не есть тело.

Свидетельствуйте, что вы не есть ум.

Свидетельствуйте, что вы только свидетель — чистый

свидетель, просто зеркало.

Это свидетельствование — единственная революция, которая

когда-либо происходила с любым человеком, единственная

революция, которая дала начало линии будд,

чтобы сделать это глубже...

Ниведано...

Расслабьтесь, но оставайтесь свидетелем... Аудитория Гаутамы Будды становится океаном сознания. Вы просто исчезли в этом океане без границ. Цветы безмолвия, цветы спокойствия, цветы радости возникли повсюду вокруг.

В этот миг вы блаженнее всех на земле, потому что каждый человек заблудился где-то в мире.

Вы один из тех немногих избранных, которые разыскивают истину своего существа. И ее всегда находят, потому что она всегда ждет вас. Это ваша подлинность, это ваше существование.

Дзен — это экзистенциальный путь. Испытайте свою сущность будды, прежде чем Ниведано

позовет вас назад.

Соберите все эти переживания. Вы должны принести их с собой, вы должны сделать их частью вашей ежедневной жизни.

И помните эти три вещи, эти три шага...

Первый — Гаутама Будда следует за вами, как тень.

Второй — вы становитесь тенью Гаутамы Будды.

И третий — вы исчезаете даже как тень и становитесь едины с Гаутамой Буддой...

Чистое сознание...

Белое облако, плывущее в небе окончательной свободы...

Когда вы возвращаетесь, убедите будду сопровождать вас.

Ниведано...

Возвращайтесь... но медленно, умиротворенно, грациозно, демонстрируя свою природу будды.

Посидите несколько мгновений, просто чтобы вспомнить, где вы были, где вы сейчас.

Было ли это опытом? Может ли этот опыт оставаться с вами двадцать четыре часа подобно тени?

Это сама ваша природа, стало быть, нет и вопроса. Она может стать самым вашим дыханием, самым биением вашего сердца.

И смотрите... почувствуйте присутствие Будды рядом с собой.

Если первый шаг предпринят, до второго недалеко, а третий легче легкого.

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Возлюбленный Ошо,

Однажды Танка говорил монахам, которые были с ним: «Вы все должны охранять свое существо, которое не создано и не сформировано вами. Так как могу я учить вас делать то или не делать это?»

Однажды, когда я встретил Сэкито Ошо, он научил меня, что я должен просто охранять его самостоятельно. Об этом нельзя говорить. У всех вас есть, своя собственная цинковка для задзен; о каком другом дзен вы говорите?

Вам следует понять это. Нет ничего, что становится буддой. Не продолжайте просто слушать имя будды; вы сами должны увидеть, что полезные средства и четыре бесконечные добродетели не снаружи; не носите их в своем уме.

Чему вы хотите следовать? Не используйте сутры. Оставьте пустоту, не впадая в нее.

Искатели нынешнего дня разыскивают Дао хаотически.

Здесь, в этом месте, нет ни пути, которому можно было бы учиться, ни дхармы, которую можно было бы показать.

Даже единственный глоток или единственный кусочек обладает своей собственной истиной.

Не питайте мыслей и подозрений. В любом, месте эта вещь присутствует. Если вы узнаете Гаутаму Будду, это обычный старик. Вы должны целиком увидеть и уловить это сами. Не позволяйте слепому вести толпу слепых в горящее ущелье.

Если вы играете в кости темной ночью, где же вам разглядеть числа на костях?»

СВОБОДА ЭТО НЕ РАСПУЩЕННОСТЬ

3 АПРЕЛЯ 1989 ГОДА

Аудитория ГАУТАМЫ Будды, ПУНА, Индия

Друзья,

Прежде чем ответить на ваши вопросы, я должен рассказать о письме Сарджано.

Прошлым вечером я говорил о нем. Он написал очень красивое и любящее письмо, но, как вы знаете, Сарджано лжет. Я не возражаю — если вы лжете, лгите красиво и тотально. Жизнь без лжи будет очень скучной...

Когда я рассказал вам про то, что Сарджано сказал Нилам: «Если я не скучаю по нему, почему он скучает по мне?» — он был неправ, он был неподлинен. Он скучал — может, и не осознавая этого.

Многие из вас не осознают того, что вы скучаете. Многие из вас не осознают того, что вы забыли. Но его случаи можно взять как пример.

Он говорил Нилам: «Я не прихожу на лекции, потому что они слишком длинные. Я люблюсь небом, сидя на балконе». Неужели вы думаете, небо меньше, чем мои лекции?

А Сарджано и не был на балконе. Его не было даже в Пуне. Я прекрасно знаю, где вы. Глядя в глаза Сарджано на другой день, я увидел, что он был с У. Г. Кришнамурти. И не только это: он брал туда также и других людей тоже.

В этом нет ничего неправильного; только нужно помнить одну вещь: когда вы хрупки в своем росте, такие люди как У. Г. Кришнамурти могут разрушить вас. Эти люди упустили свою жизнь, и теперь они живут в разочаровании. А в разочаровании люди начинают вести себя как женщины. Они начинают все крушить и швырять. Именно этим и занимается У. Г. Кришнамурти.

Но позвольте ему делать то, что он хочет. Незачем становиться у него на пути, когда он швыряет диск. Это его диск — зачем вам получать напрасные раны? Они не ваши собственные.

К несчастью, многие из вас несут раны других, страдания других, трагедии других.

Вы когда-либо смотрели на простой факт — то, что вы не должны быть несчастны, это ваш выбор?

И если ты, Сарджано, ходил к У. Г. Кришнамурти, тебе следовало сказать об этом Нилам, не обманывая, что ты «любуюсь небом». Что случилось с небом теперь? Небо по-прежнему там, балкон по-прежнему там, а что ты делаешь здесь? И специально для тебя я собираюсь сделать лекцию длинной. Я забочусь о моих людях.

Сегодня он написал письмо, в котором он чувствует опасение, что «возможно, дух Раджнишпурама овладеет и этой коммуной тоже». Сарджано, это не ты говоришь. Это У. Г. Кришнамурти. Он никогда не жил в коммуне.

Коммуна дает определенные обязанности и определенные свободы. Коммуна не является неизбежно разрушительной для индивидуальности. Фактически, такова сама цель коммуны: сохранять индивидуума, его целостность.

Коммуна — это не организация, но когда в нее вовлечены тысячи человек, кому-то нужно готовить пищу, кому-то нужно следить за дверью, а кому-то нужно заниматься мелочами. Бывают люди, которые начинают думать, что даже занятие такими вещами есть разрушение их

свободы. Это сущий вздор.

Определенная ответственность не против свободы; фактически, свобода может существовать только с ответственными людьми. Кто-то должен заботиться о садах, иначе там не будет цветов.

Это проблема не только Сарджано, но и еще некоторых саньясинов. Нужно внести ясность: коммуна не является диктаторской, но она также и не демократична. Она оказывает уважение индивидуальности. Вместе с уважением она налагает и ответственность, — то, что вы не должны вторгаться в пространство других и то, что вы должны внести вклад в коммуну.

Если вы берете от блага коммуны, вы должны внести что-то — то, что вы можете делать.

Когда вы трудитесь с друзьями, не должно быть споров ни о чем — только диалоги. Нет необходимости ничего никому навязывать. Когда есть разумные люди, они могут увидеть причину сами. Их не заставляют.

Но существуют немногие люди, которые считают распущенность свободой, Сарджано, это — твоя позиция.

Распущенность не есть свобода.

Мы сидим здесь — и никто не заставляет вас быть молчаливыми. Вы молчаливы в соответствии со своим разумом, и это придает вашей индивидуальности потрясающую грацию.

Один из моих адвокатов в Америке был озадачен. Он не был саньясином, и его наняли просто из-за того, что он был авторитетом права, деканом факультета права в Калифорнийском университете. Он, очевидно, видел студентов всю свою жизнь, но еще никогда не видел мастера.

Так вот, однажды он отвел меня в сторону и спросил:

«Я в недоумении. «Даже когда входит суд, должно быть объявлено: «Суд идет, всем встать». Но когда вы приходите, никто не объявляет этого. Там есть ваши люди — мы можем понять, почему они встают. Но меня озадачивает то, что я и сам чувствую, что мне хочется встать. И когда я смотрю на вставших людей, только половина из них саньясины, половина — другие люди».

Когда саньясины начали подниматься, встали и другие — не зная этого, не осознавая этого, они вдруг обнаружили, что они также встали. Может, они сделали это и не ради меня — это не вопрос их согласия или несогласия.

Ваше молчание не демократично — вас не просили голосовать за то, чтобы быть молчаливыми. Это не диктатура — вам не приказывали молчать. В этом красота и достоинство вашего молчания: оно возникает из вас. Оно не навязано снаружи; оно происходит изнутри. А когда нечто происходит изнутри, оно обладает красотой, грацией и потрясающей живостью. Это не молчание кладбища; это молчание сада. Оно не мертво; оно трепещет жизнью.

Сарджано, дзен учит революции изящно. Под именем революции много безобразия произошло в мире. Дзен хочет, чтобы вы понимали смысл внутренней революции; вы должны идти своим собственным путем. Дзен просто делает ясным то, что нечего находить, то, что нет скрытой

истины — все дело в том, что ваши глаза закрыты.

Вы видите разницу? Все остальные мистические школы в мире учили, что истина скрыта. Если это только способ выражения, то это простительно. Но реальность такова, что истина не скрыта. Истина повсюду, только наши глаза закрыты.

Когда вы переносите операцию, у вас есть режим поведения. Не думайте, что требование определенного поведения от вас есть вынужденное рабство.

Свобода может существовать только в соответствии с определенной моделью поведения, которую вы приняли сознательно, зная все ее значения.

Когда «да» исходит от вашего собственного существа, лишь тогда оно истинно. Если оно исходит из страха, оно ложно. Если оно исходит из жадности, оно не истинно. Когда оно исходит только из понимания без страха, без жадности, без наказания, тогда вы действуете в соответствии со своей внутренней истиной.

Это чудо, что тысячи людей могут жить здесь без всякого конфликта, без всякой борьбы, без всякого насилия. Весь мир может жить так спокойно и тихо, если свободу не понимают превратно — как распущенность.

Свобода — это еще большая ответственность, она придает вам благородство и достоинство. Она заставляет вас осознать то, что вы живете осмысленно. Другого смысла нет.

Когда я сказал вам вчера, что нет смысла в жизни, нет окончательной цели, вы могли превратно понять меня. На самом деле я говорил, что нет смысла в жизни; следовательно, вы свободны создать его. Нет цели в жизни, нет застывшей предопределенности; значит, ваши руки вольны рисовать, ваять, любить, жить. Но теперь вы должны завязать лишь от одной вещи — и это ваш собственный внутренний свет.

Дзен это пробуждение внутреннего света. И в этом пробуждении все основы нравственности следуют сами собой.

Люди спрашивали меня; «Дзен выглядит прекрасно, но где же нравственность?» Из-за того, что все религии мира учили вас нравственности, они создали идею, что если нравственности не обучать, не принуждать, не дисциплинировать, вы будете безнравственными. Ваша безнравственность считается сама собой разумеющейся,

Истина в другом. Если вы просто бодрствуете внутри своего осознания и действуете в соответствии с таким осознанием, ваша жизнь будет нравственной, добродетельной. Не обременяя вас религиями, навязанными другими людьми, не создавая никакой вины, дзен дает вам потрясающую свободу. Но эта свобода настолько же велика, как и ваша ответственность — если вы отбросите ответственность, вы также отбросите свою свободу.

Большинство людей в мире прожили в рабстве из-за простого психологического факта: рабство — это уют, свобода — это открытое небо. Рабство — это безопасность клетки. Птице в клетке не надо беспокоиться о пище, не надо беспокоиться о врагах, не надо беспокоиться о смене времен года, но она продала свою свободу за всю эту безопасность.

Усилие дзен в том, чтобы выпустить вас из ваших клеток. У этих клеток прекрасные названия: христианство, индуизм, джайнизм, буддизм. Таково усилие дзен — неважно, в какого рода и формы клетке вы живете — только не живите в клетке. И вся вселенная доступна вам. Для этого не нужно искать, это уже трепещет в вашем сердце. Просто больше сознавайте свое внутреннее, и вы начнете взрослеть.

Очень немногие люди взрослеют, большинство людей только старится. Взросление делает буддой. И низшее, обладает потенциалом стать буддой. Но никогда не становитесь буддистом — это клетка. Никогда не принадлежите ни к какой организации. Никогда не принадлежите ни к какой системе веры или морали. Принадлежите только лишь своей собственной свободе, а свобода, безусловно, приносит огромную ответственность. За все, что вы делаете, ответственны вы. Нет никого другого, чтобы принять эту ответственность. Вот почему люди согласились верить во все-возможную ложь.

Бог это ложь, но это помогает людям сделать его ответственным. Он создал мир — если он создал нас такими, как мы есть, он ответственен. Они верят в пророков, в мессий, просто чтобы переложить на них свою ответственность. А все ваши мессии, ваши Христы, ваши Кришны просят у вас только одного: «Верь в меня, и я позабочусь о твоей духовной жизни».

Существуют миллионы христиан, и они верят в Иисуса, и они верят в Бога, но их духовность не расцвела. Не расцвела она и в других религиях. Что-то неправильно в самой основе. Дзен ставит этот вопрос — добиться, чтобы вы осознали, что неправильно. От перекладывания ответственности чувствуется благо — бремя ушло. Однако с ушедшей ответственностью ваша свобода тоже исчезла. А человек, который не знает свободы, ничего не знает о жизни, ничего не знает о любви, ничего не знает о творчестве, ничего не знает об этой необъятной вселенной.

Когда я говорю, что нет смысла, я подразумеваю, что вы должны создать смысл. Он не изготовлен для продажи. Когда я говорю, что нет цели, я просто подразумеваю, что вам нужно научиться жить без целей. Человек живет лишь ради сути, ради глубины... у кого нет целей, нет источников, тот один в этой безбрежной вселенной, без всякого руководства.

Все писания нечестивы, поскольку все они претендуют на то, чтобы быть вашим руководством, вашими проводниками. Но вам не требуются проводники. Вам требуется осознанность, а каждый проводник хочет, чтобы вы были слепы. Проводнику легче, если люди слепы, потому что они не задают вопросов, они не создают сомнений. Они готовы быть рабами, если безопасность предоставлена им, а это и есть то, что все религии дают вам: безопасность по окончании жизни, безопасность на небесах.

Совсем недавно я смотрел фильм об Иисусе, и я люблю этого человека. Если я не люблю кого-то, я не критикую его, я не чувствую, что он заслуживает критики. Там было несколько вопросов...

В одном месте богатый человек, юноша, который только что унаследовал почти что империю, подошел к Иисусу и спросил его: «Я бы очень хотел следовать тебе, но каковы условия?»

Иисус сказал ему: «Первым делом ступай и раздай все, чем ты владеешь, бедным».

Человек спросил: «Все?»

Иисус сказал: «Да. Отдай все и приходи ко мне».

Человек стоял, он колебался, и смешок прокатился по толпе. А как только богач исчез в толпе, пряча лицо, Иисус произнес свои знаменитые слова: «Скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем богач через врата Божьи».

Таким образом, была одобрена бедность. А когда вы одобряете бедность, вы разрушаете искусство создания богатства, искусство создания большего комфорта, и вы утешаете бедного в его несчастье и в его бедности. А этот человек, этот пришедший юноша — вы требуете от него слишком многого слишком рано. Мастер не должен торопиться. Тот только что унаследовал империю, а вы просите его раздать все!..

Он спросил: «Все? Ты подразумеваешь все?»

Если бы Иисус сказал ему: «раздай часть», когда он подошел бы поближе: «раздай еще немного», а когда он стал бы более близким и более понимающим, вся его империя была бы роздана. Ему мешает именно Иисус. Он приходит и он готов, но требовать слишком многого, когда время не пришло, было слишком поспешным.

Я не стал бы его ни о чем просить. Если бы он пришел, я бы приветствовал это, а со временем вы помогли бы ему рассеять его империю.

Фактически, до того, как личность станет бдительной и осознающей, вам не следует требовать таких невозможных вещей. Однако все религии требовали невозможных, противоестественных вещей. Тот человек, очевидно, ушел с виной, с чувством неполноценности, что у него не оказалось мужества. Теперь вы создали рану в нем. Кто же исцелит его?

Люди смотрят на Иисуса, как будто он целитель. Я говорил вам, он создал больше ран в человечестве, чем любой другой человек. Но раны эти очень психологичны; они не на вашем теле, они на вашем уме. И все религии делали так.

Все религии осуждали женщин за то, что у них женское тело. Никого не волновало, что без женского тела не было бы возможности рождения. Даже так называемому Богу пришлось использовать женщину. Странно! Зачем ему понадобилось делать несчастную Марию беременной? И оба были осуждены: и муж, и жена. Имя отца Иисуса вообще редко упоминается. Но когда я посмотрел на всю эту историю, он, похоже, был гораздо более человечным, гораздо более понимающим, чем даже ваш Бог. Бог, по крайней мере, мог бы справиться с девятью месяцами; не было нужды поднимать этот скандал из-за того, что Иисус не сын своего собственного отца. Тот же самый Бог дает заповедь: «Ты не должен совершать прелюбодеяния» — и сам же совершает это. Сам Иисус есть доказательство Божьего прелюбодеяния.

Но такие вымыслы утешают — Бог, который приходит, когда это необходимо. Странно то, что он понадобился в Иудее, в Израиле и не понадобился нигде больше. А Иудея это небольшое место... в нем нет ничего замечательного. Бог избирает жену бедного плотника — а он считается всемогущим... он знает все. Тогда он, очевидно, знал то, что этот мальчик будет распят в возрасте тридцати трех лет.

Зная все это, тем не менее, все религии осуждали женщину, а все их тиртханкары и все их

аватары, инкарнации... все родились от женщин. И, тем не менее, мать всех ваших божественных мужчин осуждена. В христианской троице нет места для женщины, фактически, по всему миру с женщиной обращались, как будто она всего лишь товар для пользования.

Но почему женщины приняли это? По той же самой причине вы приняли другие виды рабства: безопасность; муж будет заботиться. Древние индийские писания гласят «Когда женщина ребенок, о ней должен заботиться отец; когда женщина молода, о ней должен заботиться муж; когда женщина старая, о ней должен заботиться сын». Но из-за этой безопасности и заботы вы уничтожаете свободу женщины. И женщины согласились — точно так же как согласились и другие люди — на все виды рабства. Причина попросту в том, что им не хватает сознания.

Все усилие дзен в том, чтобы привести вас к вашему собственному сознанию, и тогда нет необходимости ни в каком писании, нет необходимости ни в каком проводнике. У вас есть свой собственный свет, и соответственно вы можете жить интенсивно, радостно, танцуя. Но люди продолжают пытаться отыскать какого-нибудь проводника.

Для чего Сарджано ходил к У. Г. Кришнамурти? Вдруг тот сможет дать ему истину.

Никто не может дать вам истину.

Истина уже хранится внутри вас.

Вы должны обнаружить ее.

Первый вопрос, заданный одним из саньясинов:

В своей книге «Путь дзен» Алан Уотс пишет:

«Нельзя забывать о социальном контексте дзен. Это первостепенный путь освобождения для тех, кто изучил дисциплину социальной конвенции, обусловливание индивидуума группой.

Дзен это лекарство для болезненных результатов такой обусловленности, для ментального паралича и беспокойства, которые возникают от экстенсивного самосознания».

Возлюбленный Мастер, во-первых, я не вижу никакой нужды изучать социальные конвенции для подготовки к пути дзен. Напротив, попытка изучить мертвые, старые правила демонстрирует глупость.

Почему бы не отбросить их немедленно?

Во-вторых, видишь ли в дзен лекарство для болезненных результатов обусловленности?

Когда бы вы ни читали книгу, вспоминайте человека, который пишет ее, потому что эти слова не приходят с неба, они приходят от индивидуального ума.

Алан Уотс был обучен как христианский миссионер. Это обучение продолжает воздействовать на его попытку понять дзен. И, наконец, когда он подошел немного ближе к дзен, христианская церковь исключила его. Это внесло кризис в жизнь этого человека. Он еще не был человеком дзен, и уже лишился своей репутации христианина. Он такого стресса он начал пить, стал

алкоголиком и умер от алкого-лизма. Если вы знаете этого человека, вы поймете, почему он говорит то, что он говорит.

Его утверждение, что «нельзя забывать о социальном контексте дзен», попросту говорит кое-что о нем самом — то, что если бы он не забыл социальный контекст и оставался послушным христианином, все могло бы быть лучше. Его интерес к дзен вместо свободы принес ему ката-строфу. Но дзен не ответственен за это; он не смог пройти весь путь.

Он пытался кое-как придать дзен христианский контекст.

Это не понравилось ни христианам, ни людям дзен. Они не нуждались ни в каком христианском контексте, они не нуждались ни в каком социальном контексте. Это инди-видуальное восстание. Индуист вы, мусульманин или хрис-тианин, не имеет значения.

Какой бы груз вы ни несли, отбросьте его. Как бы ни назывался груз, просто отбросьте его. Дзен это депрограммирование.

Все вы запрограммированы — как христианин, как католик, как индуист, как мусульманин... каждый запрограм-мирован. Дзен это депрограммирование. Поэтому не имеет значения, какого рода программу вы приносите; в какого рода клетке вы жили, неважно. Нужно сломать клетку и выпустить птицу. Не существует социального контекста дзен. Дзен есть наиболее интимное и наиболее индивидуальное восстание против коллективной массы и ее давления.

Алан Уотс неправ. Его понимание дзен абсолютно интеллектуально. Он говорит «это первостепенный путь освобождения для тех, кто изучил дисциплину социальной конвенции». Все вздор. Это не имеет ничего общего с социальной конвенцией. Нет необходимости изучать то, что вы должны отбросить, в конце концов. Нет смысла тратить время. Другими словами, он говорит «сначала заберись в клетку, стань рабом определенной традиции, определенной религии, определенной системы веры, а потом попытайся освободиться от нее».

Он попросту демонстрирует свой ум — бессоз-нательно. Его заключили в клетку и годами обучали как христианского священника. Вы можете изгнать христианина, но для христианина очень сложно изгнать христианство, которое вошло глубоко в его кости, в его кровь. Ему не удалось изгнать его, отсюда его совет для других, кто последует «это первостепенный путь освобождения для тех, кто изучил дисциплину социальной конвенции, обуславливание индивидуума группой». Это совершенно не так.

Не имеет значения, каким образом вы обусловлены. Обусловлены на пятьдесят процентов, шестьдесят процентов или сто процентов — это не имеет значения. Из любой точ-ки свобода достижима. И вы будете должны отбросить это, поэтому чем меньше вы обусловлены, тем лучше, поскольку вы будете отбрасывать небольшой груз. Лучше, если ваша клетка невелика. Но если у вас есть дворец и империя, тогда очень сложно отбросить это.

Когда Иисус потребовал у рыбаков бросить их дела и следовать за ним, они действительно отбросили. Там не было ничего значительного — просто рыбацьи сети, ветхие сети. Хорошая сделка: отбрасывая эту сеть и следуя этому чело-веку, вы войдете в царство Божье. Но когда он потребовал у богатого юноши бросить все, — «приди и следуй за мной», — богач не решился и исчез в толпе. Что касается обуслов-ленности, чем меньше вы имеете, тем легче это отбросить.

А он требует, чтобы сначала вы были обусловлены группой и изучили дисциплину социальной конвенции. Странно... Нужно ли вам сначала становиться солдатом, лишь для того, чтобы потом выйти в отставку? Если вы не хотите воевать, вы не должны становиться солдатом. Почему бы ни быть чистым? Но он не был чист.

Он был испорчен христианством, и он ожидает — в соответствии со своей запрограммированностью — что каждый сначала должен быть обусловлен, закован, взят в наручники, посажен в тюрьму, — с тем, чтобы он мог насладиться однажды свободой. Станный способ переживания свободы!

Когда вы свободны, не потребуется обусловливания никакой группой, никакой верой. Нет необходимости. Какие вы есть, вы и так слишком обусловлены. Общество не позволяет своим детям, расти как лилии в полях — чистыми, необусловленными. Они загрязняют их всеми своими вековыми условностями. Чем старше условность, тем более драгоценной она считается.

И в противоположность... он делает второе утверждение: «дзен это лекарство для болезненных результатов такой обусловленности».

Дзен это не лекарство. Дзен это взрыв здоровья. Лекарство необходимо только больным людям, но здоровье необходимо каждому — больше здоровья, больше сочной жизни. Дзен не лекарство, дзен это внутренний взрыв вашей целостности, вашего здоровья, вашего окончательного бес-смертия.

Спрашивающий сказал: Возлюбленный Мастер, во-первых, я не вижу никакой нужды изучать социальные кон-венции для подготовки к пути дзен — ты прав. Напротив, попытка изучить мертвые, старые правила демонстрирует глупость. Ты снова прав. Почему не отбросить их немедленно? Именно это предлагает вам дзен: «Почему не отбро-сить это сразу? Зачем двигаться по частям?»

Я рассказывал вам историю из жизни Рамакришны... Человек скопил десять тысяч золотых рупий. А в то время рупии были действительно золотыми; слово «рупия» просто означает золото. И таково было его желание — что однажды, когда их станет десять тысяч, он смог бы пожертвовать их Рамакришне, конечно, обретая заслугу в другой жизни. Когда отдают небольшие пожертвования и люди получают великие блага... за десять тысяч золотых вы можете купить даже собственный дом Бога!

Он пошел, бросил свою сумку с золотыми монетами и сказал Рамакришне: «Я хочу предложить их вам. Пожалуйста, примите их».

Рамакришна был странным человеком. Обычно традиционный саньясин не стал бы принимать. Он мог бы сказать: «Я отверг мир, я не могу принять». Но Рамакришна не был традиционен. Он сказал: «Ладно, принимаю. Теперь окажи мне любезность».

Человек сказал: «Я у твоих стоп. Все, что ты поже-лаешь».

«Отнеси все эти монеты к Гангу», — который нахо-дился прямо позади храма, где жил Рамакришна — «и брось все монеты в Ганг».

Человек не мог этому поверить: «Что же это... десять тысяч золотых?» Но теперь он не может сказать, что это неправильно, он уже лишился права собственности на них. Теперь они принадлежат Рамакришне, и Рамакришна говорит «Просто окажи мне любезность. Ступай и выбрось их».

Нерешительно, неохотно, человек отправился. Прошли часы. Рамакришна спросил: «Что случилось с тем человеком? Он должен был вернуться через пять минут».

Рамакришна послал саньясина разыскать его...

Этот человек собрал большую толпу. Он сначала выкладывал каждую золотую монету на камень, а потом бросал их одну за другой. А люди прыгали в Ганг и собирали, и это превратилось в грандиозное зрелище, а человек наслаждался.

Когда сообщили Рамакришне, он сказал: «Этот человек идиот. Скажите ему: когда ты собираешь что-то, ты можешь вести счет, но когда ты выбрасываешь, какой смысл тратить время? Бросай весь груз».

Рамакришна простым путем указывал, что когда вы отбрасываете свою обусловленность, свои ментальные концепции, свои верования, не отбрасывайте постепенно. Они все взаимосвязаны; бросайте их все. Если вы не сможете отбросить их все в один момент, вам не удастся отбросить их вообще. Или сейчас, или никогда.

Во-вторых, ты спрашиваешь: Видишь ли ты в дзен лекарство для болезненных результатов обусловленности?

Я не вижу в дзен лекарства, потому что лекарство рано или поздно становится бесполезным. Когда ваша простуда кончилась, вы не носите с греческим аспирином!

Мукта держит их для каждого; она приняла ответственность. Будучи гречанкой, ей приходится носить греческий аспирин. И все знают — как только кому-то понадобится аспирин, надо разыскать Мукту.

Если дзен лекарство, то когда вы вылечились, что вам делать с дзен? Вам придется выбросить его или отдать «Клубу Львов». Но дзен не может быть выброшен, не может он и быть отдан «Клубу Львов». Прежде всего, там нет ни одного льва.

Дзен это сама ваша природа; Нет способа отбросить ее. Все, что вы можете сделать с дзен — это две вещи: вы можете вспомнить или забыть. Это единственная возможность. Если вы забываете свою природу, забываете о том, что вы будда... это единственный грех в мире дзен:

забывчивость.

Последние слова Гаутамы Будды на земле нужно запомнить: саммасати. Саммасата означает правильное вспоминание. Вся его жизнь сконденсирована в одном слове — вспоминание — как будто, умирая, он конденсирует все свое учение, все свои писания в одном слове. Никто не про-изнес более значительного слова, когда умирал. Его последнее послание, все его послание: саммасати — помни. И когда вы помните, нет пути отбросить вашу сознательность.

Дзен это не медитация. Дзен это именно саммасата — вспоминание своей окончательности, вспоминание своего бессмертия, вспоминание своей божественности, своей свя-щенности. Вы вспоминаете это, радуетесь этому и танцуете от радости того, что вы укоренены, так глубоко укоренены в существовании, что нет повода для вас, беспокоиться и волноваться.

Существование внутри вас и снаружи вас — единое целое.

Второй вопрос:

За всю историю человеческого сознания ты первый оказываешь величайшее уважение женщинам, и предоставляешь все возможности, вырасти в просветление. Но почему мастера дзен сознательно игнорировали женщин веками? Существует лишь несколько примеров женщин просветленных, но нет мастеров дзен!

Верно ли то, что женщина от природы не слишком заинтересована в росте своего сознания? Не

будешь ли ты так добр, включить этот большой вопрос прекрасной половины в твой Манифест дзен?

Вследствие несчастной случайности все религии нашли простой способ порабощения людей, и это было безбрачие. Либо вы принимаете безбрачие и идете в монастырь, либо, если вы не приняли безбрачия, в вас создана вина. Вы знаете, что не делаете того, что ожидается от вас. А внутри монастыря разница тоже невелика; они страдают от той же беды.

Сексуальность — это естественный феномен. Если бы религии приняли сексуальность как естественный феномен, так как вы принимаете дыхание, мир был бы совершенно иным; женщину уважали бы точно так же, как и мужчину. Вследствие этого вопроса о безбрачии религии настроили весь мир против женщин. Во-первых, принявший безбрачие должен был опасаться женщин. Это не меняет его сексуальности, он просто становится гомосексуальным.

Сейчас один из епископов Англии, который является третьим в иерархии... Есть возможность, что он скоро станет архиепископом; только один человек между ним и архиепископом. Он приходит с декларацией, что безбрачие означает лишь, что вы не должны вступать в любовные отношения с женщинами, оно не включает гомосексуализм. Грандиозная идея. Однако не он пионер и основатель новой истины — гомосексуализм рождался в монастырях всех религий. Так должно было произойти, если вы держите мужчин и женщин порознь. Тогда женщины становятся лесбиянками, а мужчины становятся гомосексуалистами.

Сейчас даже некоторые страны допускают гомосек-суальные браки и лесбийские браки. Они считают это очень прогрессивным шагом. Существуют тысячи лесбийских пар, соединенных церковью, но только в Америке. В этом году в Америке появится новый вид рождения: через искусственное оплодотворение, потому что эти женские лары, как бы они ни любили друг друга, как бы ни поедали друг друга, не могут создать ребенка. Но им доступны клиники, а мужчина — это не что иное, как впрыскивание!..

Существуют, к тому же, идиоты, которые пытаются найти какой-то способ рождения ребенка женщиной. Ведь если это продолжается, — а лесбийские пары продолжают существовать, и они могут иметь детей, — как же насчет гомосексуалистов? Бедняги!.. Должна быть изобретена

какая-то искусственная утроба, — она уже изобретена — и тогда гомосексуалисты могут тоже иметь детей. Тогда гетеросексуалы будут выглядеть очень традиционными, уста-релыми. Прогрессивные люди!..

Весь этот вздор произошел вследствие единственной нездоровой, больной идеи безбрачия. Поэтому религии стали бояться женщин, и монахи, которые следовали, стали бояться. Даже мужчина с отвагой Гаутамы Будды в продолжение двадцати лет не допускал к посвящению ни одной женщины. А когда, в конце концов, он допустил — ему пришлось допустить, потому что женщина, которая пришла просить у него посвящения, была не обычной женщиной.

Мать Гаутамы Будды умерла сразу же после того, как родила его. Эта женщина была младшей сестрой матери Гаутамы Будды. Она не вышла замуж, просто чтобы быть в состоянии заботиться об этом маленьком ребенке. Теперь эта женщина стояла перед ним, прося у него посвящения. Он отказывал ей двадцать лет непрерывно. В тот день он заколебался. Эта женщина принесла в жертву всю свою жизнь... без нее он мог бы не выжить. Она была больше чем мать для него, и он не смог отказать.

Благодаря этому импульсу он посвятил первую женщину, но с очень печальным объявлением. Он сказал десяти тысячам монахов, которые всегда двигались с ним:

«Моя религия должна была продлиться пять тысяч лет, Теперь, так как я начал посвящать женщин, она продлится только пятьсот лет!»

Таков страх — что женщина разрушительна, что если мужнины и женщины будут вместе, они забудут все про медитацию. Время от времени... и это очень естественно...

Медитация не естественна. Медитация — это нечто, с чем может справиться только очень развитое сознание. Но воспроизведение — все виды животных прекрасно обходятся без всякого руководства. Только человек нуждается в руко-водстве. Теперь идут большие дискуссии по всему миру о том, как обучать детей сексу. Странно, птицы не обучаются сексу, у животных нет никаких уроков, указаний.

Я слышал о маленьком мальчике, который нашел книжку «Как заниматься любовью». Читая инструкцию, он устроился на голове у маленькой девочки, потому что там говорилось: «Вы должны быть сверху девушки» — вот он и уселся на голову девушки. Он сказал: «Дальше ничего не го-ворится, а я не очень и наслаждаюсь».

И девочка сказала: «Я тоже не получаю удовольствия от этого. Слезай, у меня голова разболелась!»

Только человека требуется обучать сексу. Это и есть то, что сделали религии — они сделали секс чем-то зловещим. Они отгородили знание о нем Китайской стеной. И даже такой человек как Гаутама Будда, или Махавира, или другие мастера дзен, оставались удовлетворенными культурным про-граммированием. Культурным программированием было обя-зательное безбрачие.

Никто не соблюдает безбрачия; никто никогда не соблюдал. Ведь для безбрачия вам потребуется изменить всю вашу биологию, всю вашу психологию. Как вы можете это изменить? Вы даже не

знаете, что секс существует не в ваших гениталиях, он существует у вас в голове. Выключатель в вашем мозгу. Если изменение не произошло в этом месте, вы не можете соблюдать безбрачие. Как бы долго вы ни стояли на голове, это не приведет к переменам. Это просто делает его сильнее. Поэтому боязнь того, что женщина может привлечь мужчину и отвлечь его от медитации, от дисциплины, осудила женщину.

А почему ее не принимали? Потому что она не могла бы справиться с этим. Ее сексуальность более открыта, нежели сексуальность мужчины. Каждый месяц ей приходится проходить через определенный период, менструальный период. Она не может скрыть этого. Это показывает, что она не может соблюдать безбрачие.

Лишь недавно ученые пришли к выводу, что мужчины имеют месячные периоды точно так же как женщины. Если вы хотите проверить это, вы должны завести дневник, и постоянно записывать. Как только вы испытываете сексуальность, сделайте отметку, точку. И вы будете поражены, что есть несколько дней в каждом месяце, когда вы более сексуальны, чем в остальные дни. И это происходит в одни и те же дни каждый месяц — это и есть ваш менструальный период. Но ваш менструальный период не столь видим; он просто церебральный; ум дает больше сигналов.

Если вы ведете заметки, вы можете обнаружить это сами. Несколько дней вы вообще не интересуетесь сексом, фактически, он вам отвратителен. И если каждый мужчина и женщина заведет дневник, это будет очень полезно.

Не подходите к женщине в определенные дни. Не подходите к своему мужу в определенные дни — в такие дни он испытывает отвращение. В такие дни вы можете свободно послать его отдыхать в любое место... не беспокойтесь! В такие дни он не заинтересуется никакой женщиной. Фактически, такие дни отвращения создали все ваши религии. Все ваши религиозные философы, очевидно, имели больше менструальных периодов в месяце, чем имеют обычные, нормальные люди. Они, похоже, были сильно озабочены сексом. Обычные люди не так сильно озабочены.

Мое собственное понимание таково, что когда человек растет, в возрасте около четырнадцати лет он заинтересовывается сексом, и если ему позволено — без вины, без препятствия — прожить свой секс интенсивно, он успокоится к возрасту сорока двух лет. Но этого не происходит. Люди не успокаиваются даже в могиле. Они по-прежнему думают о женщинах.

Вы задумывались о том, чем люди занимаются в могилах? Если вы им сочувствуете, сделайте в могилах отверстия и постоянно подкладывайте в них журналы «Плейбой» или «Плейгерл», мертвые будут очень рады. Именно этим они заняты все время.

Было подсчитано, что раз в каждые три минуты мужчина думает о сексе. Каждые три минуты? можете завести дневник... вас может удивить то, что вы не средний. Вы можете думать четыре, пять раз — но это среднее. Каждая женщина думает один раз в семь минут. Такое несоответствие и вызывает все хлопоты. Когда вы думаете о сексе, она не думает о сексе.

В разумных обществах люди просто должны отмечать на доске: «Я готов». Если другой готов, он придет. Если он не готов, он зачеркнет: «Это неподходящее время для меня». Не понадобится никакой борьбы, не понадобится притворяться, что у вас болит голова, что вы слишком устали,

что работы слишком много. Просто уясните, что бывают моменты — и вы заинтересованы, а бывают моменты — и вы не заинтересованы. Ничего нельзя поделать с этим; нет способа изменить этот процесс.

Но эти люди нашли ключ к разгадке. Осуждая секс, вы можете поработить все человечество. Каждый становится грешником, каждый становится виновным. Каждый думает, что он неправильный. А на мой взгляд, я никогда не стал-кивался с неправильным человеком; каждый прав. Возможно, в тот момент для него правильно быть несчастным, бить тарелки, кричать. И вы знаете... каждый день в тара-барщине... Откуда приходит эта тарабарщина? Думаете, она приходит снаружи? Внезапно вы взрываетесь, вы высвобождаете ее. Она бродила внутри вас; вы предоставляете ей свободу. Запомните одну вещь: выбрасывайте свою тарабарщину и держите руки вверху, так, чтобы ничья другая тарабарщина не свалилась на вас.

Женщину не признавали, потому что она не может претендовать на безбрачие. Пока секс не признан естественным, женщины никогда не будут освобождены. Освобождение женщин — это признание секса естественным явлением. Ни мужчина не выше никоим образом, ни женщина не ниже; оба они являются естественными существами. Они разные, и они должны быть разными. Им нужно отстаивать свою собственную индивидуальность. Они не должны имитировать мужчин. Но вы видите, мужчина позволяет себе имитировать женщину, однако не позволяет женщинам имитировать себя.

Вам бы понравилось, если бы ваша жена отрастила бороду, усы? Только подумайте... ваша жена с усами. Боже мой!.. Без усов она так прекрасна. С усами она станет для вас невыносимой.

Но зачем вы бреете свои усы? Вы имитируете женщин. Мужчина без усов все равно, что мужчина без носа. Для меня непостижимо, зачем вы продолжаете имитировать.

Теперь женщины стараются имитировать. Они надевают такую же одежду, что и мужчины — голубые джинсы — они курят сигареты таким же способом, пускают кольца. И они думают, что это освобождение! Это не освобождение — это глупость!

Суть не обсуждалась интеллигенцией — ни мужчинами, ни женщинами. Суть в том, чтобы обращаться с сексом как с естественным явлением; принять его. Не создавать излишней суеты по поводу безбрачия. Все безбрачие это обман. И не надо делать безбрачие ступенькой к медитации; это не так - фактически любовь может быть ступенькой к медитации. И вот где я отличаюсь от всего человеческого прошлого.

Я хочу, чтобы любовь и медитация сплавились воедино.

Я хочу, чтобы мужчины и женщины вместе были просветленными, пробужденными. Нет различия в сознании. Все различия в коже, в костях, но не в вашей осознанности. Не бывает женской или мужской осознанности. А именно осознанность делает мужчину и женщину просветленными. Я открываю двери, которые были закрыты столетиями. Сутра:

Возлюбленный Ошо,

Однажды Танка говорил монахам, которые были с ним: «Вы все должны охранять свое существо, которое не создано и не сформировано вами. Так как могу я учить вас делать то или не делать

это?»

Дзен предпринимает потрясающие прыжки в неве-домое. Это выражение означает: «Как может кто-нибудь решить, что правильно, а что неправильно? Как может кто-нибудь решить, что нравственно, а что безнравственно?»

Все это социальный уклад.

Для всех в мире нравственно есть ночью — это без-нравственно для джайнов. Все это социальный уклад.

Вот что говорит Танка: «Мне не хочется говорить ни-чего несущественного, а все то, что сделано вами или решено вами, не существенно. Лишь одна вещь в вас существенна, та, которая не создана вами и не сформирована вами — это и есть само ваше существо. Вы должны всячески охранять свое основное существо». Охранять от кого? — от всех тех, кто навязывает вам несущественные вещи: «Вы — христианин, вы — индус, вы должны делать это, вы должны делать то».

Охраняйте свое основное существо. А определение основного существа таково: та ваша часть, которая не создана вами. Просто идите внутрь и посмотрите на центр своего существа, откуда излучается вся ваша жизнь. Он не создан вами, он не создан никем другим. Он существует по своим законам. Эта сущность и есть дзен. Все остальное — комментарий.

Его, очевидно, спрашивали о том, что реально, что нереально, что правильно, что ошибочно. И он, очевидно, отвечал: «Как могу я учить вас делать то или не делать это? Помните только одну вещь: это основное существо не изготовлено никем. И если вы можете помнить это, можете жить в свете этого, тогда все то, что вы делаете, правильно. Не требуется решать, что правильно и что ошибочно. И никакой морали вообще не потребуется».

Дзен абсолютно вне морали. Он предоставляет вам жить абсолютно свободно, в соответствии с вашим соб-ственным осознанием. Всякий раз, как ваша интуиция под-сказывает вам нечто, делайте это — даже если весь мир го-ворит, что это ошибка, это не ошибка. Живите в соот-ветствии со своим собственным светом, не в соответствии со светом других.

Есть многие, которые хотели бы продать вам лампу. Они есть повсюду. Продаются всевозможные лампы, однако никого не волнует то, что вы слепы — в лампе не много пользы. Единственная реальная вещь — это вывести ваш свет из бездействия к активности. Только этот свет будет опре-делять вашу жизнь, ваши поступки. И раз вы нашли этот свет, вы не обеспокоены ничем. Вы не чувствуете вины ни по какому поводу. Вы не размышляете над выбором: делать ли что-то или не делать; вы просто делаете все то, что представляется правильным. Правильный ответ исходит из правильного осознания; поэтому дзен и не имеет морали, но он обладает гораздо более высоким чувство сознания. Он не нуждается в морали.

Слепому человеку требуется посох, чтобы находить дорогу. Но если ваши глаза в порядке, вам не понадобится посох, он будет ненужной ношей.

Дзен дает вам глаза и отнимает все посохи. Он дает вам ваше внутреннее пробуждение и отнимает все мораль-ные понятия. Поэтому я и называю его величайшим восста-нием в мире. Он делает вас в первый раз свободным от общества, от коллектива, от масс, от религий; вы просто есть.

И существование выглядит гораздо более зеленым, когда ваши глаза открыты; оно выглядит более светлым более чудесным, более величественным, когда ваш внутрен-ний свет начинает распространяться по всему космосу.

«Однажды, когда я встретил Сэкито Ошо, он научил меня, что я должен просто охранять ее самостоятельно».

Танка вспоминает момент, когда Сэкито выбросил его из окна двухэтажного дома и прыгнул на него. Он получил множество переломов, но Сэкито не беспокоился. Тот сидел у него на груди и спрашивал: «Дошло до тебя?» И, похоже, до Танки дошло, потому что с той поры он никогда не задавал никаких вопросов. С той поры он сам положил начало небольшому монастырю, обучая так же, как Сэкито.

Он говорит - «Однажды, когда я встретил Сэкито Ошо, он научил меня, что я должен просто охранять ее самостоятельно». Нет необходимости ни в ком, чтобы охранять это, нет необходимости ни в ком, чтобы вести к этому, указывать это.

Вас достаточно самого по себе.

Пусть это будет заявлением Манифеста дзен:

Вас достаточно самого по себе.

Вы — это целая вселенная.

«Эта вещь не может быть высказана. У всех вас есть своя собственная циновка для задзен, о каком другом, дзен вы говорите?»

Циновка для задзен — это циновка, выдаваемая каждому ученику дзен для сидения. А задзен просто означает сидеть и не делать ничего. Вы просто сидите и ничего не делаете, и мало-помалу уличное движение в уме исчезает. Мало-помалу все смятение внутри вас успокаивается. В этот момент ученик возвращает циновку мастеру и кланяется. Ничего не говорится.

Когда вы идете к мастеру дзен, он просто выдает вам циновку для сидения: «Не беспокойте меня, потому что говорить нечего. Просто сидя молча, ты найдешь это. А когда ты нашел, пожалуйста, не забудь вернуть циновку, потому что придут и другие ученики».

Это случилось однажды, когда Ринзай стал просветленным... И вместо того, чтобы вернуть циновку, он свернул ее и стал прокрадываться к двери. Мастер сказал:

«Эй, Ринзай! Неси циновку назад. Негоже просветленному человеку воровать циновку у бедного мастера»,

Ринзай сказал: «Я подумал, что я стал просветленным, и кто-то придет ко мне, и я должен буду

снабдить его циновкой. Тогда для начала... однако, вы такой дотошный парень, вы не оставите мне даже циновки...»

Ринзаю пришлось отдать циновку назад и коснуться стоп мастера. И тогда мастер дал ему много циновок.

Он сказал: «Не беспокойся, но не надо воровать. Так делать негоже. Когда ты стал буддой, то воровать не подобает. До того, как ты стал буддой, ты можешь делать что угодно».

Поэтому я хочу, чтобы вы осознали. Все, что вы хотите сделать, делайте быстро, потому что скоро вы станете буддами. И потом не дергайте меня: «Я забыл сделать это, что теперь делать?» Я за это не отвечаю.

У меня нет даже циновок. Вы должны принести свою собственную циновку. Тогда даже если вы ее заберете, проблемы нет.

«Эта вещь не может быть высказана. У всех вас есть своя собственная циновка для задзен; о каком другом дзен вы говорите?»

Задзен это и есть дзен. Сидя молча, ничего не делая, взрыв приходит к вам. Ваша собственная природа расцветает, ваша суть будды приходит к своему окончательному пику.

«Вам следует понять это. Нет ничего, что становится буддой. Не продолжайте просто слушать имя будды, вы сами должны увидеть, что полезные средства и четыре бесконечные добродетели не снаружи, не носите их в своем уме.

Чему вы хотите следовать? Не используйте сутры.

Оставьте пустоту, не впадая в нее.

Искатели нынешнего дня разыскивают Дао хаотически. Здесь, в этом месте, нет ни пути, которому можно было бы учиться, ни дхармы, которую можно было бы показать».

Танка один из самых значительных мастеров дзен. Он не будет беспокоиться ни о чем существенном — что уж говорить о несущественном. Ни сутр, ни философий, просто циновка для задзен. В этой циновке для задзен содержится все. Просто садитесь и смотрите внутрь. Вы не должны следовать никому, вы не должны повторять никакую сутру.

Вам даже не нужно помнить ничего вне вас. Просто будьте колонной воспоминания: саммасати.

Вы не собираетесь стать буддами; вы есть будды, вы просто не принимаете этого... однажды вы принимаете.

Люди пишут мне письма: «Когда я перед тобой, мне кажется, что я на самом деле будда. Но когда я выхожу и вижу повозки рикш, я совсем забываю про будду и начинаю торговаться о цене».

«В твоём присутствии, — писали мне люди, — мы чувствуем совершенство». Вы и есть совершенство. Просто в моем присутствии вы начинаете осознавать это. Поскольку я

продолжаю вбивать вам в голову, что вы будда, в конце концов, просто уставая, вы соглашаетесь: «Ладно, я будда». Но за воротами вы думаете, что время еще есть, вам можно сходить в кино.

Будды не ходят в кино.

Однажды случилось так...

Один друг отвозил меня в Бомбей, и просто шутки ради он остановил свой автомобиль и спросил у меня: «Не хотите ли зайти в бистро?»

Я ответил: «Превосходно».

Он действительно не ожидал такого... он испугался. Он вымолвил: «Нет-нет, я просто...»

Я сказал: «Нет. Идемте за мной».

Бедняге пришлось пойти. А когда меня увидели, многие люди узнали меня. Обнаженная девушка, которая танцевала, коснулась моих стоп. Я сказал: «Не прекращайте танец».

Управляющий вышел со специальным сиденьем, чтобы усадить меня. Он спросил: «Что я могу сделать?»

Я сказал: «Зачем поднимать столько суеты по этому поводу? Я просто обычный будда. Принесите мороженое».

Мой друг потел под кондиционером. Когда мы вышли, он сказал: «Я больше никуда не повезу вас».

Я сказал: «Не я начинал шутку. Вы спросили меня, а когда я делаю что-нибудь, я делаю это полностью».

Позже он говорил мне, что все осуждали его за то, что он водил меня в такие места. Я сказал: «Есть еще такие места? Время от времени водите меня в такие места — из-за того, что будды не посещали... это стало традиционным. Мы должны отбросить традицию».

Мои будды собираются посещать бистро, дискотеки, и они собираются заниматься всевозможными вещами. А вам нет нужды тревожиться. Вот в этом и состоит ваша тревога:

то, что вы не можете делать обе вещи — не можете танцевать на дискотеке и быть буддой.

Я говорю вам, танцуете вы или нет, вы будда. Вы можете весело отплясывать на дискотеке и все же не лишиться своей сути будды. Вы не можете утратить ее; нет способа утратить ее.

Танка прав. Для человека осознания все существование есть дхарма, все существование — «Даже единственные глоток или единственный кусочек обладает своей собственной истиной».

Человек, который приходит домой, не нищий. Это было в прошлом. Я хочу изменить это полностью.

Дзен предпринял несколько шагов, но нерешительно. Я говорю вам, хотите вы того или нет, вы есть будда, вы не собираетесь стать буддой. Это сама ваша сущность. И раз это признано, вся жизнь становится священной, ничего не отрицается. Это и есть новый человек, которого я хочу представить миру — новый будда. Этот манифест для новых будд.

Юко написал небольшое хайку, но пусть оно погрузится глубоко в вас.

Заглушая блеск звезд, — ночной дождь.

Он, очевидно, сидел в своей маленькой лачуге, любясь блеском ночных звезд — и тут вдруг... ночной дождь приглушил весь блеск звезд. Зачем он написал это?

В этом содержится целый манифест.

Звезды там, они сияют; дождь приходит, облака приходят, и звезды исчезают, но они по-прежнему там. Облака или дождь не могут убрать их.

Ваша суть будды — это просто ваш внутренний блеск, ваше внутреннее свечение. Придет ли дождь или облака, но все это проходит. Ваше внутреннее остается незатронутым. Ваш блеск — не блеск звезд, который можно убрать или который можно стереть хотя бы на мгновение. Ваш блеск и ваше молчание так глубоко коренятся в вас, что нет способа избежать его.

Вы избегаете... Каждый старался избежать будды, но вы не преуспеваете, уверяю вас. Рано или поздно вам надоест прятаться, бегать от самого себя. Рано или поздно вы усядетесь — на циновку для задзен или без циновки — тихо, умиротворенно и вдруг — взрыв. А это и есть то, что вы искали все свои многие жизни.

Вопрос Маниши:

Возлюбленный Ошо,

Есть ли какая-нибудь истина в том, что заявляет Алан Уотс, когда он пишет:

«Нельзя забывать о социальном контексте дзен. Это первостепенный путь освобождения для тех, кто изучил дисциплины социальной конвенции, обусловливания индивидуума группой».

Маниша, в этом нет истины. Алан Уотс один из значительных людей, которые представили дзен Западу. Но они проводили его интеллектуально, сами они не были людьми дзен.

Он продолжает говорить, что дзен должен быть специфически противопоставлен контексту конфуцианства со своим акцентом на надлежащее, на ритуал.

Это абсурд. Дзен восстает против конфуцианства. Нет необходимости думать о нем в контексте конфуцианства.

Конфуцианство — это интеллектуальный подход к миру, логический подход. Конфуций то же самое для Востока, что Аристотель для Запада, но дзен против логики. Дзен включает противоречия.

Дзен нужно переживать сам по себе. Контекст не требуется.

Наоборот, Алан Уотс говорит снова: «Дзен мог бы быть очень опасным лекарством, в социальном, контексте, где конвенция ослаблена, или в другой крайности, где дух, открытый восстанию против конвенции, готов эксплуатировать дзен для разрушительных целей».

Как я говорил вам уже, Алан Уотс остается хри-стианином. И с христианской точки зрения он продолжает размышлять о дзен: «Каковы будут его последствия, если социальный уклад очень слаб в каком-то месте? Дзен может быть разрушительным».

Он боится. Сначала социальный уклад должен быть укреплен. Дзен, согласно ему, для очень зрелых людей, иначе он может привести к распуценности. Но это его соб-ственный страх; он сам стал распуценной личностью.

Это не верно. Если дзен освобождает вас, вы не можете впасть в безответственность; это невозможно, даже если ваш социальный уклад слаб, не силен достаточно. Он беспокоится, что это может быть «опасным лекарством в социальном контексте, где конвенция ослаблена». Нет, это вообще не лекарство. И, во-вторых, там, где конвенция ослаблена, для дзен легче цвести. Это прочная конвенция преграждает путь дзен.

Он, к тому же, опасается: «в другой крайности, где дух, открытый восстанию против конвенции, готов эксплуатировать дзен для разрушительных целей».

Нет возможности эксплуатировать дзен, потому что дзен не только восстание, по сути, это молчание, по сути, это безмолвие. В сущности, это раскрытие вашего сознания. В этом раскрытии вашей скрытой, дремлющей сути будды, нет риска, что вы станете, опасны для общества, что вы можете стать проклятием общества. Это невозможно просто потому, что дзен умиротворяет вас, успокаивает вас.

Это совсем другая революция. Алан УОТС не может размышлять об этом. Его беспокоит, что коммунист, который против общества, может воспользоваться дзен, но восполь-зоваться дзен нелегко. Коммунист, изучая дзен, будет стано-виться тихим; его революция будет становиться ответ-ственной, у нее будет больше измерений и больше це-лостности, и в обществе прибавится блаженства. Дзен невоз-можно эксплуатировать никаким путем.

Но страх — это то, что от христианина. Все религии будут бояться одним и тем же образом. Но дзен, где бы он ни существовал, всегда приносил мир, любовь, радость. Чего нельзя сказать о христианстве, хоть Иисус и говорит о любви.

Я сказал Анандо, который сидел рядом со мной, когда мы смотрели фильм про Иисуса, где он говорит: «Не думайте, что я принес покой миру, я принес меч»... Этим мечом воспользовалось христианство. Христиане убили боль-ше людей, чем любая другая религия. И Алан УОТС, кажется, не осознает преступлений христианства. Дзен ни в единой ситуации не был проклятием для человека. Он всегда был благословением, потому что он исходит от вашего блажен-ства, он исходит от вашего смеха.

Он приводит меня к моменту Сардара Гурудаяла Сингха...

Два часа ночи, воскресенье, маленький греческий остров Крит. Рядом с доктором Сиффолисом раздаётся звонок.

— Ах, доктор! — раздаётся каркающий голос старой миссис Хеллювамесс. — Я больна! А мне нужно идти сегодня в церковь епископа Кретина на службу. Дайте мне что-нибудь от головной боли!

Доктор Сиффолис выползает из своей кровати и отправляется к соседнему дому, чтобы дать старой леди аспирину.

— Теперь замолчите и идите спать — вы, старая ипохондричка! — кричит доктор Сиффолис, и возвращается в кровать.

Через час телефон звонит снова.

— Ах, доктор! — сопит миссис Хеллювамесс. — Дайте мне что-нибудь от желудочных колик!

Сиффолис вытаскивает себя из кровати и несёт старой леди бутылку сока чернослива.

— Теперь идите спать! — говорит доктор. — И оставьте меня в покое!

Но через полчаса в его дверь колотят.

— Ах, доктор! — причитает старая леди. — Вы не дадите мне чего-нибудь мочегонного?

— Убирайтесь вы, язва! — кричит Сиффолис. — Дайте мне хоть немного покоя!

У двери раздаётся приглушённый стон, глухой стук, а затем тишина. Обеспокоенный тишиной, доктор Сиффолис встает и идет узнать, в чем дело. Так и есть, у соседнего дома мертвое, как мамонт, лежит тело старой миссис Хеллювамесс. Но едва доктор спускается, чтобы затащить ее тело внутрь, как с ним случается сердечный приступ, он теряет сознание и падает замертво.

Два дня спустя епископ Кретин ведет двойную похоронную процессию на маленькое кладбище Святой Православной Церкви Благословенной Кровоточащей Девы. Вместе со старой миссис Метакса, последним оставшимся членом его преданной паствы, епископ хоронит тела старой миссис Хеллювамесс и доктора Сиффолиса, бок о бок.

Этой же ночью, в шести футах под землей на церковном кладбище, раздаётся внезапный стук в стенку гроба доктора Сиффолиса.

— Проклятие! — кричит доктор. — Что же на этот раз?

— Ах, доктор! — каркает старуха. — Дайте мне что-нибудь от глистов! (англ. worms, может также значить «от червей»).

Мальш Альберт курсирует по дому в пижаме, разыскивая, откуда исходит шум. И вот он решает войти в комнату своей шестилетней сестрички.

— Эй, Сьюзи! — кричит Альберт, стучась в дверь ее спальни. — Что случилось, малышка?

— Тебе нельзя входить! — орет Сьюзи. — Я в ночной сорочке, а мамочка говорит, что мальчишкам неприлично смотреть на девочек в ночных сорочках.

— Ладно, — говорит малыш Альберт, уходя. — Дело твое.

Через несколько секунд Сьюзи зовет:

— Теперь можешь войти. Я сняла ее.

Отец Фамини, христианский католик, совершает миссионерский тур по всем своим пунктам в Африке. Он прибывает на маленький форпост в Огабоге, где вождь Бонга, деревенский лидер, с гордостью демонстрирует старому миссионеру окрестности.

— Скажи мне, — спрашивает отец Фамини, — считаешь ли ты, что наша католическая христианская религия прогрессирует здесь, в вашей деревне?

— Я совершенно уверен в этом, — отвечает вождь Бонга с энтузиазмом. — Теперь мы едим по пятницам только рыбаков!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны...

Закройте глаза... и почувствуйте свои тела совершенно застывшими.

Это подходящий момент, чтобы войти внутрь. Соберите все свои энергии, свое тотальное сознание и устремитесь к центру своего существа, который точно в двух дюймах ниже пупка, внутри вас.

Глубокая настоятельность необходима для достижения — как будто это ваш последний момент. Быстрее и быстрее... Глубже и глубже...

Как только вы начинаете приближаться к центру своего существа, великое безмолвие нисходит на вас, и великий свет наполняет все ваше существо — свет без источника. Вы и есть этот свет. Другое название для этого света — будда. Расслабьтесь в этом свете, свидетельствуйте три вещи: первое — вы не это тело; второе — вы не этот ум; третье — вы есть только это свидетельствующее сознание.

Ниведано...

Расслабьтесь...

Позвольте...

Растайте, в точности как лед тает в океане.

Чистое сознание наполняет аудиторию Гаутамы Будды.

Все деления утрачиваются. Вам легко с существованием.

Эта непринужденность с существованием продолжает

возрастать до того момента, пока она не становится

постоянным осознанием двадцать четыре часа,

бодрствуете вы или спите.

Цветы осыпают вас, благословения всего существования.

Существование всегда радуется в медитирующем, потому что

медитирующий приводит существование к его

окончательному выражению и к его окончательной красоте.

В этот момент вы есть будда — и всегда им были. Вот три

шага, которые помогут вам вспомнить.

Первый шаг: будда приходит к вам как тень, следуя за вами.

Второй шаг: вы становитесь тенью, следуя за буддой.

И третий шаг: даже как тень вы исчезаете в будде. Вы

становитесь просто чистым светом, осознанием,

бесконечным и вечным.

Вы всегда были этим, только позабыли.

Вспомните — саммасати.

Ниведано...

Возвращайтесь, но возвращайтесь с осознанием.

Возвращайтесь, следуя за буддой.

Посидите несколько мгновений молча, просто вспомните, в каком пространстве вы побывали, какую красоту вы пережили, какую тишину, какое великолепие, потому что это и есть ваше основное существо.

Все, кроме этого, будет отнято у вас. Но ваше основное существо не может отнять даже смерть.

И мы здесь лишь для того, чтобы узнать то, что не может быть разрушено даже смертью — бессмертное, вечное.

Это только вопрос вспоминания;

забытый язык вспомнился снова.

И продолжайте вспоминание весь день напролет.

Поступайте так, как поступает сознательный человек.

Делайте обычные вещи: рубя дрова илинося воду из колодца, делайте это, как будто это делает сам Будда.

И то, что я говорю вам, не философское утверждение, это переживание тысяч будд.

Найти существенное в вас — вот Манифест дзен.

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Возлюбленный Ошо,

Однажды Хоте-цзы — ученик Ма-цзы — и Танка Теннен совершали дзенское странствие, посещая разных мастеров дзен, чтобы задать вопросы. Как-то Хоте-цзы увидал, в пруду рыб и указал на них жестом.

Танка сказал: «Теннен».

На следующий день Хоте-цзы спросил Танку: «Что означает то, что ты сказал вчера?»

Танка бросился наземь и лег лицом вниз.

В свой последний день Танка сказал своим, ученикам:

«Подготовьте мне ванну — я ухожу».

Потом он надел свою соломенную шляпу, взял в руку трость, обул сандалии и шагнул вперед.

Но прежде чем его нога коснулась земли, он умер.

НЕБО ЗАВЕРШЕНИЯ

4 АПРЕЛЯ 1989 ГОДА аудитория Гаутамы Будды, Пуна, ИНДИЯ

Друзья, Сначала несколько вопросов. Кто-то спросил:

Я слышал, ты говоришь, что мы иногда носим раны других людей. Что это означает? Являются ли раны других людей просто их мыслеобразом, который мы усваиваем? Если мы можем так легко принять чью-то рану, тогда почему так трудно принять нашу собственную суть будды?

Это очень сложный вопрос, но если вы готовы понять, я согласен ответить. Каждый несет раны других людей. Во-первых, вы живете в больном обществе, где люди раздражены, полны ненависти, они получают удовольствие, причиняя боль — таков поверхностный уровень, который можно понять легко. Но есть тонкие уровни, есть так называемые религиозные святые, которые создают в вас чувство вины, которые приговаривают вас быть грешником. Они дают вам идею, которая будет создавать страдание вокруг вас.

И чем более стара идея, тем легче люди ее принимают. Во всем мире каждый говорит «Мы живем в грехе... все эти люди не могут ошибаться». Я один заявляю вам, что вы избрали жить в страдании; это ваш выбор. Вы можете отбросить его немедленно и танцевать от радости и блаженства.

Но рана глубока. И человек быстро привыкает к своему страданию. Он цепляется за него, как будто оно приносит определенный уют, но оно дает вам только адскую жизнь. Зато ваш ад поддерживает каждый. Если вы несчастны, каждый сочувствует вам. Вы когда-либо вникали в суть дела? Когда вы несчастны, те, кто сочувствует вам, питают ваше страдание. Вы когда-нибудь видели, чтобы кого-то вам сочувствовал, когда вы танцуете от радости? Когда вы счастливы, люди завидуют, не сочувствуют.

На мой взгляд, вся основа жизни должна быть изменена. Люди должны сочувствовать, только когда бывает: наслаждение, радость, удовольствие, потому что своим сочувствием вы питаете

их. Питайте радость людей, не питайте печаль и страдание. Будьте сострадательны, когда они несчастны. Пусть вам будет ясно — это страдание выбрано вами.

На более глубоком уровне... возможно, спрашивавший и не просил меня идти настолько глубоко, но ответ будет оставаться неполным, если я не пойду достаточно глубоко.

Сама идея реинкарнации, которая возникла во всех восточных религиях, заключается в том, что личностная суть продолжает переходить от одного тела к другому, от одной жизни к другой. Этой идеи не существует в религиях, которые произошли из иудаизма, христианства и ислама. Но теперь даже психиатры находят, что она оказывается подлинной. Люди могут вспоминать свои прошлые жизни;

идея реинкарнации обретает почву.

Но я хочу сказать вам одно: вся идея реинкарнации есть ошибочное представление. Верно то, что когда человек умирает, его сущность становится частью целого. Был ли он грешником или святым, не имеет значения, но у него было нечто, называемое умом, памятью. В прошлом не было достаточно информации, чтобы объяснить память как сочетание мыслей и волн мозга, но теперь это легче. Именно в этом Гаутама Будда во многих отношениях оказался далеко впереди своего времени. Он был единственным человеком, который согласился бы с моим объяснением. Он дал намеки, но он не смог привести никакого доказательства этому. Он говорил, что когда человек умирает, его память путешествует в новую утробу, но не личность. И мы теперь можем понять, что когда вы умираете, вы оставляете воспоминания повсюду вокруг себя. И если вы были несчастны, все ваши страдания займут некое месторасположение; они войдут в какую-то другую систему памяти. Или они войдут целиком в одну утробу — именно так кто-то вспоминает свое прошлое. Это не ваше прошлое; это был чей-то еще ум, который вы унаследовали.

Большинство людей не вспоминает, потому что они не получили полностью всего наследия отдельной индивидуальной системы памяти. Может быть, они уловили разрозненные фрагменты, которые создают систему несчастья. Все те, которые умерли на земле, умерли в страдании. Очень немногие люди умерли в радости. Очень немногие люди умерли с осознанием не-ума. Они не оставляют следа позади. Они не обременяют никого другого своей памятью. Они просто рассеиваются во вселенной, у них нет никакого ума, и у них нет никакой системы памяти. Они уже растворили ее в своих медитациях. Вот почему просветленный никогда не рождается снова.

Но непросветленные люди продолжают отбрасывать, с каждой смертью, всевозможные модели страдания. Точно так же, как и богатство привлекает большее богатство, так и страдание привлекает большее страдание. Если вы несчастны, тогда вы привлекаете несчастья даже издалека — вы подходящий проводник. И это явление невидимо, подобно радиоволнам. Они путешествуют вокруг вас; вы не слышите их. Если у вас есть подходящий инструмент для их приема, они немедленно становятся доступны. Они существовали рядом с вами даже до изобретения радио.

Перевоплощения нет, но страдание продолжает воплощаться. Раны миллионов людей движутся вокруг вас, просто в поисках кого-то, кто согласен быть несчастным. Конечно, счастливый не оставляет никакого следа. Пробужденный человек умирает так же, как птица странствует в

небе — не оставляя следов или тропы. Небо остается пустым. Блаженство движется, не оставляя никакого следа. Вот почему вы не получаете никакого наследства от будд;

они просто исчезают. А всевозможные идиоты и отсталые люди продолжают перевоплощаться в своей памяти, и она становится с каждым днем все плотнее и плотнее.

Сегодня это стало достаточно осязаемым, чтобы быть понятым и рассеянным; в противном случае оно было бы слишком плотным, чтобы позволить вам жить, позволить вам смеяться.

Ваше собственное сознание не имеет ран. Ваше собственное сознание не знает ничего о страданиях.

Ваше собственное сознание невинно, совершенно счастливо. Если вы хотите прикоснуться к своему собственному сознанию, нужно предпринять все усилия для того, чтобы отделить себя от ума. Ум содержит все ваше страдание, все ваши раны. И он продолжает создавать раны таким образом, что пока вы не осознаете, вы даже не обнаружите, как он создает их.

Как раз сегодня Анандо рассказал мне, что Зарин обычно бывала очень счастлива, когда приходила в ашрам из своего дома. Видя красоту, свободу и радость коммуны, она, в конце концов, переселилась, сделала революционный шаг в своей жизни — оставила дом и стала частью коммуны. Однако с тех пор ее не видели такой радостной.

Я сказал: «Анандо, объясни Зарин, что произошло; если ты осознаешь — ты ясно поймешь все».

Она обычно приходила в коммуну из своего дома, который был темным, гнетущим и несчастным. В свободном открытом небе была радость. Но с тех пор, как она переселилась в коммуну... глубоко внутри ум сделал коммуну ее домом. И все страдание ее дома начало извергаться, а теперь ей некуда идти. Когда она поймет это — то, что страдание создано представлением, которое она носила, и хоть она переменила место, она не переменила представление... Время от времени такая идея должна приходиться к ней: «Лучше пойти домой». Но это не вызовет никакой перемены. Во-первых, дом станет еще темнее, еще несчастнее, а муж будет выглядеть еще более чужим, чем был когда-либо. Но одна вещь будет хорошей: тогда она может прийти в коммуну и быть счастливой.

Но почему бы тебе просто не понять суть и быть счастливой везде, где бы ты ни была? И возвращение домой зависит не только от тебя. Насколько я знаю, твой муж не собирается принимать тебя назад. Он сказал об этом одному саньясину.

Не храните прошлое, сжигающее вас. Вы пришли в открытое пространство, теперь учитесь путям свободы, любви и дружбы. У всех вас есть эта способность; вопрос не в том, чтобы быть несчастными по какой-нибудь причине. Нет веской причины, чтобы сделать кого-то несчастным фактически, нам приходится искать вескую причину, чтобы быть несчастными. Иначе люди будут спрашивать: «Вы спятили? Безо всякой причины — и вы несчастны?» Поэтому кое-как вы продолжаете изобретать причины. Но помните, это всего лишь изобретенные причины. Никто не спрашивает вас, когда вы счастливы: «Почему вы счастливы?» Не бывает причины, чтобы быть счастливыми. Счастье наша природа. Чтобы быть радостным, не нужно ни основания, ни причины.

Эта коммуна должна быть коммуной понимания, осознания, наблюдения за моделями своего поведения, осознания того, что они не ваши. Вы просто наблюдатель, а наблюдатель — вне ума.

Я учу вас наблюдателю.

Единственный способ отбросить стереотипы несчастья — старые или новые — это свидетельство. Я говорю, что это единственный путь, потому что никому не удавалось вырваться из ума, не став свидетелем. Просто свидетель-ствуйте, и внезапно вы рассмеетесь над своим собственным несчастьем. Все наши несчастья так поверхностны — и самое главное, все они заимствованы.

И каждый передает свое страдание любому, с кем входит в контакт. Люди говорят непрерывно о своих несчастьях, о своих бедах, о своих конфликтах. Слышали ли вы когда-либо, как кто-нибудь рассказывает о своих радостных мгновениях? О своих танцах и песнях? О своей тишине и блаженстве? Нет, никто не говорит об этих вещах. Люди продолжают делиться всеми своими ранами, а всякий раз, как вы говорите о своем несчастье кому-то, сами того не ведая, вы передаете модель несчастья. Человек может думать, что он лишь выслушивает вас, но он в то же время подхватывает вибрацию страдания, раны.

Когда я говорил, что вы носите раны других людей, мое утверждение означало то, что ваше собственное сознание не имеет ран. Если каждый станет бдительным, медитативным, в мире не будет ран. Они попросту исчезнут. Они не найдут для себя жилища, укрытия. Это возможно. Если это возможно для меня, это возможно для каждого.

И в своем вопросе ты также спрашиваешь, почему мы можем так легко принять чью-то рану, и почему так трудно принять нашу собственную суть будды.

Ты можешь принимать чьи-то раны, потому что у тебя тоже есть раны. Ты понимаешь язык ран, несчастий, страданий.

И ты спрашиваешь, почему мы не можем принять идею о том, что каждый из нас будда.

Во-первых, вы редко сталкиваетесь с буддой. Очень редко будда существует в мире, поэтому даже если вы встретите его, вы не поймете его языка. Самое вероятное, вы неверно поймете его. Вы знаете страдание, а он говорит о блаженстве. Вы знаете раны, а он говорит о вечном здоровье. Вы знаете только смерть, а он говорит о вечности.

Во-первых, трудно найти Будду. Во-вторых, трудно понять его язык, потому что это не ваш язык. Иначе это должно быть простейшей вещью в мире — понять свою суть будды. Это же так очевидно. Само ваше существо уже будда, но вы забыли путь к своему внутреннему существу. Вы путешествовали долго многими путями, но все они вели наружу. И мало-помалу вы забыли, что есть небольшое пространство внутри вас, которое вы не исследовали.

Медитация — не что иное, как исследование вашего забытого внутреннего пространства. Это небольшое пространство внезапно напомнит вам, что вы будда. И пока это не станет памятью внутри вас, то, что вы будда... Это не концепция. Никто не может убедить вас, что вы будда... вы не можете быть никем иным.

Если вы просто входите, само переживание внутреннего пространства взрывается узнаванием и воспоминанием своей сути будды. Это не философия. Это экзистенциальный опыт.

Второй вопрос:

Как соотносятся Зорба и дзен?

Все прошлое человечества старалось удержать их разделенными, и это было неудачным экспериментом. Зорба оставался незавершенным, лишь поверхностным. И дзен оставался незавершенным; это только внутренний мир, а внешний упускается. Мой Манифест дзен в том, что Зорба и дзен не антагонистичны друг другу. Зорба может слиться с дзен, и только тогда они оба будут полны.

Человек, который жил снаружи, жил очень поверх-ностно, а человек, который не знает ничего о внутреннем — ничего не знает об экзистенциальном, о вечном. И, с другой стороны, человек, который знает нечто о внутреннем, начи-нает думать, что внешнее иллюзорно.

Ничто не иллюзорно.

Внешнее и внутреннее — часть одного существования.

Я хочу, чтобы Зорбы были буддами, и наоборот. И пока это не станет возможным, будд будет немного, также немного будет и Зорб. В завершенности Зорбы и дзен потрясающее качество приходит в вашу жизнь: вы наслаждаетесь каждым мгновением внешнего мира, каждым цветком внешнего мира. И вы наслаждаетесь одновременно внутренней свободой, внутренней радостью, внутренним опьянением. Нет вопроса о каком-либо разделении. Но чело-вечество жило в разделении, и это было катастрофой.

Пора Зорбе начать медитировать, медитирующим пора перестать бежать от мира. Они должны выйти в мир со всем своим соком, со всем своим экстазом... поделиться.

Казалось бы, понять это очень трудно, потому что все мировые традиции противоречат этому.

Но я не вижу никакого затруднения.

В себе я соединил Зорбу и дзен вместе; поэтому я не вижу никакого затруднения. Я в мире, и все же я не от мира.

Я радуюсь птицам, цветам, деревьям.

Я радуюсь себе, своей тишине, и я не вижу никакой разницы. Внутреннее и внешнее постепенно слилось в одно целое. И пока ваше внутреннее и внешнее не станут единым, вы останетесь не завершены — а незавершенность это несчастье.

Только в завершении бывает блаженство. Только в завершении вы приходите домой. Вы приходите к существованию без всякого конфлик-та, в потрясающей легкости, раскованности.

Зорба в прошлом был напряжен, и беспокоился о том, что, возможно, он неправильный человек. И человек дзен был в напряжении, из-за того, что ему нужно избегать этого, нужно избегать того

— что он должен стать затворником далеко в горах. Однако сама боязнь мира показывает ваше неверное понимание.

Мира не нужно бояться, его нужно любить.

Мы и есть мир.

Суть не в бегстве от чего-нибудь. Каждое мгновение всем нужно наслаждаться без всякой вины, без всякого ограждения. Но все религии были против этого.

Я провозглашаю этим Манифестом совершенно новое небо для религиозного сознания: небо завершения, соединения внутреннего и внешнего, материального и духовного, Зорбы и будды.

Третий вопрос:

Я так понимаю, слушая тебя, что хотя Махавира и Будда были просветленными, они все же сохраняли кое-что от своей индуистской обусловленности, которая окрашивала их выражение истины.

В проводимых здесь терапиях, в своих лекциях — очищаешь ли ты наши умы от всей обусловленности, чтобы мы проявились как будды, которые абсолютно свободны от обусловленностей?

К несчастью, это верно, что даже Будда или Махавира оставались внутри обусловленности своей социальной структуры. Таков изъян в их просветлении. Оно не настолько высоко, как могло бы быть; какой-то груз продолжает тянуть их вниз.

Моё усилие здесь в том, чтобы разрушить всю обусловленность: индуистскую, мусульманскую, христианскую, еврейскую... Не имеет значения, какого рода обусловленность вы носите, я хочу, чтобы вы отбросили ее. Это тяжесть.

А через все терапии я стараюсь сделать нечто другое, чего Запад еще не понял. Через терапии они пытаются привести вас к человеческой норме. Их психоанализы приводят людей к тому, что они называют здоровьем.

Мои терапии здесь и все используемые психоаналитические методы имеют другую цель. Они предназначены не для того, чтобы сделать вас нормальными, средними, так называемыми здоровыми людьми — а для того, чтобы очистить вас от всех ловушек, всех теорий, всех религий, всех видов обусловленности... Все эти терапии депрограммируют вас и оставляют вас свободными от всякой программы.

Негативная часть выполняется терапиями — они разрушают вашу программу. А позитивную часть продельвает медитация. Когда ваш ум депрограммируется, возникает опасность, поскольку вы привыкли жить согласно модели, стилю жизни. Если у вас его отнять, немедленно произойдет прыжок в другой стиль жизни, в другую тюрьму. Вы не можете жить сами по себе.

Терапии проделывают негативную часть, а медитация дает вам радость жизни в свободе,

радость жизни в осознании — не в соответствии с каким-нибудь писанием или с кем-либо другим, но в соответствии с вашим собственным светом.

В тот день, когда вы начинаете жить в согласии со своим собственным светом, ваша сущность становится гораздо более завершённой, чем даже сущность самого Гаутамы Будды. Его заслуга в том, что он был первым. Он начал процесс, но в начале, быть может, было невозможно проделать его полностью. Сейчас, двадцать пять столетий спустя, возможно завершить процесс Гаутамы Будды и не создавать будд в противоположность Зорбам, а трансформировать Зорбу в будду, сделать Зорбу основой храма будды.

Человек не должен быть разделённым, человеку должна быть дана тотальная свобода быть самим собой. Но это возможно лишь, если сначала терапии очистят вас от всего мусора, который общество навязало вам, и затем медитация проводит вас внутрь, чтобы вам не пришлось заглядывать ни в какое писание для руководства.

Это писание внутри вас.

И вы не должны заимствовать свет, свет всегда горит внутри вас — внутреннее пламя. Если вы однажды нашли свое внутреннее пламя, вы нашли всю вселенную в ее завершённости.

Вы — завершённый человек.

Новый человек должен быть завершённым человеком.

Небольшое биографическое примечание:

Когда Танке было восемьдесят лет, он отправился на гору Танка и построил хижину, которая привлекала сотни искателей. За три года вырос большой монастырь.

Сутра:

Возлюбленный Ошо,

Однажды Хоте-цзы — ученик Ма-цзы — и Танка Теннен совершали дзенское странствие, посещая разных мастеров дзен, чтобы задать вопросы.

Это часть мира дзен — даже мастера продолжают путешествовать по разным монастырям, чтобы задавать вопросы. Вопросы задают во всем мире, но не таким образом, как это делается в дзен.

Мастера, которые достигли, которые знают ответ, просто забавы ради продолжают путешествовать от монастыря к монастырю, чтобы задать вопросы и посмотреть, не является ли тот или иной мастер всего лишь притворщиком. И из их вопросов возникла вся красота традиции: мастера делают друг другу подножку и, обнаружив, что оба знают это, радуются, словно дети, танцующие на берегу.

Хоте-цзы — ученик Ма-цзы — и Танка Теннен совершали такое путешествие, чтобы задать мастерам дзен вопросы, в то время как оба они уже были просветлёнными.

Как-то Хоте-цзы увидел в пруду рыбу и указал на нее жестом. Танка сказал: «Теннен».

Это имя, «теннен», было дано Танке потому, что он был одним из самых естественных, простых, невинных людей.

Когда Хоте-цзы увидел рыбу в пруду и указал на нее жестом, Танка просто сказал: «Теннен» — это естественно; не смущайся. Великий Будда играет с рыбой... не беспокойся. Танка произнес: «Это естественно».

На следующий день Хоте-цзы спросил Танку:

«Что означает то, что ты сказал вчера?»

Танка бросился наземь и лег лицом вниз.

Что же он говорит? «Рыба рождена из воды, живет в воде, исчезает в воде — это естественно. А теперь, если ты спрашиваешь меня снова: «Что означает то, что ты сказал вчера?..»»

Говорят, что мастера дзен никогда не повторяют своих ответов, они откликаются: Танка бросился наземь и лег лицом вниз. Он говорит: «Я тоже рыба, сделанная из земли, и однажды я исчезну в земле. Я не более необычен, чем рыба».

В свой последний день Танка сказал своим ученикам: «Подготовьте мне ванну — я сейчас ухожу».

Потом он надел свою соломенную шляпу, взял в руку трость, обул сандалии и шагнул вперед.

Но прежде чем его нога коснулась земли, он умер.

Умереть таким образом — с такой ясностью! Смерть приближается — приготовьтесь к путешествию. И люди, видевшие его стоящим с поднятой ногой, не смогли увидеть, что нога указывала на незримое. Он уже оставил тело, и сознание стало частью космоса.

Но человек медитации осознает, когда пришло время оставить тело, или когда тело старается избавиться от его сознания. Человек дзен умирает сознательно, потому его смерть — это не смерть, но вход в бессмертие.

А Танка Теннен был подходящей фигурой — в своей соломенной шляпе, берущий в руку трость, обувающий сандалии и делающий шаг вперед... Но прежде чем его нога коснулась земли, он умер, стоя, готовый к вечному путешествию. Это показывает интенсивную осознанность существа человека. И это также показывает, что человек этот свободен от ума.

Только человек, свободный от ума, способен ясно увидеть вещи такими, как они происходят. И он всегда готов даже к смерти. Большинство людей не готовы к смерти. Если вы спросите у них: «Вы готовы к смерти?» — они скажут:

«Подождите, есть так много всего, что нужно доделать». Только человек медитации всегда

готов. Он проделал все в каждое мгновение с такой тотальностью, с такой завершенностью, что не будет просить смерть об отсрочке.

Танка велел своим ученикам приготовить ванну. Они понятия не имели, зачем он попросил ванну. Они понятия не имели, зачем он надевал свою соломенную шляпу. Куда он собирался? Он не говорил ничего. Единственное, что он сказал, было: «Подготовьте мне ванну — я сейчас уйду». Уйду — куда? Уйду в никуда, уйду в космос: «Я прожил в теле достаточно. Теперь я собираюсь раствориться, как лед растворяется в океане» — прекрасный способ умереть.

Дзен это сочетание прекрасного образа жизни и прекрасного образа смерти.

Хайку:

Осенний ветер.

Вся сила лотоса в единственном

цветке.

Осенний ветер силен, но он не заставит цветок лотоса содрогнуться, хотя он и очень хрупок. Сила лотоса в единственном цветке... небольшой стебелек.

Такова жизнь. В любой миг, сильный осенний ветер, — и цветок лотоса погиб. Но двигайтесь тем же образом, как движется цветок лотоса — без всякого страдания, без всякого страха, безо всякой заботы. Существование это наш дом. В теле мы или нет, не имеет значения: фактически, возможность не быть в теле представляет вам огромное про-странство. Вы — везде. Когда-то вы были где-то.

Теперь, если вы попросите у Теннена адрес, это будет:

«нигде» или «везде», — это одно и то же. Но он умер точно так же естественно, как и жил.

Вопрос от Маниши:

Возлюбленный Ошо,

Если я понимаю его верно, Хьюберт Бенойт, похоже, считает, что нет необходимости в мастере, чтобы учиться позволению. Он пишет:

«Я нуждаюсь в мастере, чтобы научиться движениям, которые я хочу совершить своим телом, но мне не нужно учиться, как расслабить свои мышцы. Я нуждаюсь в профессоре философии или поэзии, чтобы научиться наиболее точному или красивому мышлению; я не нуждаюсь в таком учителе, если хочу научиться не думать».

Пожалуйста, прокомментируй.

Маниша, содержание утверждения Хьюберта Бенойта абсолютно верно, но на практике этого не происходит. Верно, что если ты хочешь научиться философии, тебе нужен профессор, а если не хочешь учиться, тебе не нужен профессор. Он забыл одну вещь, и вот она: вы уже изучили

философию; что теперь делать с этой философией? Вам понадобится профессор, чтобы помочь избавиться от этой философии. Практически, никто не является не обусловленным, следовательно, потребуется кто-то, чтобы указать, что ваш ум обусловлен, а обусловленный ум не может знать истины.

Поэтому, в содержании он прав, но на практике он просто философствует. Он понимает дзен интеллектуально, возможно, он написал самый полный трактат по дзен, но сам он не практиковал того, о чем он пишет.

Практика это явление, совершенно отличное от обучения. Нужно будет объяснять вам, как расслабиться, хотя вы и не нуждаетесь в этом. Но если вы не нуждаетесь — согласно этому человеку, который пространно описал дзен... Если никому не нужно расслабиться, если никому не нужно объяснять, как расслабиться, почему же люди напряжены? Если никому не нужно объяснять, как разучиться, тогда почему нет невинных людей? На практике вещи видны совершенно под другим углом.

Я соглашусь с ним философски, но я знаю практически — вам нужно рассказывать, как расслабиться. Вам нужно объяснять, как разучиться. Вам требуется мастер. На самом деле, необходимости нет, потому что вы будда. Но кто напомнит об этом вам? Вы не помнили этого так долго, что привыкли к мысли, что вы не будда.

Маниша, даже прекрасные вещи могут быть высказаны, но всего лишь в свете интеллектуального понимания. Это не является опытом Хьюберта Бенойта. Его интеллектуальное понимание ясно, но ему недостает экзистенциального переживания.

Теперь время Сардара Гурудаяла Сингха. После такого количества философии нужно посмеяться...

Понедельник, ясное утро, пригород Санта-Банана в Калифорнии. Готовый к приему своего первого пациента специалист по новейшей суперхирургии, доктор Декапитат. Доктор Декапитат оглядывает свой современный, оборудованный по последнему слову техники, компьютеризованный, хромированный кабинет, нажимает кнопку, и заходит его первый пациент, Порки Пок.

— Доктор! — восклицает Порки, его голова забинтована.

— Ах! Не рассказывайте мне, — кричит доктор Декапитат. — Ваша голова!

— Это невероятно! — восклицает Порки. — Как вы узнали?

— Я мог бы сказать сразу же, — отвечает доктор Декапитат. — Я занимаюсь этим делом уже тридцать лет!

Затем доктор возится с какими-то выключателями и кнопками на своем компьютере, и восклицает:

— В этом нет сомнений — у вас разламывающая голову мигрень.

— Просто невероятно! — говорит Порки. — Я страдаю от нее всю свою жизнь. Вы вылечите

меня?

— Ладно, — говорит Декапитат, сверяясь с экраном компьютера, — может, это прозвучит слишком решительно, но есть всего один способ, которым я могу помочь. Я должен буду удалить ваше левое яичко.

— Боже мой! Мое левое яичко? — восклицает Порки. — Ладно. Я сделаю что угодно, лишь бы прекратить эту головную боль.

Итак, неделю спустя Порки Пок вываливается из частной операционной Декапитата, распрощавшись со своим левым орехом, но чувствуя себя, как новорожденный.

— Она пропала! — кричит Порки, пытаясь пританцовывать, но обнаруживая свои движения резко ограниченными болью. — Моя мигрень пропала!

По этому поводу Порки отправляется в ателье Мойши Финкельштейна, чтобы заказать для себя новый гардероб.

Мойша бросает один взгляд на Порки и говорит:

— Вам нужен пиджак сорок второго размера.

— Точно! — восклицает Порки. — Как вы узнали?

— Я мог бы сказать сразу же, — отвечает Мойша. — Я занимаюсь этим делом уже тридцать лет. Вы носите брюки тридцать шестого размера, длина штанины тридцать четыре дюйма.

— Изумительно, — восклицает Порки. — Это невероятно. Вы абсолютно правы!

— Конечно, я прав, — отвечает Мойша. — Я занимаюсь этим всю жизнь. А туфли у вас тридцать девять с половиной.

— Невероятно! — кричит Порки. — Именно так и есть.

— А еще, — продолжает Мойша, — вы носите четвертый размер нижнего белья.

— Нет, — отзывается Порки. — Вы ошиблись. Я ношу третий размер.

— Этого не может быть, — перебивает Мойша, приглядываясь внимательнее. — Вы носите четвертый размер нижнего белья.

— Ах, нет, — говорит Порки. — Всю свою жизнь я носил третий размер!

— Ладно, — соглашается Мойша, — можете носить третий размер, но это вызовет у вас чудовищную мигрень!

Однажды на маленьком греческом острове Крит епископ Кретин навещает старую миссис Метакса, свою последнюю прихожанку.

— О дорогой, — восклицает старая леди Метакса, обмахиваясь веером и чувствуя дурноту. — Я так беспокоюсь, ваше святейшество. Вся наша конгрегация исчезла. Только я и вы остались — что же нам делать?

— Не беспокойся, дитя мое, — отвечает Кретин, наливая старой леди чай. — Ничего не может случиться с нами. Бог позаботится о нас.

И тут же в комнате запахло дымом, и снизу послышался крик:

— Пожар! Пожар! Спасайся, кто может! Долго не раздумывая, епископ и старая миссис Метакса вскакивают и бегут к окну, как вдруг громадные языки пламени охватывают квартиру. Они вылезают из окна десятого этажа и повисают там, вцепившись пальцами в подоконник и зовя на помощь.

Но лишь только пламя приближается, в тот же миг старый Санта Плато — греческий православный ангел — появляется перед двумя добрыми христианами, покачиваясь в воздухе.

— Я могу выручить вас из беды, — возвещает древний ангел. — Я могу исполнить по одному желанию каждого из вас — можете выбрать, где вы хотели бы оказаться!

Миссис Метакса тут же выкрикивает:

— Ах! Я хочу пребывать в мире и покое у церкви Благословенной Кровоточащей Девы!

— Воля ваша, — говорит старый Санта Плато, кивая головой. — Если таково ваше желание! И — бабах! — новое надгробие появляется на церковном кладбище, с надписью «Покойся с миром миссис Метакса».

Потом Санта Плато оборачивается к епископу Кретиному. — А что у вас, епископ? Где бы вы хотели очутиться?

Как раз в этот момент вверху пролетает птичка, и помет попадает прямо в глаз епископа Кретины.

— Проклятье! — восклицает Кретин. — Черт бы меня побрал!

Как-то днем в закусочной Салли Саперштейна зазвонил телефон.

— Это Салли, — говорит Салли, поднимая трубку.

— Алло, — говорит голос на другом конце. — Это ты, Салли?

— Да, — отвечает Салли, — это Салли.

— Что-то не похоже на Салли, — говорит голос.

— Да ладно, — отвечает Салли, — это же я — Салли Саперштейн!

— Ты уверен, что ты Салли? — спрашивает голос.

— Уверен я, уверен! — отвечает Салли, глядя в зеркало. — Это я — это Салли!

- Гм, — продолжает голос, — я хочу говорить с Салли — Салли Саперштейна, пожалуйста.

- Эй! — кричит Салли. — Это я, идиот! Это Салли!

— Да? — спрашивает голос, — Это правда Салли?

— Да! Господи! — кричит Салли. — Это Салли!

— Ладно, послушай, Салли, — говорит другой голос, — это Мойша. Одолжишь мне сотню долларов?

— Ладно, — говорит Салли, — я передам Салли, когда он придет!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны...

Закройте глаза... и почувствуйте свои тела совершенно

застывшими. Это подходящий момент, чтобы войти внутрь.

Соберите всю свою энергию... соберите все свое сознание. И

устремитесь к центру своего существа, который находится на

два дюйма ниже вашего пупка внутри вашего тела, с такой

настоятельностью, как будто это последний момент вашей

жизни.

Глубже и глубже... Быстрее и быстрее...

По мере вашего приближения к центру своего существа великое безмолвие будет нисходить на вас, и великий свет, точно пламя, возникнет из самого центра вашего существа. Это пламя, этот огонь и есть ваша вечная природа. Это и есть ваше изначальное лицо.

Единственная вещь, которая требуется, чтобы идти все глубже и глубже в центр, это свидетельство. Свидетельствуйте, вы не есть тело. Свидетельствуйте, вы не есть ум.

Свидетельствуйте, вы есть только свидетель, чистое осознание, символизируемое Гаутамой Буддой. В этот момент вы — будда. Следующий момент — это зависит от вашего вспоминания. Вы можете помнить и никогда не забывать этого. Зависит от вас — жить убогой жизнью ума

или счастливой, умиротворенной, радостной жизнью не-ума. Свидетельствование — вот секрет. Сделайте его глубже...

Ниведано...

Расслабьтесь... и просто исчезните.

В это мгновение вы таете, и аудитория Гаутамы Будды

становится океаном чистого сознания...

Это и есть искусство, как жизни, так и смерти. Если вы

можете жить с этим сознанием, вся ваша жизнь станет

путем роз, а ваша смерть будет кульминацией вашего танца,

Тоска, страдание — продукт человека.

Блаженство, радость — ваши естественные потенциальные

возможности. Медитация — это просто способ узнать свой

потенциал.

Прежде чем Ниведано позовет вас назад, соберите весь свет, всю радость, весь покой, все безмолвие — целую истину этого мгновения!

И убедите будду, пламя, последовать за вами. Оно пойдет, оно должно пойти; это сама ваша природа. Существует три шага: первый — будда, пламя света, следует за вами как тень; второй шаг — пламя впереди вас, вы становитесь тенью; и третий шаг — даже ваша тень исчезает, только пламя, пламя осознания остается. Гаутама Будда — это просто символ, метафора.

Ниведано...

Возвращайтесь... но приходите с грацией, покоем и безмолвием.

И несколько секунд посидите, просто чтобы вспомнить, где

вы побывали, в какое пространство вы входили. И

почувствуйте пламя за собой — теплоту, любовь,

сострадание. За вами стоит будда.

Недалек тот день, когда вы будете стоять за буддой. А раз вы позади будды — просто тень — тени не потребуется много времени, чтобы исчезнуть и стать частью будды.

Будда это только символ чистого осознания. Не принимайте его буквально.

Это осознание, это безмолвие, этот покой делают вас самыми благословенными людьми на земле в это мгновение.

Вы можете оставаться двадцать четыре часа в этом блаженстве. Все зависит от вас. Не входите в старые измерения страдания. Потребуется немного времени, чтобы избавиться от них, но если у вас внутри есть хоть немного внутреннего света, они начинают исчезать сами собой.

Кроме медитации нет другой религии.

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Возлюбленный Ошо, Секиши-цзы. был учеником Чоши.

Во время визита к Секито монах Секиши-цзы стал просветленным.

После своего просветления Секиши-цзы возвратился к своему мастеру, Чоши.

Чоши также был ушником Секито. Чоши спросил: «Ты добрался до Секито?»

Секиши-цзы ответил: «Да, добрался, но не был представлен».

Чоши спросил: «От кого ты получил указания?» Секиши-цзы ответил: «Не от него».

Тогда Чоши сказал: «Если ты был таким там, каков же ты будешь здесь?»

Секиши-цзы сказал: «Невелика разница».

Чоши сказал: «Слишком велика».

Секиши-цзы сказал: «Мой язык еще не красочен».

Чоши ответил: «Ты крикливый новичок — убирайся!» — и Секиши-цзы сейчас же ушел прочь.

ХАОС — САМА ПРИРОДА СУЩЕСТВОВАНИЯ

5 АПРЕЛЯ 1989 ГОДА

АУДИТОРИЯ ГАУТАМЫ Будды, ПУНА, Индия

Друзья,

Сначала вопросы от саньясинов.

Первый вопрос:

Из того, что я услышал от тебя прошлым вечером о реинкарнации, я понял, что даже индивидуальность поверхностна.

Реинкарнация давала мне то утешение, что «моя сущность» или «душа» будет продолжаться. Но сейчас я понимаю, что никакая часть меня не продлится.

Свидетельствуя, включаемся ли мы все в одну и ту же свидетельствующую энергию?

Нет ли у меня хотя бы моего собственного свидетеля?

Высшая истина очень сильно ранит.

В конце концов, все уходит, включая меня и тебя. Остается лишь чистое сознание.

Это не значит, что ты включен в него, — тебя нет больше.

Растворение настолько тонко и полно, что сначала должна исчезнуть твоя личность, потом — твоя индивидуальность, и тогда остается лишь чистое существование. Это немного тревожит и беспокоит, потому что тебе неизвестно переживание небытия.

Задумайся на мгновение... Перед этой жизнью тебя не было. Были ли проблемы? Тревоги?

После этой жизни тебя не будет снова. Чего бояться? Будет безмолвие и покой, на том же самом месте, где расцветали тревога, напряжения и мучения. Все они растворяются точно так же, как капля исчезает в океане.

Поэтому, дзен не учит тебя самореализации. Само-реализация — это цель намного более низкого порядка. Дзен учит тебя окончательному: реализации не-самости или постижению,

что исчезновение в целом и есть окончательный покой.

Само твое существо — тревога. На любом уровне, где бы ты ни был, какая-то тревога будет оставаться. Ты и есть тревога, и если ты хочешь, чтобы тревога исчезла, ты должен быть готов исчезнуть сам.

Второй вопрос:

В моем свидетельствовании я испытал опыт ничто — под этим я подразумеваю, что там не было ничего различимого, кроме простого состояния сознательного ожидания. Я свидетельствовал события ума, тела и эмоции, и я наблюдал переживание вне тела, но у меня нет ясности понимания, природы этих вещей.

Что такое природа не-ума отдельно от ума? Есть ли это восприимчивый, пассивный ум, в противоположность активному уму? Или это воистину не-ум? И как сознание воспринимает и узнает информацию, если не имеет ума-мозга, чтобы постичь ее?

Ты задал слишком много вопросов в одном вопросе. Во-первых, надо помнить, что когда я говорю «свидетель», я имею в виду, что сначала ты свидетель вещей, тела, ума, сердца, эмоций, мыслей... слой за слоем ты продолжаешь свидетельствование. И, в конце концов, ты находишь просто чистое зеркало самого свидетеля. Я называю его чистым зеркалом, потому что это значит - свидетельствовать ничто. Это ничто — твоя истинная природа.

Из этого ничто возникает все, и внутри этого ничто растворяется все. И если ты готов быть ничем — даже во время своей жизни — твоя жизнь приобретет вкус мира, молчания и блаженства.

Все ваши образовательные системы и все ваши культурные верования побуждают вас быть амбициозными, быть кем-то. Но быть кем-то значит вызывать беспокойство в тихом омуте — рябь и волны. Чем больше амбиция, тем больше приходит волна тревоги. Вы можете почти, что обезуметь от желания. Пытаясь быть кем-то, вы беретесь за невозможное, потому что, по существу, вы — никто.

Дзен обладает абсолютно уникальным проникновением в ничто каждого. Он не учит вас никакой амбиции, он не учит вас быть кем-то другим. Он просто хочет, чтобы вы знали, что в глубочайшей части своего существа вы по-прежнему ничто, вы по-прежнему несете изначальную чистоту, которая даже не загрязнена идеей «я».

Итак, когда ты свидетельствуешь, ты говоришь: «Я испытал ничто». Если бы ты пережил ничто, тебя не было бы. Переживание ничто означает, что тебя нет — ничто есть — просто волны на воде приходят и уходят.

Это не значит, что ты свидетельствуешь ничего. Ты создаешь еще одно маленькое «я», но оно содержит целый мир амбиций. Переживание ничто просто означает, что тебя нет. И тут приходит огромная радость, потому что вся энергия, которая была вовлечена в тревоги, желания и напряжения, раскрывается в танце, в блаженстве, в молчании, в потрясающем прозрении, но она не связана ни с каким «я» — чистое белое облако без всяких корней, плывущее свободно, без всякой причины и без всякого направления. Все существование становится его домом. Оно

больше не отделяет себя. Эта неразделенность есть окончательный расцвет сути будды. Знать то, что тебя нет — вот величайшее знание.

Ты задаешь вопрос, в самом ли деле нет никого, кто бы воспринимал. Этот никто уже не есть никто, если он что-нибудь воспринимает. Когда ничего не осталось, нет и воспринимающего, все растворено в существовании.

Дзен — это единственная экзистенциальная религия в мире. Каждая религия существует за счет вашего желания быть отдельным, быть индивидуальным, быть особенным, быть самореализованным, быть святым, — все это трусливые желания.

Дзен есть самый храбрый шаг.

Нет ничего более смелого, что превосходит его.

Квантовый скачок в ничто — и безмолвие...

Если ты начинаешь спрашивать, кто молчит, ты не молчишь. Если ты начинаешь спрашивать, кто воспринимает все это, кто свидетельствует, ты все еще не подошел к ничто, на которое я указываю вам.

Так просто понять, что ты приобрел от бытия — беспокойство. Дзен показывает тебе путь небытия, выход из всех бед, путь безмолвия.

Медитация приходит к своему цветению, когда нет никого. Это цветок из ничто — предельное выражение экзистенциальных высот. Иначе ты остаешься чем-то маленьким, чем-то ограниченным. Почему бы ни быть целым? Когда возможно упасть в океан, зачем оставаться каплей и бояться всевозможных смертей от солнца, которое будет испарять тебя?

Почему бы ни совершить небольшой прыжок в океан и не исчезнуть? Почему бы ни быть самим океаном? Вот еще один способ сказать это. Когда я говорю «Быть ничем», я просто говорю: «Почему бы ни быть всем?»

Исчезни в существовании. Ты будешь цвести в цветах, ты будешь летать с птицами; ты станешь облаками, ты будешь океанами, будешь реками, но ты не будешь кем-то особенным с «я». «Я» это беда, единственная беда, а затем она творит много бед вокруг.

Весь опыт дзен является опытом вхождения в состояние «не-я», «не-себя», и тогда нет вопроса — некому спрашивать, и некому отвечать.

Третий вопрос:

Было сказано, что двойственность это природа ума. Но не подразумеваются ли под «умом» только аналитические процессы, которые имеют место главным образом в левом полушарии мозга? Значит ли это, что такие явления как музыка, красота, целостность и синтез не возникают из неизбежной внутренней двойственности самого ума?

Все, что возникает из ума, неизбежно бывает двойственным. Оно может возникнуть как с правой стороны ума, так и с левой стороны ума, это не имеет значения.

Есть музыка, которая не происходит от ума. Такая музыка абсолютно беззвучна и слышна только тем, кто пришел к тому, чтобы быть ничем. Только те, кто вышел за пределы двойственности ума, познали эту красоту и ощутили этот танец. Медитацию можно определить как выход за пределы двойственности ума.

Все, что бы ни исходило от ума, бывает заурядным; будь то музыка или математика. Возникает она с правой стороны или с левой — это не имеет значения. Ваша музыка и ваша математика, ваша философия и ваша поэзия — все это, очень поверхностно.

Но есть нечто в тебе, которое никогда не слышно, никогда не может быть высказано, никогда не может быть выражено, а может быть только прожито. Это ничто, о котором я рассказываю, есть живое переживание бытия никем. Из такого ничто возникает жизнь, полная музыки, но музыки беззвучной; полная красоты, но красоты бесформенной; полная радости, но радости неопределимой; полная танца, но без движения.

Медитирующий знает нечто, о чем ум не способен знать. Ум знает лишь поверхностное, а поверхностное всегда двойственно; разделено на «за» и «против».

Ничто — не двойственно и не разделено. Это просто чистое безмолвие, но очень живое безмолвие. И все, что происходит из такого безмолвия, обладает красотой и истиной, которая не сопоставима ни с чем, созданным умом.

Человек безмолвия, если даже он не делает ничего, — уже просто его безмолвие это благословение всему существованию. Его безмолвие — музыка, слышная только тем, кто ушел глубоко и вышел за пределы ума.

Сутра:

Возлюбленный Ошо, Секиши-цзы был учеником Чоши.

Во время визита к Секито монах Секиши-цзы стал просветленным.

После своего просветления Секиши-цзы возвратился к своему мастеру, Чоши.

Чоши также был учеником Секито. Чоши спросил: «Добрался ли ты до Секито?»

Секиши-цзы ответил: «Да, добрался, но не был представлен».

Чоши спросил: «От кого ты получил указания?» Секиши-цзы ответил. «Не от него».

Вы видите мистический способ, которым Секиши-цзы отвечает? Когда его спросили: «Добрался ли ты до Секито?», он сказал: «Да, добрался, но не был представлен, потому что ни он не форма, ни я. Ни у него, ни у меня нет имени. Нет возможности представиться».

Чоши сказал: «От кого ты получил указания? — тогда у кого ты получал наставления?»

Секиши-цзы отвечал: «Не от него — я получил, но получил от ничто. По-моему, мой мастер не

был человеком слов. Мы встретились за пределами слов. Мы посмотрели друг другу в глаза, и что-то произошло. Но он не сказал ни единого слова; вот почему я не могу сказать, что получил от него какие-либо наставления. Конечно, с ним я стал просветленным».

Секиши-цзы стал просветленным, просто увидев Секито. Ничего не говорилось ему вербально; также не становился он ни учеником, ни посвященным. Просто наблюдая Секито... лишь завидев такую колонну безмолвия, такое ничто — он просто исчез как существо — он сам; он превратился в ничто. И ни слова не говоря, он покинул Секито и возвратился к своему мастеру, Чоши.

Чоши также стал просветленным в компании Секито. Вот почему его интересовало, что же произошло. «Ты добрался до Секито? — потому что ты выглядишь, как будто ты не только добрался до него, но и нашел его. Ты проник в его существо; ты несешь его благоухание. В чем дело? Ты добрался до Секито?»

Секиши-цзы ответил: «Да, добрался, но не был представлен. Ничего не было сказано им, и ничего не было сказано мной».

Чоши сказал: «Тогда у кого же ты получал указания? Ты, кажется, реализовал чистоту сознания. Тебе не провести меня; я вижу, тебя больше нет. Как же это произошло? От кого ты получил указания, технику, методику, дисциплину?»

Секиши-цзы снова отвечал окольным путем: «Не от него».

Тогда Чоши сказал: «Если ты был таким там, каков же ты будешь здесь? — Если ты не получал техники, дисциплины, указаний у великого мастера Секито, каким же человеком ты будешь здесь? Если ты был таким там, каков же ты будешь здесь?»

Секиши-цзы сказал: «Невелика разница».

Чоши не смог понять это окольное высказывание; он был простым человеком дзен. Он сказал: «Слишком велика, если ты намерен быть таким же и здесь тоже. Здесь тебе придется следовать указаниям; здесь тебе придется медитировать. Здесь ты должен войти в мир дзен».

Но Чоши не был великим мастером дзен, он был человеком дзен. Он понял ничто, но не был способен выразить его. Он сказал: «Разница слишком велика, если ты не собираешься несколько отличаться здесь».

Секиши-цзы сказал: «Мой язык еще не красочен». Он говорит: «Не беспокойся. Я так же чист, как ребенок. Я не был запрограммирован никем. Я — табула rasa, чистая доска. Мой язык еще не красочен».

Чоши отвечал: «Ты крикливый новичок», — потому что для Чоши этот юноша был просто новичком. Ему не удалось проникнуть и увидеть в этом новичке трансформацию, которая произошла, когда он был с Секито.

Он был обычным человеком дзен, который следовал указаниям, принципам, шаг за шагом. Он не мог бы понять этого квантового скачка — чистого скачка. Это было слишком. Он подумал:

«Этот человек слишком шумный. Я задаю простые вопросы; а он продолжает отвечать окольным путем. — Убирайся!» — И Секиши-цзы сейчас же ушел прочь.

Этот эпизод очень странный. Его странность в том, что один человек дзен не обязательно будет способен понять другого человека дзен. Конечно, мастер сможет понять все-возможных людей дзен, но мастер многомерен, а человек дзен лишь одномерен. Он следует определенному пути и думает, что только таким путем можно достичь ничто, которого достиг он.

Для достижения ничто подойдет любой путь. Существует столько же путей, сколько людей путешествует. Но для понимания этого необходим великий мастер.

Были просветленные люди, однако они могли не понимать других просветленных людей по той простой причине, что они следовали определенному пути, а другие не следовали именно этому пути. Они становились слишком обусловленными путем. Они не могли видеть, что когда вы идете в ничто, каждый путь верен.

Когда вы идете куда-то, не каждый путь верен, но когда вы идете в никуда, каждый путь — верный путь. Но для того, чтобы понять то, что каждый путь, в конце концов, приводит в ничто, требуется многомерное сознание.

Есть мастера и есть мистики, а разница в следующем: мистик может понимать только одномерно; у мастера кругозор шире, его взгляд — с высоты птичьего полета. Он может посмотреть сверху и увидеть, что все пути ведут в никуда.

Чоши не смог понять Секиши-цзы. Секиши-цзы покинул его немедленно; это не было подходящим местом для него. Он уже вышел за пределы путей, указаний и писаний.

Киорай написал:

Неподвижный туман. Луна, весна, сон.

То, что он говорит, и есть жизнь: «Неподвижный туман. Луна, весна, сон» — простая, не сложная.

Саньясин живет жизнью такой простоты: луна, весна, сон — и он осуществлен. Легкий неподвижный туман, а потом встает луна, потом приходит весна — бывают цветы — а потом сон.

Если вы можете представить жизнь в таких простых терминах — немного танца, немного любви, немного игривости, немного смеха, немного музыки, а потом насту-паает вечный сон — жизнь становится просто маленьким спектаклем. Скоро спектакль окончится. Принимая то, что он закончится, что мы просто актеры в игре, которая не будет продолжаться вечно — нам придется освободить место для других актеров — тогда жизнь становится очень простой, без всякой сложности и без всякой конкуренции. Человек живет тихо, умиротворенно и подготавливает себя к вечному покою, вечному безмолвию, вечному сну.

Вопрос Маниши:

Возлюбленный Ошо,

Фритьоф Капра утверждает следующее:

«Современная физика выходит далеко за пределы технологии. Путь — или Дао — физики может быть путем с сердцем, путем к духовной реализации». Ты согласен?

Маниша, это не вопрос согласия или несогласия, потому что всякое согласие или несогласие от ума. Я знаю, что Капра просто предполагает. Он человек, который знает современную физику и немножко — философию Дао. А это самая пустяковая вещь — создавать физику из Дао или Дао из физики, потому что слово «Дао» просто означает путь, а современная физика, безусловно, вышла за пределы техно-логии. Она двинулась за пределы границ ума и пребывает в ужасном хаосе. Что касалось ума, все было ясно. Но сейчас современная физика подошла к точке, где ум не имеет никакого смысла. Капра сам, будучи физиком, стал обучаться Дао, в попытке понять хаос, в который вступила современная физика — быть может, Дао выручит.

Но он не человек Дао, он по-прежнему интеллектуал, пытающийся придумать какие-то определения, пытающийся сделать что-то из хаоса. Он все еще думает о духовной реализации, а духовной реализации не бывает, потому что нет духа как такового.

Есть исчезновение в ничто, вы не можете называть это реализацией. Это может быть названо дереализацией, но не может быть названо реализацией. Нечего реализовывать. Даже того, что было, нет больше — царит лишь тишина.

Я знаю, что хаос существования окончателен. Любая попытка привести его в систему, обречена на провал. Философии потерпели крах, наука потерпела крах. Еще будут предприниматься попытки, но я могу предсказать с абсолют-ной уверенностью, что никакая система не объяснит этого бескрайнего существования. Оно неизбежно останется тайной.

Религии пытались сделать это по-своему, но потерпели неудачу. Философии потерпели неудачу. Наука применила метод систематической логики, и в начале этого столетия наука была абсолютно уверена, что преуспела и разъяснила всю тайну существования, сведя ее к рационализации. Но вопреки всему случилось обратное.

Как только наука углубилась в реальность, все ее прежние концепции стали несостоятельными. Теперь аристотелианская логика больше не логика, и евклидова гео-метрия больше не геометрия. Теперь наука у той точки, где все опять становится таинственным — нет объяснения и нет причины. Но попытки продолжаются.

Мой подход совершенно другой. Я хочу, чтобы вы знали то, что хаос — это сама природа существования, вы не можете сделать его космосом. Вы не можете сделать его системой ни посредством Дао, ни посредством дзен. Вы не можете сделать его объясненной системой, где все известно.

Я всегда разделял существование на три сегмента;

известное, неизвестное и непознаваемое.

То, что неизвестно, станет известным завтра. То, что известно сегодня, было неизвестным вчера. Однако известное и неизвестное — это очень поверхностная часть. За пределами обоих -

непознаваемое. Это непознаваемое и есть хаос; иррациональное, нелогичное. Нельзя свести это к объяснениям, нельзя создать из этого науку или философию.

Этот хаос я назвал «ничто». Вы можете войти в него, можете быть едины с ним, можете радоваться в нем, но не пытайтесь концептуализировать его.

Так вот, Маниша, это не вопрос моего согласия или несогласия с Фритьофом Капррой. Я знаю: существование есть хаос и будет всегда оставаться хаосом. Все попытки человека в его систематизации обречены на провал. Это не система;

это не механика. Потому я всегда любил выражение Гаутамы Будда. Когда его спросили: «Что есть истина?» — он ответил самым странным образом. Он сказал: «Все то, что работает». Он не определял истину, он просто сказал: «Все то, что работает — истинно».

И большего, чем это, даже сегодня мы не знаем. Мы не знаем, что такое электричество, нам известно только как оно работает; нам неизвестно, что это такое. Нет пути, узнать это, нет и необходимости.

Пусть существование функционирует.

Пользуйтесь им, любите его, радуйтесь ему. Нет необходимости систематизировать его; все системы обречены на провал.

Дзен — не система, это путь к хаосу.

Идите танцуя, не волнуясь и не тревожась о том, что это такое.

Радуйтесь ему!

Какой смысл задумываться, что такое музыка?

Любите ее, слушайте ее, создавайте ее.

Какой смысл находить определение танцу?

Танцуйте!

Но, тем не менее, очень немногие люди эпохи достаточно зрелы для того, чтобы принять этот необъятный хаос без страха и воспользоваться им, насколько возможно. Любите его, живите им и отбросьте детскую идею, что вы должны понимать его. Что вы собираетесь делать, поняв его? И, прежде всего, понимание невозможно.

Ум слишком мал, а существование слишком огромно — без всяких границ. Нет возможности для того, что когда-либо будет система, которая объяснит все. И если какая-то система объяснит все, это будет роковым днем — жизнь утратит всю радость.

Люди стараются объяснить все. Тогда любовь становится просто химией, биологией, гормонами. Вы думали когда-нибудь о любви как о гормонах, биологии, химии? В тот момент, как вы думаете о химии, биологии, гормонах, любовь теряет всю тайну. И безусловно, любовь

это больше, чем могут объяснить химия, биология или гормоны. Может, они и объясняют секс, но они не могут объяснить любовь.

Любви не нужно быть сексуальной. Фактически, у высшей точки даже сексуальность трансформируется в лю-бовь... любовь необъяснима, иррациональна, это хаос. Вы можете испытать ее, но не можете объяснить.

Время Сардара Гурудаяла Сингха.

Солнечный полдень в Ватиканском розарии. Папа Польский поглощен беседой с элегантно выглядящим джентльменом в костюме-тройке, с черным чемоданчиком.

— Я готов предложить вам миллион долларов! — восклицает бизнесмен Герман Гувер.

— Никогда, — произносит Папа. — Миллиард долларов, и не меньше!

— О'кей! — говорит Герман, — наше последнее предложение — пятьсот миллионов долларов!

— Никогда! — кричит Папа, топая ногой. — Шестьсот миллионов долларов! Один доллар на каждого католика — или дело кончено!

— Проклятье! Давайте забудем все это, — восклицает Герман.

И расстроенный бизнесмен уходит.

Тем временем старый Марио, садовник, поднимает голову над кустом роз и зовет Папу:

— Эй, Ваше Святейшество! — говорит Марио. — Этот парень хотел дать вам столько денег! Почему вы отка-зались?

— Ты не понимаешь, — говорит Папа, — тебе не известно, чего этот парень хотел от меня.

— Ну? — спрашивает Марио. — Что же он захотел?

— Он хочет, — говорит Папа, — чтобы мы изменили концовку молитвы господней.

— Правда? — спрашивает Марио. — Но в конце мы всегда говорим «Аминь».

— Знаю, — огрызается Папа Польский. — Но этот парень требует, чтобы мы все говорили «Кока-кола»!

Та роковая ночь в старом Иерусалиме. На втором этаже Мак-Дональдса Иисус проводит прощальный ужин.

Клоун, Рональд Мак-Дональд, носится вокруг, подавая каждой компании шляпы, и насвистывает, пытаясь рассме-шить серьезных святых.

Но Иисус, выглядевший уныло весь вечер, неожиданно ставит свой стакан с вином, и кричит через прокуренную комнату:

— Петр! — он кричит, показывая пальцем. — Петр! Сегодня ночью ты собираешься предать меня!

— О нет, Господи! — взывает Петр, бледнея, — я никогда бы не предал тебя!

— О'кей, Петр, — говорит Иисус, — я просто проверял тебя. Иди сюда, съешь хлеба и выпей вина со мной.

Вот они едят хлеб и пьют вино. Потом Иисус говорит:

— О'кей, Петр, можешь идти.

Тогда Иисус оглядывает комнату снова и зовет Иоанна, своего любимого ученика.

— Иоанн! — кричит Иисус, — Иоанн! Этой ночью ты собираешься предать меня!

— О нет, Господи! — отвечает Иоанн, падая в шок со скамейки. — Я бы никогда не предал тебя. Это просто невозможно!

— О'кей, Иоанн! — отвечает Иисус. — Не кипятись. Я просто проверял. Иди сюда, выпей вина и поешь хлеба со мной!

По мере продолжения вечера Иисус зовет своих апостолов, одного за другим, к себе; ест хлеб и пьет вино с каждым из них.

Наконец его блуждающие глаза останавливаются на Иуде, который просидел в углу весь прошедший час, беседуя с Марией Магдалиной.

— Иуда?! — кричит Иисус.

— Да, Господи! — отвечает Иуда, поправляя свою рубашку.

— Иуда! — восклицает Иисус. — Иди сюда! Ты мне нужен!

— Да, Господи, — говорит Иуда, вскакивая и взволнованно останавливаясь перед Иисусом.

— Иуда! — произносит Иисус. — Сегодня ночью ты собираешься предать меня!

— О Иисус Христос! — восклицает Иуда. — Почему до меня очередь доходит лишь тогда, когда ты уже пьян?

Однажды утром сексуальная мисс Торнбум, учительница начальной школы, покачиваясь, входит в класс.

— Итак, ребята, — сообщает она, — сегодня мы приступаем к совершенно новой и волнующей теме, называемой «сексуальное образование»!

Раздается громкие крики одобрения мальчиков и девочек; мисс Торнбум хлопает в ладоши для восстановления порядка.

— Тише, дети! — говорит мисс Торнбум. — Скоро вы, маленькие мальчики, заинтересуетесь маленькими девочками, а некоторые из вас, маленькие девочки, будут засма-триваться на маленьких мальчиков.

Неожиданно вмешивается малыш Альберт.

— Эй, мисс Торнбум! — кричит он. — А нельзя ли тем, кто уже трахался, выйти и поиграть в футбол?

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны... Закройте глаза...

и почувствуйте свои тела совершенно застывшими. Это подходящий момент, чтобы войти внутрь. Соберите все свои энергии, все свое сознание и устремитесь к внутреннему центру своего существа. Это в точности на два дюйма ниже пупка, внутри вас. В Японии его называют харой.

Устремитесь к этой харе с абсолютной настоятельностью, как будто наступает ваш последний миг. Быстрее и быстрее... Глубже и глубже. Как только вы начинаете приближаться к харе, великое безмолвие нисходит на вас.

А изнутри — все внутреннее становится светящимся! У самого центра находится пламя, вечное пламя жизни. Это вечное пламя света и есть ваш истинный источник, а также и ваша цель.

Когда вы подходите, все ближе и ближе к пламени, все внутри успокаивается, но этот покой — живой, это безмолвие — музыка и переживание, которое позволяет вам стать свидетелем. Свидетельствуйте то, что вы не тело. Свидетельствуйте то, что вы не ум. Свидетельствуйте то, что вы только свидетель, ..

чистый свидетель и ничего больше.

Углубляясь в это свидетельство, человек исчезает в окончательном хаосе существования.

Это величайшее блаженство.

Это величайшее блаженство.

Делайте свидетельство все глубже и глубже.

Ниведано...

Расслабьтесь...

Оставайтесь свидетелем и растайте, как лед тает в океане.

Пусть эта аудитория Гаутамы Будды

станет океаном сознания.

Вас нет больше, только сознание

распространяется, воцаряется.

Вы утонули в океане.

Это самое освежающее переживание

и самый трансформирующий опыт.

Такое переживание делает вас буддой.

Будда это тот, кто достиг непринужденности

с существованием.

Эти три шага могут быть важными для вас...

Первый — пламя следует за вами.

Это пламя символически изображается буддой.

На Востоке лицо Будды стало символом нашей

окончательной природы.

На первом шаге вы обнаружите, что будда следует за вами.

На втором шаге вы обнаружите,

что вы следуете за буддой как тень.

На третьем шаге исчезает даже тень,

остается лишь сияющий будда.

И это сияние, вечное и бессмертное,

можно испытать, но нельзя объяснить.

Те, кто испытал это —

их жизнь становится светом, радостью, блаженством
и благословением для всех, кто соприкасается с ними.

Другими словами, их жизнь становится

любовью, песней, танцем — без всякой причины.

Великий эксперимент происходит здесь.

В это мгновение вы самые счастливые люди на свете,

потому что каждый человек занят тривиальным —

а вы ищете священное и окончательное.

Прежде чем Ниведано позовет вас обратно,

соберите все это переживание,

это безмолвие, этот покой, эти цветы, осыпающие вас

эту музыку и это сияние.

И убедите будду прийти с вами,

стать частью вашего ежедневного существования.

Ниведано...

Возвращайтесь назад, но с той же грацией,

с тем же безмолвием, с той же красотой.

Посидите несколько мгновений,

просто чтобы вспомнить,

в какое пространство вы входили,

каким золотым путем вы следовали.

И вопрос не в том, чтобы выполнять медитацию

в какое-то время дня.

Медитация должна стать самым вашим дыханием.

Всем, чем вы были в эти безмолвные мгновения,
вы можете быть двадцать четыре часа... подводное течение
радости, покоя, любви, сострадания.

Чем бы вы ни занимались —
вы можете делать это, как будто вы будда.

Это «как будто» вскоре исчезнет,
потому что в основе вы — будды.

Это не нечто, чего вы должны достигать,
это нечто, о чем вы забыли,
и вы должны вспомнить его —
саммасати.

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Возлюбленный Ошо,

Гиозан сказал Секиши-цзы: «Скажи мне, во что верить и на что полагаться?»

Секиши-цзы трижды, воздел руки к небу и сказал: «Нет такой вещи».

Гиозан спросил: «Что ты скажешь о чтении сутр?»

Секиши-цзы ответил: «Обо всех этих сутрах не может быть и речи. Заниматься вещами, которые даны другими - есть двойственность ума и материи. А если ты в двойственности субъекта и объекта, возникают различные взгляды. Но это слепая мудрость, это еще не Дао.

Помимо того, что дадут тебе другие, нет ни одной вещи. Вот почему Бодхидхарма говорил: «Изначально нет ни одной вещи».

Посмотри, когда ребенок появляется из утробы, читает ли он сутры или нет? В это время ребенок не знает, существует или нет такая вещь, как природа будды. По мере того, как он растет и учится различным взглядам, он выходит в мир и говорит: «Я поступаю хорошо и

понимаю». Но он не знает, что это вздор и заблуждение.

Из шестнадцати способов действия, детский способ лучший. Пора детского лепета сравнима с искателем, когда он оставляет ум, разделяющий и выбирающий. Вот почему ребенком восхищаются. Но если ты возьмешь это сравнение и скажешь: «Ребенок есть путь» — люди нынешних дней поймут его неверно».

УМ ЛИШЬ ДУМАЕТ, МЕДИТАЦИЯ ЖИВЕТ

6 АПРЕЛЯ 1989 ГОДА

АУДИТОРИЯ ГАУТАМЫ Будды, ПУНА, Индия

Друзья,

Сначала вопросы от саньясинов.

Первый вопрос:

Я слышал, ты говорил, что центром нашей сущности будды является хара — точка внутри тела. Существует ли также спящая энергия будды в наших сердцах и в третьем глазе? Обладаем ли мы все одним и тем же потенциалом воспоминания и уникальной способностью к творчеству? Прокомментируй, пожалуйста.

Центр хара — это источник всей вашей энергии. Он может расти в точности, как растет дерево — из корней в различные ветви.

Согласно мнению Патанджали, энергия может быть поделена на семь центров, но изначальным источником остается хара. От хары она поднимается вверх.

Седьмой центр находится в голове, а шестой центр — это то, что вы называете третьим глазом. Пятый центр в нашем горле, а четвертый центр точно посередине: сердце. Ниже сердца три центра, выше сердца три центра. Но все эти семь центров растут как дерево от изначального источника — хары. Вот почему в Японии самоубийство называется «харакири». Люди не режут себе шеи, они не режут себе головы. Они просто вонзают небольшой нож в центр хара — точно на два дюйма ниже пупка — и человек погибает. И вы не вообще узнаете, что кто-то совершил самоубийство. Просто энергия высвобождена из тела, источник открыт.

Я стараюсь провести вас к истинному изначальному источнику. Оттуда вам предстоит направить свою энергию в любой центр, в какой захотите.

Между первым центром, харой, и седьмым центром в голове, энергия может перемещаться в точности, как энергия перемещается по различным ветвям дерева — от корней до наивысшего цветения. Хара — это источник. Когда она расцветает, то простирается внезапно до седьмого центра, пронизывая ваше сердце, ваше горло, а в седьмом центре она расцветает как лотос. Человек это тоже цветущее дерево.

Это разные точки зрения. Йога Патанджали — одна из них; дзен это совершенно иной подход. По-моему, дзен представляется более научным, несмотря на то, что Патанджали кажется более интеллектуальным и философским. Дзен начинается с самого источника.

Будда не располагается нигде больше, кроме как в харе; он не расположен в сердце. Энергию можно направить в сердце, и тогда она выразится в любви. Энергию можно направить в третий глаз, тогда вы будете способны видеть вещи, которые обычно невидимы — ауры людей, ауры вещей — определенного рода рентгеновский луч, который глубже проникает внутрь вещей. Если та же самая энергия входит в седьмой центр, в соответствии с Патанджали, самадхи достигнуто — вы становитесь просветленным.

Но это различные точки зрения. Вместо того чтобы говорить о самадхи, мне бы хотелось скорее подтолкнуть вас к тому, чтобы вы соприкоснулись с тем источником энергии, из которого все исходит. Мне не нравится много говорить о цветах, потому что разговор будет оставаться просто умозрительным. Мой подход более прагматичен.

Я хочу, чтобы вы ощутили спящую в вас энергию. И в то мгновение, когда вы дотрагиваетесь до нее, она пробуждается. Она спит лишь, если вас нет там. Если ваше осознание достигает источника, она пробуждается, и в этом пробуждении суть будды. В своем пробуждении вы в первый раз становитесь частью существования: не эго, не личность, — чистое ничто.

Люди боятся слова «ничто». Во втором вопросе ясно виден этот страх.

Вот второй вопрос:

Хотя ты и наполнил сутры жизнью и юмором, по-моему, дзен остается застывшей красотой пустыни, а я стремлюсь к чему-то иному.

Почему я не могу отбросить идею, что мой путь не через пустоту, а через полноту?

Я по-прежнему ношу это стремление к какому-то рода объединению, слиянию с внешним, вместо растворения в ничто внутри.

С кем ты собираешься сливаться вовне? Тебе неизвестно даже, кто есть ты. И кто сказал тебе, что дзен — это «застывшая красота пустыни»? Возможно, дзен есть самый прекрасный путь, полный цветов, песен, радости и смеха.

Но идея ничто вызывает определенный страх растворения в пустыне. Просто твой ум создает различие между пустотой и полнотой. Осознав одно, ты осознаешь также и другое, потому что они есть два аспекта одной вещи, одного явления, которое можно назвать либо «ничто», либо «полнота».

Дзен сделал правильный выбор, назвав его «ничто», потому что «полнота» может дать вам неверное понятие. Стоит вам подумать о полноте, и вы начинаете воображать. Стоит вам подумать о слиянии с кем-то вовне, и тотчас же возникают Бог, рай, небеса и всевозможный вымысел. И такой вымысел мешает вам идти, куда бы то ни было.

Я вообще не помогаю вашему воображению. Я стараюсь искоренить ваше воображение всеми

возможными путями. Я хочу оставить вас без образов, в полной тишине, в ничто, потому что это единственный путь достижения полноты.

Когда капля исчезает в океане, это не означает, что она обращается в ничто. Да, она обращается в ничто, но она также становится океаном. Исчезая, как капля, с другой стороны, она также становится целым океаном. Поэтому «полнота» и «ничто» это не две вещи, не только два понятия ума, — но в действительности это лишь два способа высказать одну вещь. Пустота или ничто лучше, потому что это не позволяет возникнуть никакому воображению.

Полнота опасна. Если ее правильно использовать, проблемы нет. Полнота тоже будет растворять Бога, рай, небеса, ад, перевоплощение. Но ум способен использовать идею полноты так, как он не может использовать слово «ничто». Чтобы не позволить уму использовать слово «полнота» и предотвратить искажение реальности, со времен Гаутамы Будды используется слово «ничто». Но ничто не есть отсутствие; ничто не является мертвым. Ничто — это полнота, но настолько полная, что вы не можете ни определить ее, ни установить предела или границы.

Беспредельная полнота и ничто на практике означают одно и то же. Но для начинающего слово «полнота» опасно, — а каждый это начинающий.

Начинайте с того, что менее способно увести вас прочь от реальности. Полнота может быть использована только мастером, который знает, что ничто и полнота это синонимы. Но для начинающего это опасно, поскольку для него полнота означает нечто противоположное ничто. Если полнота синоним ничто, то нет и проблемы. Тогда пустыня становится океаном, тогда есть только красота, песня и танец.

Ничто дает уму идею, что все будет утрачено. Вы будете утрачены, но истина в том, что в то мгновение, когда все утрачено включая вас, вы обретаете целую вселенную — все звезды у вас внутри, и необъятная вселенная в вашем сердце. Это не потеря чего-нибудь, поэтому не тревожьтесь о ничто.

Спрашивающий продолжает:

Что это, просто мой отказ расти? Дурачу ли я сам себя? Все ли мы должны воспринять

Манифест Дзен, вне зависимости от того, к какому типу мы себя причисляем?

Это не вопрос типа. Все типы всего лишь поверхностны. В сокровенной сущности есть только одно существование. Манифест дзен не для особого типа, он для всех — для мужчин и для женщин, для черных и белых, для индуистов и мусульман, для христиан и буддистов. Не имеет значения, в какого рода обусловленности вы были воспитаны, дзен это просто техника проникновения в вашу подлинность. Это проникновение так глубоко, что ничего не остается, и все найдено.

Гурджиев написал книгу «Все и ничто». Мне бы хотелось изъять слово «и», потому что «все», это «ничто», нет вопроса «и». К какому бы типу вы ни относились — интроверт, экстраверт — не имеет значения. Все вы часть одного и того же существования. И когда вы расслабляетесь внутри существования, все ваши различия исчезают, остается лишь единство. Вы можете назвать это единство, как вам нравится, но по существу это ничто. Вы можете придать ему любую

окраску, можете назвать его любимым именем, но не начинайте называть его по-другому с самого сначала, потому что это может сбить вас с пути. Кто-то подумает, что может назвать его Богом, и тогда он начнет поклоняться Богу, который произведен человеком.

Для начинающего ничто является самым надежным способом избежать ума, играющего в игры. Ничто за пределом досягаемости ума, поэтому он не может играть с ним в игры. Но с каким угодно другим вашим наименованием ум способен играть в игры.

Все усилие медитации в том, чтобы не позволить уму играть в игры. Он играл в них веками. Необходимо приобрести способность видеть все игры ума: всех этих богов, мессий, пророков, все религии, философии.

Существование доступно молчаливому существу, но не знающему человеку, эрудиту, ученому. Оно доступно невинному, а медитация это способ стать невинным снова. Когда вы снова возвращаетесь к своему детству, возрождаясь заново, ничего не зная, возникает безмолвие, радость, блаженство, неразрушимое и вечное.

Третий вопрос:

Вчера вечером я слышал, как ты говорил, что нет ни перевоплощения, ни души, ни духа после смерти, лишь чистое сознание, чистое молчание.

Тогда верно ли, что часть нас, часть нашего собственного сознания осознает это бесконечное молчание, осознает себя частью целого?

Все ваши вопросы возникают в уме, а я пытаюсь вывести вас за пределы ума. За пределами ума нет вопросов, там некому спрашивать. Но если вы начинаете думать о медитации, то это не медитация. Если вы начинаете думать: «Что происходит, когда осознание свидетельствует целостность существования?» — если вы задумываетесь, вы движетесь внутри ума по кругу, порочному кругу, вы можете найти какой-то ответ, но такой ответ не есть истина.

Вы должны выйти за пределы мышления, за пределы вопросов.

Просто будьте в молчании, и вы узнаете.

Вас нет, есть лишь вселенная.

Вы это просто рябь на реке, возникающая на какой-то миг и растворившаяся снова, но ни на единый миг не отделенная от реки. Все это существование есть не что иное, как безбрежный океан, в котором возникает и исчезает всевозможная рябь, волны, а океан остается.

То, что остается, и есть ваша подлинная реальность. То, что приходит и уходит — это лишь сон или явление, иллюзорная реальность. На миг приливная волна может подумать: «Я отделена от океана». Но вам известно, что где бы ни была приливная волна, она не отделена от океана. Даже когда она думает, что она отделена — и выглядит отдельной — в глубине это часть океана.

Я погружаю вас в глубину океана. В этом океане никто не отделен. Внезапно возникает

огромная радость, что вы вечны, что вы океаничны, что вы всегда были и вы будете всегда... но не в тех малых обличьях, которые вы принимали снова и снова. На этот раз вы прекращаете принимать обличья и просто становитесь целым.

Целое кажется более уютным, чем ничто, но это просто два способа высказать одну и ту же вещь. Целое представляется уютным, вам кажется, что вы становитесь больше, чем были прежде. А ничто кажется опасным — вы становитесь даже меньше, чем были прежде. Вы были, по крайней мере, чем-то, теперь вы становитесь ничем. Но становясь целым, вы должны стать ничем. Становясь частью этого необъятного существования, вы должны оставить изолированность, индивидуальность.

Спрашивающий продолжает:

Чувствует или испытывает ли капля по-прежнему какую-то жизнь внутри, когда она впервые сливается с океаном?

Капля, исчезающая в океане, впервые чувствует без-брежную жизнь. Лишь границы, которые делали ее мелкой каплей, исчезли. Капля по-прежнему есть, но это больше не капля, она стала океаном.

Я рассказывал вам о Кабире, одном из самых значительных мистиков Востока...

Когда он стал просветленным, он написал: «Капля исчезла в океане — Бунда сомами самунда мен», Но перед смертью он позвал своего сына Камалю и сказал ему:

«Пожалуйста, исправь это. Это был мой первый опыт, теперь я знаю лучше. Не капля вошла в океан; наоборот, океан вошел в каплю. Поэтому напиши, что океан вошел в каплю».

Это означает одно и то же, но первое — это переживание начинающего. Капля, исчезающая в океане, чувствует себя так же, как и вы, проникая в безграничное ничто. Но если вы достигли этой безграничности, если вас больше нет, внезапно эта безграничность есть вы. В этом опыте не будет личности, не будет чувства «я», будет лишь ощущение тотальности, целостности.

Трудно передать это в словах. И то, что Кабир изменил свое выражение, демонстрирует эту трудность. Фактически, никакое выражение не правильно. Говорите ли вы, что капля вошла в океан, или говорите, что океан вошел в каплю, вы все еще говорите о двух вещах — о капле и океане.

Если бы я присутствовал там, я бы сказал: «Лучше вычеркнуть и то, и другое. Что случилось, то случилось, ничего не может быть сказано об этом. Определенно одно: больше нет разделения. Поэтому не имеет значения, что во что входило. Там было двое, теперь нет двоих».

Сутра:

Возлюбленный Ошо,

Гиозан сказал. Секиши-цзы: «Скажи мне, во что верить и на что полагаться?»

Секиши-цзы трижды воздел руки к небу и сказал:

«Нет такой вещи, — в которую ты можешь верить, на которую ты можешь положиться. — Нет такой вещи».

Что же он подразумевает, трижды воздевая руки к небу?

Существование это просто необъятное небо без конца и без начала, без границ. Нечему верить и не на что полагаться. Нужно просто исчезнуть. Все виды веры сфабрикованы человеком, и любая опора, надежда на Бога, на Христа исходит из вашего собственного страха. Но вам не на что полагаться; гарантии нет.

Не цепляйтесь ни за что. Все, за что вы цепляетесь, есть ваше воображение. Существование не имеет богов, и существование не имеет философий — просто чистое безмолвие, но безмолвие, которое музыкально, безмолвие, которое есть танец; безмолвие, которое цветет многими цветами и многими благоуханиями; безмолвие, которое проявляется в безмерном разнообразии; безмолвие, которое многомерно. Расслабьтесь в нем. Не старайтесь верить или доверять, потому что всякая вера и доверие есть цепляние.

Секиши-цзы трижды воздел руки к небу и сказал:

«Нет такой вещи. Отбрось, пожалуйста, саму идею о том, чтобы полагаться на что-нибудь или верить во что-нибудь. Просто расслабься. Все это существование — твое. Почему ты хочешь уцепиться за нечто особенное? Все это одно и то же — одно и то же небо, одно и то же молчание, одна и та же чистота, одна и та же невинность».

Гиозан спросил: «Что ты скажешь о чтении сутр?»

Человек хочет чего-то конкретного. Его ум всегда находит какой-то путь избежать ничто или полноты существования.

Гиозан сейчас же спросил: «Если нечему верить и не на что полагаться, что ты скажешь о чтении сутр?»

Секиши-цзы ответил: «Обо всех этих сутрах не может быть и речи. Заниматься вещами, которые даны другими, есть двойственность ума и материи. А если ты в двойственности субъекта и объекта, возникают различные взгляды. Но это слепая мудрость, это еще не Дао.

Помимо того, что дадут тебе другие, нет ни одной вещи.

Вы задумывались когда-либо над этим? — все, что вам известно, вы получили от других. Если вы отложите это в сторону, чтобы выяснить, что же ваше, вы обнаружите, что вам свойственна лишь чистая пустота, все остальное дали вам другие. Тогда кто вы? — чистая пустота, скрытая за всеми этими словами, верованиями и религиями, которые были даны вам.

«Помимо того, что дадут тебе другие, нет ни одной вещи. Вот почему Бодхидхарма говорил:

«Изначально нет ни одной вещи»...»

Утверждение Бодхидхармы имеет чрезвычайную ценность. Нет ни единой вещи, которая была бы отдельной от целого. Все разделение, вся двойственность — это игра ума. Как только ум утихает, вся эта игра исчезает, всех этих игроков больше нет.

Что происходит, когда вы просыпаетесь утром от своих снов? Сомневались ли вы в сновидениях в том, что все, что вы видите, правда? Никто не может сомневаться во сне. Что бы ни пригрезилось во сне, в тот момент это кажется верным. Лишь утром, когда вы просыпаетесь, внезапно вы осознаете, что всю ночь вам снились вещи, которые не были истинными, которые были только порождениями ума, цветами в небе — вы понимаете Бодхидхарму: «Изначально нет ни единой вещи».

«... Посмотри, когда ребенок появляется, из утробы, читает он ли сутры или нет? В это время ребенок не знает, существует ли такая вещь, как природа будды. По мере того, как он растет и учится различным взглядам, он выходит в мир и говорит: «Я поступаю хорошо и понимаю». Но он не знает, что это вздор и заблуждение.

Из шестнадцати способов или фаз действия детский способ лучший. Пора детскою лепета сравнима с искателем, когда он оставляет ум, разделяющий и выбирающий. Вот почему ребенком восхищаются. Но если ты возьмешь это сравнение и скажешь: «Ребенок есть путь» — люди нынешних дней поймут его неверно».

И это истинно даже сегодня.

Когда я говорю вам: «Будьте ничем» — я говорю, другими словами: «Будьте просто новорожденным ребенком, чистым сознанием, не разделенным на известное и неизвестное. Сознание ребенка чисто. Оно не знает ничего, оно даже не знает того, что оно есть».

Вы, наверное, слышали, как маленькие дети говорят о себе в третьем лице. Они могут сказать: «Ребенок голоден. Ребенок хочет пить». Для того чтобы выросло «я», потребуется еще немного времени. Обществу понадобится, по меньшей мере, три-четыре года для того, чтобы создать это, чтобы ребенок начинал говорить «я» — чтобы вместо «ребенок голоден», он говорил «я голоден». И в тот момент, как ребенок скажет: «Я голоден» — он больше не ребенок. Он вступил в мир, он усвоил определенный этап обучения.

Но согласно дзен вы еще раз должны стать в точности как ребенок. Это второе детство - есть величайшая возможная революция.

Иисус прав, когда он говорит: «Пока вы не родитесь снова, вы не поймете истины». Он семнадцать лет путешествовал по Востоку, и он собрал многое. И это на самом деле было проблемой, из-за которой евреи не могли принять его. Он говорил на языке, который был им чужд. Он придал старой еврейской традиции неслыханную интерпретацию, которую он принес с Востока.

А в то время весь Восток был полон вибрациями Гаутамы Будды. Всего пятьсот лет минуло с тех

пор, как жил Гаутама Будда, и его вибрации все еще витали в воздухе. И по всей вероятности, Иисус посещал не только Индию и Тибет. В Японии есть место, где, как говорят, он побывал. В Библии эти семнадцать лет полностью пропущены. Никаких других аргументов не слушали, поскольку это могло бы нарушить все то, что до сих пор удавалось поддерживать как Святую Библию.

Иисус находился под сильным влиянием учений Будды. Это учение: «Пока вы не родитесь снова» — имеет вкус Гаутамы Будды, который постоянно учил, что вы должны отбросить все то, что было сказано вам, вы должны забыть все то, что было заложено в вас. Гаутама Будда принес миру первую депрограммирующую философию. А когда вы полностью депрограммированы, кто вы? — просто чистое ничто, просто молчание. Все слова были заимствованы, все сутры были даны вам, все религии были привиты вашему уму. Вы не христианин, и вы не индуист, и вы не мусульманин. Вы были рождены просто как чистое сознание.

Вы должны обрести это чистое сознание снова. Это и есть рождение снова. И это второе рождение приносит будду, чистое сознание, сознание, которое не знает границ; поэтому оно и не может называть себя «я». Сознанию, которое стало единым с целым, нечего сказать.

Будда, когда он стал просветленным, семь дней оставался в молчании, не зная, стоит ли говорить об этом. «Высказанное любым возможным образом», — размышлял он, — «это будет неверно понято. Лучше оставаться в молчании». Но сострадающее сердце не могло успокоиться в молчании, видя, что каждому необходимо это исследование, эта экскурсия внутрь себя. «Я знаю путь, и если я промолчу, это будет преступно. Но если я выскажу что-нибудь, тогда тоже я не буду абсолютно прав, поскольку то, что за пределами слов, невозможно выразить в словах».

Итак, через семь дней сострадание взяло верх, и наконец он попытался. Сорок два года он продолжал говорить людям, и всегда разъяснял: «Не принимайте буквально того, что я говорю. Я хочу, чтобы вы испытали это. Только тогда вы поймете смысл — не слушая меня, но переживая это. Лишь испытав этот опыт, вы узнаете его сладость».

Бончо написал:

Река.

Одна долгая линия

среди снежных полей.

Жизнь это просто река, длинная река — долгая линия среди снежных полей. А что происходит потом? Каждая река, малая или большая, растворяется в океане; она находит себе дорогу без всякого проводника, без всяких сутр, без всяких мастеров. Она может блуждать, петлять, но, в конце концов, она достигает океана. И это достижение океана есть становление океаном. Это и есть рождение заново. Вот что мы подразумеваем под медитацией. Вот что мы подразумеваем под Манифестом дзен.

Каждой реке предопределено - однажды исчезнуть в океане. Идите танцуя, идите радостно. Нет необходимости беспокоиться, нет необходимости торопиться. Океан ждет — можете прожить свое время, но проживите его с радостью, без напряжения и беспокойства. Радуйтесь и

танцуйте, пойте и любите, и, в конце концов, вы исчезнете в океане. Океан всегда ждет вас. Хотя вы и вдали от океана, вы — часть его, всегда достигающая, всегда приближающаяся к океану. Каждый становится буддой, сегодня или завтра — а в неделе только семь дней, вы можете выбрать!..

Вопрос Маниши:

Возлюбленный Ошо,

Вильгельм Райх говорит в своей книге «Слушай, маленький человек», что он обнаружил, как человек высвобождает свою жизненную энергию, когда чувствует доброту и любовь; и он привлекает к себе эту энергию, когда напуган. Райх говорит, что он обнаружил, что эта энергия жизни, которую он назвал «оргон» - находится в атмосфере, снаружи тела. Он говорит, что добился успеха в ее наблюдении и изобрел аппарат, который увеличивает ее.

Верны ли его наблюдения?

Маниша, Вильгельм Райх был одним из уникальных умов, рожденных в этом столетии. То, что он обнаружил, было известно на Востоке как аура.

Вы, наверное, видели ее вокруг статуй Будды, Махавиры или Кришны — круговая аура вокруг головы. Эта круговая аура реальна. То, что сказал Вильгельм Райх, было доподлинно верным, но люди, которым он говорил это, были не теми людьми, которые могли бы понять его. Они считали его сумасшедшим, потому что он описывал жизнь как энергию, окружающую тело. Это именно так и есть.

Жизнь — это энергия, которая окружает ваше тело. Не только ваше тело, но цветы, деревья... все имеет свою собственную ауру. И эта аура, эта энергия, окружающая вас, сжимается и расширяется в различных ситуациях.

Любую ситуацию, в которой ваша энергия сжимается, следует считать плохой, нездоровой. И каждую ситуацию, в которой ваша энергия расширяется, следует приветствовать и любить. В любви ваша энергия высвобождается, вы становитесь более живыми. А когда вы в страхе, ваша энергия сжимается, вы становитесь менее живыми.

Несчастливого Вильгельма Райха американцы считали сумасшедшим, потому что он не только увеличивал эту энергию — он открыл несколько упражнений, в которых эта энергия увеличивается — он даже улавливал эту энергию в специальные ящики, большие ящики, в которые мог войти человек. И если человек был болен, он выходил исцеленным. Естественно, Райха должны были считать ненормальным. Он продавал эти ящики, пустые ящики — но они были не пусты. Он открыл способы собирать энергию, которая была в атмосфере. Вы можете обнаружить эту энергию струящейся вокруг дерева, но вы не увидите ее невооруженным глазом.

После того как он был объявлен сумасшедшим и заключен в тюрьму, еще одному человеку в Советском Союзе удалось сфотографировать ее. И теперь психология в Советском Союзе признала, что жизнь имеет ауру. Этот человек, Кирлиан, разработал специальную чувствительную пластинку для фотографирования ауры.

Он мог сфотографировать руку, и на снимке вокруг руки была видна аура. Самым загадочным образом его фотографии даже выявляли, заболит ли человек в течение шести месяцев: «Непосредственно сейчас он не проявляет никаких признаков болезни, но его аура деформирована в определенной точке...» Если в определенной точке аура сжимается, человек может оглохнуть, или ослепнуть — если аура деформирована в области глаз. И все его фотографии доказывали свою правоту. Когда он говорил; «У этого человека есть опасность потери зрения» — признаков не было видно, не было причины верить этому, но в течение шести месяцев человек становился слепым.

Теперь в советской психологии фотография Кирлиана признана официально. Она распространяется также и в других странах.

Человека можно вылечить до того, как он заболит. Фотография Кирлиана предупреждает события заблаговременно. Она прогнозирует, что произойдет, по меньшей мере, на шесть месяцев вперед.

На Востоке столетиями было известно то, что перед смертью — за шесть месяцев — вы становитесь, не способны увидеть кончик своего носа. Из-за того, что ваши глаза начинают обращать кверху, они не могут видеть на кончик вашего собственного носа. Как только вы поймете, что не можете увидеть кончик своего носа, это означает, что в течение шести месяцев ваша энергия будет сжиматься, возвращаться к своему источнику. И безо всякой фото-технологии аура признавалась йогами уже пять тысяч лет. Но теперь она может быть принята на научных основаниях.

Гений Вильгельма Райха уникален. Он сумел увидеть и почувствовать то, что обычно невозможно.

Но если вы очень медитативны, вы начнете видеть ауры людей, даже свою собственную ауру. Вы увидите вокруг собственной руки лучи света, сияние. И когда вы здоровы, вы чувствуете, что ваша аура расширяется. Когда вы больны, вы чувствуете, что ваша аура сжимается — что-то сжимается внутри вас.

Когда вы находитесь рядом с больным, у вас появляется странное ощущение, что он каким-то образом делает больным и вас, потому что больной, сам того не зная, эксплуатирует ауру других. Ему необходимо больше жизни, поэтому он берет жизнь у каждого, кто находится поблизости.

И вам известно по опыту, без понимания, что бывают люди, которых вы стараетесь избегать, потому что, встречаясь с ними, вы болеете, встречаясь с ними, вы чувствуете, как что-то отбирается у вас. А бывают люди, с которыми вы встречаетесь с радостью, потому что, встречаясь с ними, вы чувствуете расширение, вы чувствуете больше жизни.

Вильгельм Райх был прав, но, к несчастью, массы никогда не принимают своих собственных гениев; наоборот, они осуждают их. Поскольку Вильгельм Райх прав, каждый представляется почти что слепым. В гневе он написал книгу «Слушай, маленький человек». Но это замечательная книга, а его гнев можно простить, потому что с ним плохо обошелся «маленький человек», массы. Его сначала посчитали сумасшедшим, потом упрятали в сумасшедший дом; он умер в сумасшедшем доме.

На Востоке он мог бы стать Гаутамай Буддой. Он обладал таким качеством, таким прозрением. Но глупое общество, общество самых маленьких людей, мелочных... неда-леких людей, которые не способны воспринять безграничное, которые не способны воспринять мистическое.

Вся атмосфера наполнена жизнью. И если вы поймете свои собственные истоки жизни, вы вдруг осознаете то, что птицы живые, деревья живые, травы живые — повсюду жизнь! И вы можете танцевать с этой жизнью, вы можете вступить в диалог с атмосферой. Конечно, люди подумают, что вы сумасшедший, ведь люди по-прежнему те же самые. Те же люди распяли Иисуса, те же люди посадили Вильгельма Райха в дом умалишенных, те же люди отравили Сократа... однако этих маленьких людей большинство.

Гнев Вильгельма Райха справедлив, но все же я должен сказать, что более чем гнев, маленькому человеку необходимо сострадание. Он разгневался, потому что они плохо обошлись с ним, они разрушили всю его жизнь. Вместо того чтобы понять его — он мог бы раскрыть новую дверь к переживанию, к любви, к жизни — они совершенно уничтожили этого человека. Естественно, он разгневался.

На Востоке есть такие же маленькие люди, но вос-точный гений никогда не гневался на них. Вместо того чтобы гневаться, он проявлял сострадание, он чувствовал сострадание к их слепоте и старался всеми путями донести до них свет, донести до их сердец немного понимания.

Время Сардара Гурудаяла Сингха...

Преподобный Рамп был крайне взволнован, потому что в его церковь привезли новый орган. Огромная толпа собралась снаружи понаблюдать за тем, как орган медленно поднимают с платформы.

Вдруг один из рабочих выпустил из рук веревку, и орган начал падать прямо на преподобного Рампа, который стоял внизу. Лишь в последнее мгновение Хэмиш Мак-Тавиш оттолкнул священника в сторону и остановил орган, прежде чем тот разбился о землю.

— Благословляю тебя, сын мой, — выдыхает преподобный Рамп, поднимаясь с земли. — Ты спас меня! Когда ты пойдешь в церковь в следующее воскресенье, можешь прийти и поиграть на этом новом церковном органе!

— Ах! — вздыхает Хэмиш. — Мне нет необходимости ходить в церковь, отец.

— В самом деле, сын мой? — спрашивает Рамп. — Почему?

— Видите ли, отче, — отвечает Хэмиш, — у меня дома есть своя собственная церковь.

— В самом деле? — спрашивает священник. — Что ты имеешь в виду?

— Да, — поясняет Хэмиш. — это так. Вся моя семья проживает в одной комнате, поэтому у нас трехъярусная кровать. Детишки на верхнем ярусе поют весь день, как маленькие ангелочки. На среднем ярусе моя теща проповедует день и ночь, грозя десятью заповедями и гневом Божьим. А на нижнем ярусе мы с женой — играем на моем органе!

В теплые морские воды африканского побережья заплывают ненароком четыре громадные

акулы — Джавс, Тофи, Манч и Мальш Белч. Их разговор, естественно, обращается к излюбленной радости — еде.

— Лучшую в мире пищу можно найти у берегов Австралии, — говорит Джавс, самая большая акула, — меню из молодежи — спортсменов с нежными мышцами и хорошо подрумяненной на солнце кожей.

— Да, это отлично, — отвечает Тофи, большая белая акула, — но еще лучший деликатес можно встретить у Канарских островов. Пляжи битком набиты упитанными, жирными немецкими туристами. Как будто масло тает у тебя на языке!

— Неплохо, — прерывает Манч, старшая акула, — но за все мои долгие годы лучшими обедами меня радовали летние воды Майями Бич. Это место наполнено политиками с их разбухшими печенками, вымоченными в роме или вине — и совершенно бесхребетными!

Потом старый Манч поворачивается к младшему в группе, мальшу Белчу. Он слышит странный звук, выходящий из брюха Белча, и спрашивает:

— Эй, малыш! Что это за шум у тебя из брюха? Где ты питаешься?

— Ох! — стонет Белч. — У меня расстройство желудка. Вчера я отправился завтракать на побережье Гоа — и эти странные люди, которых я там сожрал, не перестают петь и танцевать!

Миссис Нора Боне среди ночи звонит по телефону ее сын Билли, который как раз в этот день женился и находится в отеле для молодоженов.

— Мам, — всхлипывает Билли упавшим голосом в телефонную трубку, — у нас проблемы в спальне!

— В чем дело. Билли? — спрашивает Нора Боне встревоженно.

— Знаешь, мам, — жалуется Билли, — Нелли лежит голая на кровати и тяжело дышит... — я не знаю, что делать!

— Это же совсем просто, Билли, — выпаливает Нора Боне, движимая материнской любовью, — спусти с себя кальсоны и вложи самую твердую часть своего тела в то мес-то, где у Нелли, твоей жены, ну ты знаешь... где она пи-пи!

— Ага, я понял! — кричит Билли. — Спасибо, мам! — и он кладет трубку.

Миссис Нора Боне глубоко вздыхает, качая головой, и отправляется спать. Но через пятнадцать минут телефон звонит снова. На этот раз — Нелли Боне, ее новая невестка.

— В чем дело теперь? — интересуется Нора Боне.

— Это все ваш сын, Билли! — кричит Нелли. — Он зачем-то засунул голову в унитаз!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны... Закройте глаза... и почувствуйте свои тела совершенно застывшими. Это подходящий момент, чтобы войти внутрь.

Соберите все свои энергии, свое тотальное сознание, и устремитесь к центру своего существа, точно на два дюйма ниже пупка, внутри вас — к центру хара — с такой настоятельностью, как будто это последний миг вашей жизни.

Быстрее и быстрее... Глубже и глубже...

Когда вы приближаетесь к центру своего существа, великое безмолвие нисходит на вас, покой, какого вы никогда не знали, и свет заполнит вас изнутри.

Из истинного центра вы можете делать одну вещь, которая невозможна в противном случае, это - свидетельство.

Свидетельствуйте то, что вы не тело.

Свидетельствуйте то, что вы не ум.

Свидетельствуйте то, что вы только свидетельствующее сознание, чистое сознание, вечное, бессмертное.

Это и есть ваше существо и существо каждого.

Чтобы углубить это свидетельство, Ниведано...

Расслабьтесь... но помните источник хары, — истинный

источник вашей жизни, — и вы будете осыпаны цветами.

Вы сливаетесь в сознание, которое огромнее, чем вы.

Аудитория Гаутамы Бумы становится океаном сознания.

Десять тысяч будд больше не десять тысяч, но одно

недвойственное, чистое сознание без всякой ряби.

Это ваша природа будды. Из этой природы будды

происходит весь экстаз, все благословение, все блаженство.

Это только опыт — он должен стать самой вашей жизнью.

Вы должны быть буддами круглые сутки, бдительными,

осознающими, сострадательными, любящими, радующимися

жизни, остающимся в танце.

Дзен — это не отречение, это радость. Это манифест танца

и празднования.

Соберите все эти переживания, которые происходят внутри

вас, вы должны привнести их в свою ежедневную жизнь. И

попросите пламя, которое символизирует образ Гаутамы

Будды, прийти за вами. Образ Гаутамы Будды — это

изначальное лицо каждого. Он придет с вами.

Он дожидался лишь вашей просьбы.

Сперва оно будет следовать за вами. Скоро вы обнаружите,

что вы следуете за ним. А на третьей стадии, окончательной

стадии, вы исчезаете, остается лишь будда.

Будда это ваше ничто, и это ваша полнота. Это ваша

целостность. Можете называть это любым именем, но

помните, оно универсально.

Оно не имеет ничего общего с вами и со мной.

Ниведано...

Возвращайтесь обратно... но возвращайтесь как будды — молча, умиротворенно, с грацией и красотой.

Просто несколько мгновений вспоминайте, где вы побывали, то пространство, куда вы входили, центр, которого вы коснулись, пламя, которое вы увидели.

Мало-помалу медитация становится самой вашей жизнью, самым биением вашего сердца. Тот день, когда вам не придется медитировать, самый благословенный день — вы есть медитация. Само ваше существо, все, что вы делаете или не делаете — это безмолвная, умиротворенная, любящая, пробужденная и осознающая себя вечность.

Это переживание — единственное священное переживание.

Это переживание напоминает снова ваше детство, чистое молчаливое сознание, радующееся всему, что оно делает. Вся вселенная становится празднованием, и жизнь больше не страдание. Каждое мгновение существования в вашем распоряжении, чтобы радоваться, петь, танцевать, любить и высвободить жизненные энергии.

УМ лишь думает, медитация живет.

УМ это очень маленькая вещь.

Медитация столь же безгранична, как целая вселенная.

Я учу вас безграничности, я учу вас вселенной, я учу вас

вечности.

Вы не есть то, чем вы кажетесь в зеркале, вы намного

больше. Вы безграничны, столь же безграничны,

как целая вселенная.

Это заявление есть Манифест дзен.

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Возлюбленный Ошо,

Монах спросил Дайтена, ученика Секито: «Как бывает, когда встречаешь личность-которая-внутри?»

Дайтен ответил: «Внутри больше никого нет». Монах спросил: «Что же есть внутри?» Дайтен сказал: «Не задавай этот вопрос».

Тогда монах спросил: «В океане несчастья болям глубоко. Из чего нам сделать лодку?»

Дайтен ответил: «Делайте лодку из дерева».

Монах сказал: «Если мы сделаем, сможем ли мы пересечь океан?»

Дайтен ответил: «Слепой все еще слеп; немой все еще нем».

В другой раз один монах прибыл из Кореи, чтобы повидать Дайтена. Когда монах раскатывал сбою циновку, чтобы совершить поклон, Дайтен сказал:

«Прежде чем ты покинешь свою страну, овладей одной-единственной фразой».

Монах не нашел ответа.

Тогда Дайтен вышел вперед и сказал: «Если ты спросишь об этой одной фразе, я отвечу двумя фразами».

БЕГСТВО ВОВНУТРЬ ЕСТЬ ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ

7 АПРЕЛЯ 1989 ГОДА АУДИТОРИЯ ГАУТАМЫ БУДДЫ, ПУНА, ИНДИЯ

Друзья,

Сначала вопросы от саньясинов.

Первый вопрос:

Вероятно, секс использовали некоторые мастера дзен — например, Икхю, — как способ трансформировать энергию. Впрочем, до сих пор ни один перевод этого не отражает. Похоже, ученики исключают из записей о своих мастерах любое упоминание о сексе из опасения, что их мастер был бы неверно понят. Не прокомментируешь ли ты?

Это долгая история...

Дзен перебирался из одной страны в другую, из одного климата в другой. Он был рожден в Индии.

Индуизм как таковой в своих ранних стадиях был очень естественным, очень экзистенциальным. Он не имел табу на секс, у его мудрецов и святых были жены. Безбрачие не было обязательным, оно приходило само собой через естественный сексуальный опыт. Индуизм в своих ранних стадиях был очень естественным, очень экзистенциальным подходом — почти как дзен.

Но была еще одна традиция, которая представлена джайнизмом. Это очень щекотливый вопрос, а историки почти безмолвствуют, потому что никто не желает поднимать спор. Спорить предоставили мне.

Джайнизм не является частью индуизма; он гораздо древнее его. При раскопках в Мохенджо Даро и Хараппе — оба эти места теперь в Пакистане — были обнаружены руины великих городов, и по всей вероятности, в этих городах были обнаженные статуи, подобные Махавире. И свастика, символ джайнизма, был также обнаружен при этих раскопках. Возможно, такие города существовали задолго до того, как индуизм вошел в эту страну. Индуизм не родная философия этой страны.

Неясно, как они были уничтожены людьми, которые жили в Хараппе и Мохенджо Даро. Но либо в результате естественной катастрофы, либо вследствие вторжения произошло нечто такое, что эти два города были разрушены семь раз. Было обнаружено семь слоев, в каждом из которых открывались более старые города, обладающие несомненными признаками того, что они не были примитивными, первобытными. Они были столь же развиты, как и современный город.

В них были дороги в шестьдесят футов шириной, такие же широкие, как в любом современном городе. Это указывает на изобретение этими людьми транспортных средств, иначе не было бы нужды в таких больших дорогах. Они использовали удивительный метод подведения воды в дома. Они строили огромные резервуары на возвышении, чтобы вода могла течь без всяких механизмов в направлении города. У них были плавательные бассейны и, что довольно странно, они имели встроенные ванны, что демонстрирует очень высокую культуру.

Джайнизм никогда не показывал, что он относится к индуизму. Весь его подход отличается. Самое вероятное, джайнизм происходит от культуры Хараппы и Мохенджо Даро, которая была уничтожена либо естественной катастрофой, либо захватчиками из Монголии.

Все арии, — а индусы основные потомки ариев, евро-пейцы, славяне, англичане — все они пришли из Монголии. Их истоки восходят к одному и тому же месту в центре Монголии. Им пришлось покинуть это место из-за перенаселенности. Они распространились во всех направлениях, и одна из ветвей осела в Индии. Похоже, что эти арийские завоеватели полностью стерли местную культуру. Возможно, оставалась небольшая часть, которая почти слилась с ней.

Джайнизм не имеет ничего общего с индуизмом. Его язык иной, его концепция мира иная, у него нет Бога. Он не имеет никакой системы йоги, он не имеет никакой тантры. Он совершенно против секса, он подавляет секс. Но эта репрессивная традиция джайнизма повлияла на всю Индию.

Разумеется, их святые с виду были гораздо более святы, чем индуистские святые, которые были женаты, которые имели детей. И не только это, им позволялось иметь и наложниц. Эти святые были просто домовладельцами и жили в лесах, у них было то же имущество, что и у других. Фактически, у них было больше имущества, чем у обычных людей, потому что тысячи учеников несли им подарки. Каждый пророк становился почти, что университетом в себе. Вокруг него процветали сотни учителей, учеников, посетителей. Но по сравнению с джайнским святым, эти индуистские святые выглядели очень заурядными.

Благодаря этому сравнению индуизм также заразился идеей сексуального подавления. Так или иначе, вы можете увидеть прекрасные статуи мужчин и женщин в глубоком объятии, в различных позах даже в Кхаджурахо, Конарако, Пури. Таких прекрасных скульптур вы не сможете найти больше нигде. Эти храмы были индуистскими. Конечно, секс признавался индуистами — и не только признавался, но и сама Тантра, система трансформации сексуальной энергии, была разработана индуистскими святыми.

Джайнизм остался совсем маленьким потоком, но очень влиятельным. Это одна из самых важных вещей для понимания: чем более несчастен ваш святой, тем святее он кажется. Если святой счастлив, весел, любит жизнь и наслаждается всем тем, что существование предоставляет ему, вы не сможете считать его очень святым. Чтобы быть святым, нужно быть несчастным.

Говоря коротко, удовольствие в любом направлении осуждается. Джайнские святые выглядели более боже-ственно, более свято, и индуисты чувствовали, что им надо измениться — и со временем они изменились, но не сознательно. Они начали почитать подавленного человека. На Тантру было наложено табу, а индуисты совершенно потеряли ориентацию в своих собственных истоках. Это произошло снова, когда пришло христианство, и индуисты стали даже более подавленными.

Гаутама Будда — это первоначальный источник дзен. Он был рожден в индуистской семье, но жил совсем другой жизнью, нежели может быть жизнь обыкновенного человека. С самого его детства ему позволяли все, чего бы он ни захотел; его окружали прекрасные девушки; он был женат. Вся его жизнь до двадцати девяти лет была обрамлена наслаждениями, танцами, музыкой, женщинами, вином, потому что астрологи предсказали, что этот мальчик либо станет великим святым, либо станет великим завоевателем мира.

И разумеется, его отец был обеспокоен и озабочен — он не хотел, чтобы тот становился святым. Это был его единственный сын, и он хотел, чтобы он стал завоевателем мира. Он спросил

астрологов, как помешать ему, стать святым. Эти идиоты посоветовали окружить его удовольствиями: «Не позволяй ему узнать, что есть страдание. Не позволяй ему узнать, что есть болезнь, старость, смерть. Вообще не позволяй ему знать об этих вещах. Дай ему утонуть в музыке, в танце, окруженному прекрасными девушками. Выстрой три дворца в разных местах для различных времен года: дворец попрохладней для лета, дворец потеплей для зимы...»

И отец последовал всем инструкциям этих так называемых мудрецов; фактически, их совет сделал его святым. Двадцать девять лет непрерывной роскоши — он пресытился. И неожиданно, когда он увидел больного человека, это было шоком, потому что двадцать девять лет его предохраняли от знания о болезни, старости или смерти. И когда он увидел эти вещи... Как долго вы можете препятствовать ?

Даже двадцать девять лет его отцу, очевидно, было трудно устроить так, чтобы он не видел увядающего цветка, поблекшего листа, опавшего с дерева. Ночью сад нужно было очистить от всех мертвых цветов, мертвых листьев. Гаутама Будда не должен был узнать, что ждет его в конце.

Но именно это создало ситуацию, в которой он впервые почувствовал усталость, скуку... столько прекрасных женщин. К двадцати девяти годам он стал столь умудренным, каким человеку не стать и за триста лет. За двадцать девять лет он увидел всю роскошь, секс, распущенность. И когда он неожиданно узнал о старости и увидел, как несли тело умершего человека, он был потрясен. Он не был бы так потрясен, если бы с самого начала знал, что люди стареют — это естественно. Эти двадцать девять лет охраны оказались опасными.

Когда он увидел мертвого, он осведомился у своего возничего: «Что случилось с этим человеком?»

Возничий сказал: «Мне не дозволено... фактически, всему городу сказано, что ты проезжаешь этой дорогой, так что ни старика, ни больного, ни мертвого не должно было быть на этом пути. Как он попал... но я не могу быть лжецом: он умер».

И сейчас же последовал второй вопрос: «То же самое произойдет и со мной?»

И возничий сказал: «Не хочу говорить, но это правда, так происходит со всеми. Никто не исключение».

И тут он как раз заметил саньясина в оранжевой робе. Он спросил: «Что это за человек, и что это за одежда?..»

Возничий сказал ему: «Этот человек ищет вечное. Он пришел к осознанию того, что эта жизнь преходяща, создана из того же самого вещества, что и грезы. Поэтому он и начал поиск, чтобы посмотреть, есть ли внутри него нечто такое, что переживет даже смерть, или там ничего нет. Он исследователь».

Гаутама Будда собирался на открытие ежегодного праздника молодежи. Он велел возничему: «Отведи меня обратно домой. Меня больше не интересует праздник. Меня обманывали. Двадцать девять лет мне не позволяли узнать правду».

Той же ночью он бежал из дома. И из-за того, что он был пресыщен сексом, те, кто последовал за ним после его просветления, очевидно, посчитали секс опасным из-за того, что он удерживает вас привязанными к миру. Естественно, те, кто последовал за Гаутамой Буддой, стали избегать его.

Для Будды это было правильным, это не было бегством; он просто вышел из тюрьмы. Но для других это не было выходом из тюрьмы. Они даже и не жили в тюрьме, они не знали тюрьмы, они не изучали тюрьму. До их сознания не дошло то, что это была зависимость. Они просто следовали Гаутаме Будде. Для них секс стал подавленным, наслаждение стало оскверненным.

Но, к счастью, Бодхидхарма принес послание Гаутамы Будды в Китай. Там был другой климат. Климатом Китая было дао, а дао очень жизнеутверждающе. Поэтому в Китае произошел новый виток развития: встреча Бодхидхармы и дао; пришло совершенно новое понимание.

Дзен это не просто буддизм; фактически, ортодоксальные буддисты даже не считают дзен буддизмом, и они правы. Дзен это синтез прозрения Гаутамы Будды и реализации Лао-цзы, встреча подхода Будды, его медитации, и естественности дао.

В дао секс не является табу; дао имеет свою собственную тантру. Энергию секса не нужно разрушать или подавлять, это не ваш враг. Ее можно трансформировать, она может стать огромной помощью в поиске вашего высшего. Поэтому в дзен идея безбрачия была отброшена. На ней не настаивали, это было вашим выбором, потому что вопрос состоит в медитации. Если вы можете медитировать и жить своей жизнью естественным образом, в дао это приемлемо.

А затем произошло еще одно превращение: дзен добрался из Китая до Японии, где местная религия, синто, была очень естественной. Там он абсолютно утвердился, поэтому о нем даже не говорили. Не было необходимости, не было вопроса.

Ты спрашиваешь: Вероятно, секс использовали некоторые мастера дзен — например, Иккю, — как способ трансформировать энергию. Впрочем, до сих пор ни один перевод этого не отражает.

Это не означает, что секс был запрещен. Это было так естественно, что не требовалось обсуждать. Вы не обсуждаете мочеиспускание. Это не значит, что вы перестали мочиться. Вы начинаете что-то обсуждать лишь, когда начинаете идти против природы. Если вы естественны, обсуждать нечего. Жизнь для того, чтобы жить, а не обсуждать ее. Живите так глубоко и интенсивно, как это возможно. Известно наверняка, что Иккю использовал Тантру, как путь трансформации. Сексуальная энергия есть не что иное, как сама ваша энергия жизни, это лишь название. Можете назвать ее сексуальной энергией, но от того, что вы наклеили на нее ярлык «секс», она не становится другой, это энергия жизни. И лучше называть ее энергией жизни, потому что этот термин шире; он более содержательный, более исчерпывающий.

Когда вы углубляетесь в свой центр, этот опыт можно объяснить многими путями. Он может быть объяснен таким путем, как объясняли индуисты: это реализация окончательного, брахмабодхи. Но Брахма не личность. Слово опасно; оно дает идею, как будто мы разговариваем о личности. Брахма — это просто вся энергия существования.

Джайны назовут это самореализацией, атмабодхи, но их самость не является синонимом это. Это синоним Брахмы. Вас больше нет — в вашей самореализации вас больше нет.

Будда и Махавира были современниками, и Будда настаивал снова и снова, что если вас больше нет, тогда незачем называть это самореализацией. Это дает очень искаженное описание. Называйте это «реализацией не-личности». Но у Махавиры есть свои причины не называть это «реализацией не-личности» — люди пугаются «реализации не-личности»; если вы превратитесь в ничто, то лучше уж оставаться чем-то. И Махавира знал, что не имеет значения, назовете ли вы это самореализацией или нет, — вы исчезнете. Но сохраняйте позитивное слово, которое более привлекательно.

Я вижу в этом сострадание Махавиры, но я также вижу и истинность Будды. Он говорит «Если это действительно «реализация не-личности», тогда назовите это тем, чем оно является. Не обманывайте людей».

Тантра назовет это самадхи.

Наименования различаются, но это сама жизнь, чистая жизнь без всякой грязи. Если вы достигли своего центра, вы можете мыслить разными категориями. Вы можете использовать метод йоги, и тогда вы можете сказать, что это истинный центр вашего существа: самбодхи. Вы можете использовать метод тантры, и тогда вы можете сказать, что это центр вашей сексуальной энергии. А сексуальная энергия в тантре эквивалентна энергии жизни. Все эти слова заставляют людей попусту дискутировать и дискутировать.

Реальность едина. Лучше пережить ее в виде опыта.

Мастера дзен не говорят о сексе по той простой причине, что дзен это самое естественное явление. Он не против жизни, это не бегство. Но большинство дзенских мастеров оставили жизнь домовладельцев. Утомленные, не найдя ничего в миру, они удалились в горы. Это было не против мира, дело было просто в том, что горы оказались более тихими, более умиротворенными. Они предоставляли вам быть собой без всяких помех.

Секс не упомянут в записях просто потому, что нет причины писать о нем; он принимается. Если человек испытывает это переживание, и приходит время, когда он вырастает из него, тогда нет смысла продолжать и продол-жать испытывать его с усталостью и отвращением. Пока оно прекрасно, наслаждайтесь, а когда оно становится утомительным, неприятным явлением, просто оставьте его другим. Но нет причины осуждать его.

Естественный человек просто покидает очередной этап без осуждения. Он прожил жизнь, он узнал жизнь, теперь он хочет узнать нечто большее. Он хочет узнать нечто вечное. Он произвел детей, теперь он хочет знать, кто он в своей сокровенной сущности. Он жил внешним миром, он был Зорбой. Теперь пришло время обратиться вовнутрь. Внешняя реальность была исследована без всякого подавления, и однажды вы естественным образом обращаетесь вовнутрь.

Именно этот запрет, это репрессивное мышление принуждает вас постоянно думать о сексе, потому что вы так и не прожили его. Ваше христианство, ваш джайнизм не разрешали этого, или разрешали, но затем создавали в вас чувство вины — что вы делали нечто такое, чего делать не должны. Тогда вы живете лишь наполовину. А если нечто прожито наполовину, вы никогда не

превзойдете, никогда не выйдете за пределы этого.

Танцуйте до тех пор, пока не остановитесь авто-матически.

Проживите все в жизни так, чтобы вы смогли выйти за пределы радостно, без всякой вины. Это трудно для людей, которым было привито подавление: секс не должен упоминаться; смерть не должна упоминаться.

Секс и смерть это два пункта: один — начало, другой — конец. Людям не позволяют их осознать. Говорить о сексе грязно; о смерти — опасно и мрачно... не говорите об этом. Умирает всегда кто-то другой, не тревожьтесь. Но в реальности вы рождаетесь из секса, и вы умираете. То, что рождено из секса, обязательно исчезает в смерти. Секс и смерть — два полюса одной и той же энергии. То, что возникает в сексе, исчезает в смерти. И оба они должны быть поняты, потому что они являются самыми важными точками в вашей жизни, и оба они должны быть приняты и прожиты.

Но такие религии как христианство и джайнизм очень репрессивны. Само это подавление делает людей вино-ватыми, грешниками. Они не могут прожить свою жизнь тотально, интенсивно, они не могут медитировать, поскольку первое условие медитации — это быть тотальным, быть тотальным во всем. Тогда все становится медитацией. Если вы тотальны, даже занимаясь любовью, тогда она становится медитацией.

Мое собственное понимание медитации таково, что в начале это, наверное, произошло с кем-то во время занятия любовью, потому что это, похоже, единственная вещь, в которой вы можете приблизиться к такой тотальности, что время останавливается, ум останавливается, и все становится абсолютно молчаливым.

Но такое молчание может быть создано также и медитацией. Благодаря сексу известен тот секрет, что если нет времени и нет ума, вы вошли в предельное. Посредством секса вы входите туда на одно мгновение и снова отступаете в преходящее. Через медитацию вы можете оставаться в предельном, двадцать четыре часа в сутки в оргазмической радости. Каждое ваше мгновение становится танцем. Если вы знаете, что вас нет, вам нечего бояться. Если вы знаете, что вы есть целое, вам нечего терять. Мастера дзен не говорили о сексе, просто потому что его считали само собой разумеющимся.

Один из наших саньясинов работал с Джоном Стивенсоном, автором книги «Одна роба, одна чаша». Он утверждает, что обнаружены древние рукописи, никогда прежде не публиковавшиеся, в которых мастера дзен рассказывают о сексе как инструменте для трансформации. Он собрал из этого материала книгу, которую назвал «Вож-деление к дзен». Он предчувствует, что собирается «повсе-местно расстроить буддистов» публикацией этого материала.

Делайте это побыстрее, потому что, не расстраивая людей, очень трудно привести их к устойчивости. Сначала расстройте их, только тогда могут они утвердиться в задзен.

Но нет ничего обидного для настоящих мастеров дзен; расстроить можно только буддистов. Буддисты Индии будут расстроены, потому что они позаимствовали идею подавления секса у джайнизма, у индуизма и из собственного опыта Будды.

Но вы не можете позволить себе опыта Будды, потому что сначала он был Зорбой. Даже Зорба не был Зорбой настолько, как Будда. Его отец собрал всех прекрасных девушек со всего своего царства... и он устал.

Однажды ночью после обильных возлияний и танцев все уснули. Он посмотрел вокруг — эти прекрасные лица... Пена текла с их губ, их косметика была нарушена, причёски сбились... и это внушало отвращение. Но опыт такого рода доступен не каждому. Он должен быть доступен каждому, и тогда к тридцати годам каждый убежит от мира. Но это бегство будет не из страха.

Такому бегству (escape) необходимо новое название. Это — бегство вовнутрь (inscape). Человек жил снаружи, теперь он хочет жить внутри. Человек устал от повторения, но из-за вины, жизнеотрицающих религий, господствующих над человечеством, никто никогда не приходил к медитации через свою любовную жизнь. Никто не приходит к оргазмическому опыту, в котором время останавливается, в котором ум останавливается, в котором внезапно новое небо раскрывается вам.

Тантра в Индии пользовалась этим методом. А в Китае дао пользовалось своей собственной, другой техникой тантры, чтобы привести людей через сексуальный опыт к медитативному состоянию. Но нет необходимости в том, чтобы вы приходили к медитативному состоянию через сексуальный опыт. Вы можете прийти напрямик, непосредственно... в это самое мгновение, через медитацию.

Секс это длинный путь. Нет ничего неправильного в том, что кто-то избирает длинный путь; если он получает удовольствие от путешествия, в этом нет вреда. Но если кто-то хочет идти напрямик, короткий путь доступен в медитации. Это на самом деле достижение того же самого опыта, но коротким путем.

А что касается моих саньясинов, не нужно отрекаться от какой-либо вещи, пока она сама не отречется от вас. Многие вещи будут отвергать вас. Со временем вы начнете замечать: «Стоит ли продолжать играть в эти игры?..» Рано или поздно вы будете сидеть молча, не делая ничего, радуясь окончательному уничтожению, исчезновению в океане, утрате всех своих границ.

Второй вопрос:

Прошлым вечером ты сказал, что абсолютное нельзя определить никакой системой. Однако, в условиях относительного господства жизни на земле, не являются ли семена и времена года частью различающего механизма, через который проявляется это существование?

Когда вы говорите «относительное», этим относительным можно определить все, но это так и останется

относительным определением.

Я говорил об абсолютном, где все определения исчезают, где вы смотрите в лицо хаосу — нет способа

привести его в порядок.

Но в относительном мире... Вот почему Альберт Эйнштейн ввел слово «относительность» в науку. Теория относительности — это великое понимание того, что наука имеет дело с относительным, а относительное можно определить. Вы можете сказать: «Это ночь», — и вы можете сказать: «Это день», — но в окончательном - ночь исчезает в дне, день исчезает в ночи. В окончательном, рождение и смерть — одно, оба они происходят из одного и того же источника. Вот волна поднимается в океане; вы называете это рождением, а потом волна исчезает в океане, и вы называете это смертью.

В относительном вы можете назвать это рождением чего-то и смертью чего-то, но в абсолютном ничто никогда не рождалось и ничто никогда не умирает, все просто есть. Эта «есть-ность» до того огромна, что она вмещает все противоречия.

Только один человек этого столетия, Уолт Уитмен, великий поэт, в своей поэзии пришел к пониманию этого. Снова и снова люди говорили ему: «Вы противоречивы. В одном стихотворении вы говорите одно, в другом — другое».

В конце концов, он сказал: «Я достаточно обширен, чтобы вмещать противоречия». Прекрасное выражение дзен: «достаточно обширен, чтобы вмещать противоречия». Каждый поэт, каждый музыкант, каждый любящий и каждый творец знают, что в существовании противоречия встречаются.

В существовании вы не можете делать четких разделений, все тает одно в другом. Это единство выражается миллионами путей: как человек, как роза, как рыба... это одна и та же жизнь. И в этом тайна жизни — то, что она может стать розой, и может стать рыбой, и может стать человеком, и может стать буддой.

Эта возможность вечных проявлений, бесконечных проявлений делает жизнь радостью, песней, стоящей того, чтобы жить. Если все объяснить, жизнь станет очень ограниченной, очень мелкой, не стоящей того, чтобы жить. Это таинственность — вы можете, осознавать ее или нет, но если вы осознаете, то можете радоваться в ней полнее. Именно таинственность жизни, ее непознаваемость, ее непредсказуемость, делает ее такой яркой. Если все станет предсказуемым, математическим, логическим, жизнь утратит всю свою славу и великолепие.

Говоря о противоречиях, мне хочется, чтобы вы знали: вы радуетесь лишь тем вещам, которые за пределами вашего понимания. Если вы поняли их, вы покончили с ними. Вы не можете покончить с любовью, потому что вы никогда не сможете понять, что это такое; она остается тайной. Как только вы узнали формулу любви — это совсем как H₂O — вы покончили с ней. Как только вы узнали точное определение медитации, вы покончили с ней.

Неопределенность привлекает. Жизнь остается тайной, вопреки всем философам, всем теологам, всем ученым, делающим все, что в их силах, чтобы разрушить тайну. Она остается таинственной, и никто не разрушит ее тайны, потому что никакая система не сможет вместить ее. Она так огромна, что наши системы очень малы в сравнении с ней. Наши системы вынуждены быть такими же, как наши умы, а наши умы невелики.

Небольшие компьютеры могут делать работу, которую выполняет ваш ум, более ясно, более

точно, более надежно. Один компьютер может проделать работу тысячи человек, и вы можете держать компьютер у себя в кармане. Вы можете держать тысячи умов в своем кармане. Один компьютер может вместить всю Британскую энциклопедию.

В моей деревне был один замечательный идиот...

Он был так замечателен; мне никогда не встречался ни один идиот его качества. Он читал только словари, и он так хорошо ознакомился со словарями, что не знал ничего, кроме словарей. Он не смог бы составить ни одного предложения, но мог повторить целый словарь.

Обычно он писал письма президенту, премьер-министру губернатору, и он показывал мне свои письма — десять страниц, двадцать страниц словаря... только слова. Вы не смогли бы найти никакого смысла в том, что он писал, потому что там не было ни одного предложения.

Он часто говорил: «Что происходит? Я продолжаю писать этим людям — никто мне не отвечает».

Я отвечал: «Никто не понимает твоих писем, они так таинственны. Сделай одну вещь». — Он принес письмо в двадцать страниц, которое он написал Пандиту Джавахарлалу Неру. Я сказал: «Напиши небольшой краткий пересказ — полстраницы, или просто существенные пункты».

Через семь дней он заявил: «Это невозможно. Я не могу сделать краткого пересказа, потому что сам не знаю, что я написал. Я пишу только словари. Как же кратко изложить это? Что оставить, а что выбросить?..»

Тогда я сказал: «Отсылай все письмо, но знай, что никто тебе не ответит».

Как-то раз в деревню прибыл губернатор, и я сказал этому пандиту — он был брамином: «Это хороший шанс. Ты писал столько писем губернатору — я могу устроить прием для тебя, так что ты спросишь его прямо».

Он сказал: «Я очень волнуюсь. Фактически, я и сам уже забыл, что писал ему, ведь я написал столько писем. Но я могу взять весь словарь, из которого я брал все эти письма».

Я сказал: «Пойдем со мной».

Я знал губернатора. Это был пожилой человек, Мангалдас Пакваса, и он очень любил меня. Обычно я останавливался в его доме в Бомбее.

Я отвел этого человека к Паквасе и сказал ему; «Этот бедняга все время пишет тебе письма, а ты никогда не отвечаешь ему».

Он сказал: «Так это тот парень? Я хочу посмотреть на него. Он что, сумасшедший? Он сводит меня с ума! Даже смотреть на его письма... я тут же выбрасываю их прочь. Сперва я пробовал, было читать их, но там только слова и слова — нет смысла, нет предложений, нет связи между словами».

Я сказал ему: «Он принес всю свою книгу. Это книга, из которой он писал тебе письма».

Мангалдас Пакваса сказал мне: «Останови этого парня. Он дошел даже до премьер-министра и президента. Они спрашивали у меня: «Кто этот парень, который все время нам пишет?»»

Целый день его работой было писать письма, прекрасные письма, прекрасные слова. Но в словаре нет смысла. Вы должны составить небольшие предложения, которые будут относительными.

Относительное означает, вы можете сказать, что кто-то выше вас, но самой высоты нигде не существует. Кто-то может быть выше, чем вы, а кто-то может быть красивее вас, кто-то может быть сильнее вас. Но всегда помните — это относительно.

Если вы попытаетесь определить нечто без всякого сравнения, тогда что такое красота? Вы можете сказать: девушка прекрасна, но это всегда относительно. Может, вы и не задумывались, но подумайте: если эта девушка становится вашей женой, будет ли она по-прежнему действительно прекрасной? В глазах других людей — возможно, но не в ваших глазах. За два дня вы узнаете всю географию девушки, всю территорию... и тогда вы на крючке.

Фактически, все то, что вы говорите, относительно, ничто не абсолютно.

Махавира был так бдителен, что никогда не делал ни одного утверждения, не воспользовавшись словом «возможно». Он всегда говорит «возможно», перед каждым предложением — «Возможно...» — потому что абсолютно ничего не может быть сказано. Кто-то, возможно, прекрасен — но возможно, помните. Когда вы подходите ближе, вещи меняются; это зависит от расстояния.

Отсюда луна выглядит так красиво, но люди, которые достигли луны, наверное, очень расстроились. Они огляделись вокруг — там не было ничего, лишь голая земля. Не было даже травы, о розах и говорить нечего — ни воды, ни облаков, ни реки, ни зелени. Они не остались там надолго.

А ведь поэты тысячелетиями слагали песни о красоте луны. Это зависит от расстояния. Все становится прекрасным, если оно на расстоянии. Как только вы подходите ближе, ваше представление меняется.

Поэтому все может быть объяснено относительно. Но в абсолютном смысле все неопределенно, все таинственно. Вы любите кого-то, вы прожили с кем-то годы, но знаете ли вы на самом деле другого человека абсолютно? Не знаете. Вы не знаете даже себя, а вы были собой уже вечность. И даже сейчас... каждый день вы пытаетесь, но не можете сказать: «Я знаю себя».

В тот миг, когда вы достигаете глубин своего сознания, это так таинственно, что вы можете наслаждаться этим. Вы можете радоваться этому, вы можете танцевать, но вы не можете определить это.

Третий вопрос:

Прошлым вечером я слышал, ты говорил, что наша энергия базируется в центре хара, и

выражается через различные чакры в теле.

Традиционный дзен, кажется, делает ударение на задзен как на способе прийти в соприкосновение с этой энергией, тогда как ты позволял, даже поощрял своих учеников иметь больше свободы, чтобы исследовать различные пути выражения.

Любимый Мастер, не хочешь ли ты прокомментировать ?

Я вообще не традиционный человек. Я нетрадиционен во всех отношениях. Я не ограничен никакой техникой.

Дзен до некоторой степени ограничен техникой задзен. Задзен означает просто сидеть и ничего не делать. Это совершенно верно, но мой опыт заключается в том, что для современного человека самая трудная вещь — это просто сидеть и ничего не делать. Если вы попросите его отправиться на луну, он сможет. Если вы попросите его отправиться на Эверест, он сможет. Но просто сидеть? Это самое трудное дело. В конце концов, вы должны будете прийти к сути.

Я не имею ничего общего с традицией. Мой дзен абсолютно нетрадиционен. Сначала я заставляю вас прыгать, кричать, вопить и заниматься всевозможной тарабарщиной. Тогда, наконец, утомившись, вы можете несколько мгновений посидеть.

Я остановился в одном доме, и хозяин, мой друг, знакомил меня со своей женой и ребенком. Он сказал: «Этот ребенок — просто беда. Он не может посидеть тихо ни одной минуты. Он всегда чем-то занят — бегают...»

Я спросил: «А ты можешь? А твоя жена может просто сидеть и ничего не делать?»

Жена сказала: «Мы никогда не задумывались над этим, но это верно. Даже мой муж по выходным копается в машине без всякой необходимости. Она прекрасно работает, но муж пытается улучшить ее. И, в конце концов, ее приходится отправлять в ремонт. Ни он не может усидеть, ни я. И то же самое с нашим ребенком. Мы не осознавали. Вы заставили нас осознать, что неправильно требовать от него просто сидеть».

Я сказал: «Сначала позвольте ему обойти семь раз вокруг дома, и он будет сидеть тихо». — И я велел мальчику: «Обойди вокруг дома семь раз».

Тот спросил: «Зачем?»

Я сказал: «Просто сделай это семь раз. Прояви свою энергию».

Итак, он обошел семь раз вокруг дома, потом сел в саду очень тихо.

Я сказал его родителям: «Можете делать то же самое. Ходите вокруг дома, когда вам захочется посидеть. Сначала прыгайте, вопите, выбрасывайте весь мусор из головы».

Я имею дело с современным человеком, который является самым беспокойным существом из когда-либо существовавших на земле. Но люди становятся тихими, позвольте только им выбросить свое безумие, сумасшествие, и тогда они сами становятся тихими. Они начинают ждать того мгновения, когда я скажу: «Будьте безмолвны». Они устают от своей тарабарщины.

Они к тому же начинают понимать, что эта тарабарщина существует.

Обычно я проводил лагеря на горе Абу и использовал тарабарщину — не на две минуты, а на целый час. И было так радостно, когда я говорил людям: «Теперь можете замолчать».

А они делали такие вещи...

Один человек каждый день, когда только было можно... Мы обычно делали тарабарщину в полдень, и в то время как каждый сходил с ума, он принимался звонить по телефону — это было его специальностью.

«Алло!..» — а там не было никого. И он смотрел на меня, а я закрывал глаза, потому что ему было неловко. Там не было никого, никакого телефона. Но он был каким-то брокером, поэтому: «Алло...». И он отвечал за другого и говорил за двоих целый час... Ему надоедало, и он начинал швырять несуществующий телефон в меня, потому что его одолевала усталость.

Один час — а потом я говорил: «Будьте безмолвны». Он откладывал телефон и выглядел таким счастливым. А меня интересовало, сколько же он сможет проделывать это. Лагерь продолжался семь дней; на шестой день он перестал звонить по телефону. Он снял трубку, а потом положил ее обратно, видя тщетность этого. Но на это потребовалось пять дней.

Вы должны быть тотальными, в противном случае вещи остаются внутри вас. Вы должны опорожнить вашу непрерывную тарабарщину, которая продолжается внутри:

«Тра-та-та-тара-та-та...» Не делайте этого частично. Не заботьтесь о том, как выглядеть, потому что никто не смотрит на вас; каждый пребывает в своем собственном сумасшествии. Это подходящее время для того, чтобы вы говорили и делали все то, чего бы вы обычно не стали говорить.

Однажды на горе Абу был один из моих саньясинов, который обычно организовывал для меня автомобиль из Ахмедабада — и его друг во время медитации тарабарщины неожиданно вскочил, сорвал всю свою одежду и принялся толкать автомобиль к ущелью. Четыре человека вынуждены были помешать ему, иначе он сбросил бы автомобиль в глубокое ущелье. Когда ему помешали, он вскочил на дерево, голый, и принялся раскачивать ветви дерева, да так, что ветви затрещали! Все были обеспокоены: «Мы никогда не предполагали... этот человек всегда был в здравом уме».

Кое-как его удалось спустить вниз.

Когда медитация закончилась, он подошел ко мне со словами: «Пожалуйста, простите меня, но возможно, эти идеи были во мне — иначе зачем? Я никогда не делал такого прежде, я и представить не могу... Но в тот момент я хотел сбросить автомобиль в ущелье и разбить его».

Я сказал: «Вам надо обдумать это. Возможно, вы всегда завидовали автомобилю своего друга».

Он помолчал и сказал: «Возможно. В глубине так оно, очевидно, и было». — «А поскольку вам помешали сбросить автомобиль в ущелье, в своем гневе вы совершенно забыли, что были голым, и вскочили на дерево. И от гнева начали трясти целое дерево. Все это насилие вы, очевидно,

носили внутри себя. С таким насилием внутри как же вам сидеть молча?»

Современный человек — это самый беспокойный человек. И я имею дело с современным человеком — не с мертвецом из прошлого. Я должен изобретать пути и методы, чтобы вы могли стать безмолвными. В конце концов, цель именно эта — задзен. Но перед этим вам придется многое отбросить. Возможно, в прошлом, когда человек был намного более естественным, неподдавленным...

В Бирме по-прежнему есть небольшое племя в горах, которое никогда ни с кем не сражалось, которое никогда никого не убивало. Никто за всю его историю не совершил самоубийства или убийства. Они ничего не знают о Зигмунде Фрейде, но они знают психоанализ гораздо глубже, чем Зигмунд Фрейд.

Каждый человек в этом племени, если он видит сон, в котором он кого-то бьет, утром обязан признаться старшим, что побил кого-то во сне. Он должен описать этого человека, чтобы они смогли обнаружить, кто же тот человек, которого он бил. Потом он обязан пойти к тому человеку с плодами и сладостями и попросить прощения — хотя это и происходило во сне. Но это, очевидно, было в уме, в противном случае это не может произойти даже во сне.

В том маленьком племени нет ни насилия, ни войны, ни сражения... у них нет никакого оружия. Если это возможно в маленьком племени, это возможно на всем земном шаре. Если это возможно для одного человека, это возможно и для всего человечества. Нам просто нужно выбросить весь мусор, который входит в наши умы, в наши грезы. И это воздействует на наши поступки, наши позиции, наши несчастья, наш гнев, наше отчаяние. Лучше отбрасывать это прежде, чем оно воздействует на наши поступки,

В этом суть психологии, стоящей за медитацией: опустошить вас, создать в вас ничто. Из этого ничто расцветает окончательная радость, окончательное блаженство.

Сутра:

Возлюбленный Ошо,

Монах спросил Дайтена, ученика Секите: «Как

бывает, когда встречаешь личность-которая-внутри?»

Дайтен ответил: «Внутри больше никого нет».

Когда вы идете вовнутрь, вы не встречаете никакой личности, вы просто встречаете целое; вы просто встречаете безличное существование. Вы есть только на поверхности; когда вы идете глубже, вы исчезаете. Чем глубже вы идете, тем меньше вас. Лишь только когда вас нет, вы касаетесь настоящей глубины.

Вы не встречаете никакой личности, вы просто встречаете безличное существование.

Дайтен был прав, когда сказал: «Личности больше нет, когда ты идешь вовнутрь». Только когда вы не идете вовнутрь... это концепция, идея. Если вы остаетесь в уме, вы остаетесь личностью. В тот миг, как вы выходите за пределы ума, личность начинает таять. Приближается точка,

когда вас нет больше — есть все — вы становитесь одним с целым.

Монах спросил: «Что же есть внутри»? Если там нет личности, тогда кто там?

УМ не может представить себе ничто; он может представить только нечто ограниченное. Если нет личности, тогда кто же там есть? Бог?

Говорят, что Будда сказал: «Если вы повстречали меня в себе, немедленно убейте меня, немедленно отрубите мне голову! Из-за того, что вы полюбили меня, когда вы медитируете, образ вашего мастера может прийти к вам. Это только образ, не позволяйте этому образу помешать вам, встретиться с целым. Огрубите мне голову».

Монах спросил: «Что же есть внутри»?

Дайтен сказал: «Не задавай этот вопрос. Это единственный вопрос, на который нельзя ответить. Лучше войди и посмотри, кто внутри».

Дайтен очень ясный мастер. Не философствуя много, он просто говорит «Не задавай этот вопрос. Просто войди и посмотри».

Тогда монах спросил: «В океане несчастья волны глубоки. Из чего нам сделать лодку?»

Дайтен ответил: «Делайте лодку из дерева».

Монах сказал: «Если мы сделаем, сможем, ли мы пересечь океан?»

Дайтен ответил: «Слепой все еще слеп; немой все еще нем».

Он показывает его неудачу. Этот монах не может понять. Вам не нужно достигать другого берега океана, вы должны растаять в океане. Для того чтобы растаять, вам не нужна лодка. Другой берег будет точно таким же, как и этот. Вы можете переменить место, но это не изменит вашего внутреннего космоса.

Именно поэтому он сказал: «Что бы мастера ни говорили, люди по-прежнему остаются, слепы и немые». Они не меняются. Они продолжают слушать. Если это философия, они могут понять ее, но если это экзистенциальный опыт, они просто остаются слепыми, глухими и немыми.

Движение внутрь не философский вопрос. Кто внутри вас? Зачем спрашивать, если то, что внутри, принадлежит вам? Войдите и посмотрите, кто внутри. Вы не найдете никакой личности. Вы найдете чистое ничто, экзистенциальное блаженство, красоту, песню без звуков, великое опьянение, поразительный экстаз. Вы не найдете никакой личности, лишь переживания, но эти переживания будут трансформировать вас. Такие переживания преображают вашу индивидуальность, потому что теперь вы узнали, что внутри абсолютное молчание и нет никакой индивидуальности.

Тогда, если кто-то оскорбит вас, вы не почувствуете оскорбления, потому что вас не существует. Он бросает камни в ничто. Тогда даже в своей обыденной жизни вы будете действовать подобно будде — осознанно, бдительно, сострадательно.

В другой раз один монах прибыл, из Кореи, чтобы повидать Дайтена. Когда монах раскатывал свою циновку, чтобы совершить поклон, Дайтен сказал: «Прежде чем ты покинешь свою страну, постигни одну-единственную фразу».

Монах не нашел ответа. Он не смог понять того, что Дайтен сказал ему. Он говорит: «Прежде чем ты покинешь свою страну, постигни одну-единственную фразу!» Под «страной» он не подразумевает Корею. Он подразумевает: прежде, чем ты отойдешь от своей личности, границ, в которых ты жил, постигни одну фразу. Что же это за фраза?

Вместо того чтобы отвечать, монах оставался без ответа. Он не смог понять Дайтена. Такой одной-единственной фразой является задзен. Прежде, чем ты оставишь свою личность, и свою индивидуальность, и свой ум — вспомни — посидеть молча, не задавая никаких вопросов, не создавая никаких галлюцинаций и не вызывая никаких грез.

Просто пойми одно: сидеть молча.

По-японски это одно слово: «задзен».

Тогда Дайтен вышел вперед и сказал: «Если ты спросишь об этой одной фразе, я отвечу двумя фразами».

Он говорит, что если ты неходишь сам, а кто-то другой должен показать тебе путь, единство внутри становится двумя, двойственностью ума. Все, что говорится, двойственно; лишь то, что не высказано, недвойственно.

Ты говоришь «день» — и это подразумевает «ночь»; ты говоришь «жизнь» — и это подразумевает «смерть». Ты говоришь «мужчина» — и это подразумевает «женщина».

Ты говоришь «это» — и оно включает «то».

Ты не можешь высказать ничего без присущей ему противоположности. Но внутри ты можешь пережить единство без всякой двойственности — чистое безмолвие не против звука, красота не против уродства, истина не против лжи.

Функция мастера не в том, чтобы рассказать тебе, что внутри, а чтобы вести тебя внутрь, толкать тебя внутрь. Все, что высказано, помогает тому, что не может быть высказано.

Басе написал:

Дикая цапля,

спящая — безмятежное благородство.

Видели ли вы спящую цаплю? Басе говорит: безмятежное благородство. Это сказано о вас, когда с вами случается молчание — безмятежное благородство. Внезапно вы становитесь императором.

Прозрение дает вам целую вселенную. Оно отбирает прочь все то, что ложно, и дает вам все то, что истинно, все то, что красиво, все то, что благородно, все то, что есть сущая радость.

Такой человек, как Басе — человек глубокой медитации — начинает видеть это повсюду. Даже в спящей цапле он увидит безмятежное благородство. В полете дикой птицы он увидит необъятную свободу. В небе он увидит свое собственное ничто.

Он получит новый взгляд на все — даже дикий цветок станет более прекрасным. Иисус говорит: «Посмотрите на дикие лилии в поле. Они более прекрасны, чем даже царь Соломон во всем своем великолепии».

Соломон был древним еврейским царем великой красоты и великого понимания. Во всей святой Библии только его песня — «Песнь Соломона» — обладает некой истиной; все остальное заурядно.

Но Иисус говорит «Эти дикие лилии более прекрасны, чем даже великий царь Соломон во всем своем великолепии».

Для человека медитации все становится совершенно новым и свежим, молодым, живым. Он излучает любовь, сострадание и радость.

Вопрос Маниши:

Возлюбленный Ошо,

Филип Капло пишет в своей книге «Три столпа дзен»: «Стремление к просветлению усиливается с одной стороны, мучительным чувством внутренней скованности, — разочарования в жизни и страха смерти, - и с другой стороны, убежденностью, что через сатори можно обрести освобождение».

Филип Капло не понимает дзен как переживание. Его книга прекрасна, «Три столпа дзен» это хорошее интеллектуальное введение, но лишь интеллектуальное. Даже это утверждение показывает, что этот человек не понимает.

Дзен это не «стремление к просветлению». Дзен есть просветление; это не стремление. Но современный ум мыслит только в терминах стремления, мотивов, амбиций, желаний. Дзен не есть мотивация. Это не усилие достичь чего-то. У него нет цели, он не может иметь стремления.

Стремление к просветлению усиливается, с одной стороны... — во-первых, это не стремление, во-вторых, это не имеет ничего общего со скованностью, с разочарованием в жизни или страхом смерти. Дзен не имеет ничего общего со страхом и жадностью — в отличие от христианства. К несчастью, автор «Трех столпов дзен» перенес свою собственную обусловленность на совершенно другое явление. Дзен это не христианство.

Христианство это стремление к царству Божьему. Это страх ада и продиктованное жадностью стремление быть спасенным и допущенным в царство Божье и вечное блаженство. Христианство есть стремление. Но автор навязал дзен определение христианства. Это абсолютно неверно.

Дзен это очень простое явление: просто знать самого себя... здесь и сейчас. Это не мотивация идти куда-то, находить что-то — но просто-напросто познакомиться с самим собой. Это главное.

Вы есть — очевидно, вы должны знать, кто вы есть. Не нужно стремления, не нужно жадности, потому что вы не собираетесь становиться чем-то. Вы двигаетесь в бытие. Вы уже это, знаете вы или нет. Поэтому все, что вам нужно делать — это быть немного тише и смотреть вовнутрь.

Дзен не имеет ничего общего, Маниша, ни с каким побуждением, ни с каким страхом, ни с какой жадностью.

Время Сардара Гурудаяла Сингха. Включите свет!

Вилли Виер, бизнесмен средних лет, входит, ковыляя, к голливудскому хирургу Наткейсу.

— Доктор, у меня проблема, — сообщает Вилли Виер. — Видите ли, моя секретарша, Милли любит заниматься любовью. Каждое утро, когда я прихожу на работу, вместо того, чтобы поднести мне чашечку кофе, она бросает меня поперек моего письменного стола и со страстью любит меня! Потом, как раз перед ланчем, она наспех заталкивает меня в регистрационный кабинет. И перед моим уходом с работы в конце дня она всегда устраивает мне раскрутку на прощанье.

— Гм-м-м! — говорит доктор Наткейс. — Так в чем же заключается проблема?

— Ну, видите ли, доктор, — объясняет Вилли Виер, — моя жена, Дотти, просто нимфоманка. Каждое утро, прежде чем я встану, она прыгает верхом на меня, и мы возимся, пока не прозвенит будильник. Потом, когда я прихожу домой на ланч, ежедневно, дело у нас идет наскоро, пока я ем спагетти. А потом, каждую ночь у нас бывает целый марафон перед тем, как мы уляжемся спать!

— Гм-м-м! — говорит доктор Наткейс. — Все еще не вижу, в чем ваша проблема!

— Но, доктор, — поясняет Вилли Виер, — мне достаются головокружительные мгновенья лишь, когда я сам с собой!

В деловой части Лос-Ланоса, Калифорния, трое — черный Лерой, белый Джек Джерк и китаец Ха-Чу-Ву — повстречались в супермаркете. Все они совершали закупки на неделю и захватили с собой своих собак. Первый парень, Джек Джерк, похвально насчет своей собаки, Фифи:

— Моя собачка Фифи — самая разумная сучка в этом штате, — говорит Джек. — Она до того умна, что я могу сказать ей пойти и взять упаковку шоколадного печенья, съесть половину, а остальное принести мне! Джек тут же щелкает пальцами, и Фифи прыгает и исчезает среди полок. Через минуту Фифи возвращается, виляя хвостом, с половиной упаковки шоколадного печенья в зубах.

— Впечатляюще! — говорит Ха-Чу-Ву. — Но взгляните на мою собачку, Чу-Ю! Это самый разумный пес на свете! Ву командует своей собаке пойти, и взять бутылку молока и пустой

стакан. Чу-Ю бросается и возвращается через несколько мгновений, наливает молоко в стакан и ставит, помахивая хвостом.

— Это все ерунда, — говорит Верзила Черный Лерой. Потом он поворачивается к своему большому черному псу по имени Рембо и кричит:

— Взять, Рембо!

Рембо медленно поднимается с пола, где он спал, подходит, выпивает молоко, пожирает печенье, писает на Чу-Ю, трахает Фифи, опустошает кассу и идет домой отдыхать!

Желая сэкономить деньги на своем медовом месяце, Банни и Бонкер Бум решают провести первые ночи своего супружества в доме у родителей Банни, Боба и Бетти Бог. Прошло три дня. Младший братишка, крошка Биппо, играет у себя в спальне со своими игрушечными самолетиками и прислушивается через стенку ко всем странным звукам, доносящимся из комнаты Банни и Бонкера. Любопытный малыш Биппо спускается на нижний этаж и разыскивает свою мать.

— Эй, мам, — спрашивает Биппо, играя со своей авиамodelью, — как это Банни и Бонкер не покидают свою комнату вот уже три дня? Они даже не спускаются поесть!

— Это не твое дело! — отвечает его мама.

Биппо пожимает плечами и выбегает из комнаты, играя со своим самолетом.

Проходит несколько дней, и даже мама Биппо забеспокоилась. Тогда она прокрадывается на верхний этаж

и заглядывает украдкой сквозь замочную скважину в комнату молодой пары.

К своему ужасу, она видит Банни верхом на Бонкере, а Бонкер старается изо всей силы столкнуть Банни.

— Какой ужас, — плачет Бонкер. — Я до сих пор не могу шевельнуться!

Тут как раз мама Биппо, заслышав шум из ванной комнаты, мчится по коридору посмотреть, что происходит. Но все, что она обнаруживает — это малыша Биппо, рыскающего по всем полкам и шкафчикам в ванной.

— Что ты разыскиваешь? — спрашивает его мама.

— Клей для моего самолета, — отвечает Биппо. — Я держал его в коробочке из-под вазелина!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны. Закройте глаза и почувствуйте свои тела совершенно застывшими.

Это подходящий момент, чтобы войти вовнутрь.

Соберите все свои энергии, свое тотальное сознание и устремитесь к внутреннему центру своего существа, который находится точно двумя дюймами ниже пупка внутри тела.

Быстрее и быстрее... Глубже и глубже... с такой настоятельностью, как будто это будет вашим последним мгновением. Вы должны сделать это!

Как только вы приближаетесь к центру, великое безмолвие нисходит на вас. А изнутри вы наполнены сиянием.

У самого центра есть пламя, истинный источник вашей жизни, истинный источник вашего сознания и осознания.

Это и есть ваш будда-

Чтобы пробудить вашего будду, необходим только один простой метод: свидетельство.

Свидетельствуйте то, что вы не тело.

Свидетельствуйте то, что вы не ум.

Свидетельствуйте то, что вы лишь чистое свидетельство и не что другое.

Войдите глубже в свидетельство, и вы найдете окончательный источник жизни и существования.

Ниведано...

Расслабьтесь... Отпустите себя...

Точно так же, как тает снег, позвольте себе растаять в существовании.

Аудитория Гаутамы Будды превращается в океан сознания.

Десять тысяч будд исчезли внутри него.

Это самое драгоценное переживание в существовании. И

когда вы знаете путь к центру, вы можете двигаться к центру

когда угодно, где угодно.

Он такой простой, такой близкий и такой живой.

Он трансформирует все ваше существо.

Он наполнит вас радостью, безмолвием, любовью,

состраданием.

Вы будете преображенным, новым человеческим существом.

Дзен это лишь имя этого преображения.

Новый человек нужен на земле, потому что только новый

человек может спасти эту землю от разрушения. Старый

человек создавал только разрушительные методы, войну и

насилие. Новый человек будет буддой, человеком

сострадания, любви и покоя.

Перед тем, как вы возвратитесь, соберите все переживания,

которые происходят там, у центра вашего существа, и

убедите будду, пламя жизни, последовать за вами и быть

частью вашей ежедневной жизни. Заурядное и мирское

существование может преобразиться в священнодействие,

если в нем присутствует будда.

Есть три шага.

Первый — будда следует за вами как тень.

Второй — вы следуете за буддой как тень.

И третий — ваша тень исчезает в сиянии будды, безличном безмолвии, беспредельной, океанической радости.

Вы исчезаете, но все существование становится доступно вам.

Вы не лишаетесь ничего. Вы лишаетесь только теней, и вы

обретаете все: все или ничто. Оба они — синонимы в

переживании центра. Они не противоположны, в

переживании медитации нет двойственности.

В этом молчании все противоречия тают и сливаются друг с

другом.

Ниведано...

Возвращайтесь назад... но возвращайтесь как будды, с той же грацией, с тем же безмолвием, с той же красотой, с тем же блаженством.

Этот экстаз должен стать вашим истинным сердцем, и это

переживание должно быть привнесено во всякое обычное

действие вашей жизни, в вашу любовь, в ваши отношения, в

вашу дружбу. Где бы вы ни были, вы должны приносить с

собой больше мира, радости, блаженства и света.

Чем более вы разделяете с существованием свое блаженство,

свою радость, свой смех, свое молчание, тем более оно

становится доступным для вас.

Вы просто становитесь средством, бамбуковой флейтой в

устах существования.

Песня исходит от целого.

Вы просто приветствуете ее.

Это приветствие и есть дзен.

Дзен это путь блаженства во всем существовании.

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Возлюбленный Ошо,

Монах спросил у Чоро, который был учеником Танки:

«Будды прошлого, настоящего и будущего поворачивали великое колесо дхармы в полыхающем огне — правильно или нет?»

Чоро сказал, смеясь: «В конечном итоге я сомневаюсь». Монах спросил: «Почему ты сомневаешься?»

Чоро сказал: «Благоухание диких цветов наполняет тропинки, но притаившиеся пташки не знают, что это весна. Есть ли кто-нибудь, кто не обманут мистическим чудом?»

После долгого молчания Чоро заключил: «Такое пятно нельзя было бы смыть, даже если бы ты вылил на него воды океана».

НЕБОЛЬШИЕ ИНТЕРВАЛЫ СВЕТА

8 АПРЛЯ 1989 ГОДА АУДИТОРИЯ ГАУТАМЫ БУДДЫ, ПУНА, ИНДИЯ

Друзья,

Сначала вопросы от саньясинов.

Первый вопрос:

Эти сутры дзен, похоже, из того времени, когда в этом мире было много просветленных. Что же прервало цепь просветления и оставило нашей планете лишь одно драгоценное и открытое

пламя природы будды?

Как случилось, что планета стала настолько непросветленной, если мы были когда-то благословлены столь многими мастерами?

Вопрос важный, и многие из вас, возможно, думали об этом. Что произошло с человеческим сознанием, что оно впало в столь глубокую тьму? Почему мы не видим столько будд?

Причина ясна: маленький человек, о котором мы говорили вчера, разрушил всякую возможность для просветления.

И не только в одной стране. Повсюду в мире, где бы ни бывал человек необъятного сознания, массы были против него, массы были жестоки.

Один христианин спрашивал меня — старый друг «Как ты думаешь, придет ли Иисус снова?» Я сказал: «Я не думаю, я абсолютно уверен, что если он разумен, он больше не придет. То, что вы сделали с ним в прошлый раз — этого довольно, чтобы предотвратить его возвращение. Вы отравили Сократа, Анаксагора, вы распяли Иисуса, Аль-Хилладж Мансура, Сармада...»

Массы никогда не уважали живых будд. Столько покушений было совершено на жизнь Гаутамы Будды, и, в конце концов, он умер. Это обычное бессознательное поведение, но оно преобладает у большинства людей.

Меня отравили, посадили в тюрьму без всякой причины... оштрафовали на четыреста тысяч долларов, а у меня не было с собой и одного доллара. Двадцать одна страна закрыла свои двери, именем закона, запретив мне въезд.

Временами политики кажутся самыми глупыми из окружающих нас людей. Они приняли в парламентах законы, что моему самолету нельзя даже приземлиться и заправить горючее на их аэродромах, потому что мое присутствие — в моем самолете и на аэродроме — может осквернить и разрушить их мораль, их двухтысячелетнюю религию!..

Меня выгнали из Греции — благодаря угрозам и давлению архиепископа Греции правительству пришлось депортировать меня. Пригрозили, что если меня не депортируют — и всех людей, которые проживали со мной на прекрасном острове Крит — это место будет взорвано динамитом. А со мной там было, по меньшей мере, пятьдесят человек — все могли бы сгореть заживо.

Причина? Я даже не выходил за границы дома, но причина одна и та же снова и снова: я могу развратить их мораль, я могу разрушить их религию. И такой страх препятствовал людям двигаться глубже внутрь самих себя.

Моя секретарь, Анандо, говорит мне: «Ты плохой пример для просветления. Двадцать одна страна закрыта для тебя. Одна страна отравила тебя, заключила тебя в тюрьму, протащила тебя через шесть тюрем за двенадцать дней без всякого основания...»

И они признали сейчас, что не было прямой улики какого-нибудь преступления — «но мы просто хотели, чтобы Коммуна была уничтожена».

Удивительно, почему Америка должна беспокоиться насчет маленькой коммуны, которая жила в пустыне. Ближайшее поселение находилось в тридцати пяти километрах. Мы были самообеспечивающейся коммуной, и постепенно преобразовали пустыню в прекрасный оазис. Но ортодоксальные христианские фундаменталисты забеспокоились. Страх состоял в том, что молодые люди переходили в коммуну из их паствы.

А только что Генеральный прокурор Орегона сделал заявление: «У нас не было причины. Мы затратили пять миллионов долларов на расследование, чтобы найти какой-то состав преступления в его действиях». Они приехали в Индию, они приехали в Пуно, они побывали в Бомбее. Они даже отправились на место моего рождения, в мой университет, в школу, в колледж... всюду, чтобы найти какую-нибудь зацепку. Но им не удалось, потому что ничего не было.

Я ленивейший человек. Я не могу совершить преступление; это слишком большая работа. Если не делать ничего — это преступление, то я, безусловно, преступник. Если просто молчать, радуясь в своей собственной уединенности — это преступление, то я, безусловно, преступник.

Но если вы поступаете с каждым сознательным существом таким убийственным образом, безусловно, никого и не заинтересует само слово «просветление». Оно будет вызывать страх; вы будете в ненужной опасности. Конечно, только те немногие просветленные люди, которых вы убивали или пытались убить, помогли человечеству стать немного более сознательным.

Но люди видели, как массы поступили с Иисусом, как массы поступили с Сармадом. Массы создали препятствия для любого интересующегося своим собственным сознанием. Оно не имеет ничего общего с обществом, оно не имеет ничего общего с толпой. Но люди напуганы, они очень боятся тех, кто знает себя. Они имеют определенную власть, определенную ауру и определенный магнетизм — харизму, которая может освободить живых, молодых людей из традиционного тюремного заключения. А есть так много тюрем: христианство, и индуизм, и ислам, и джайнизм, и буддизм... везде, где есть организованная религия, она становится воинствующей.

Христианство ясно определяет себя как воинствующую религию. Тогда это становится вопросом роста в количестве — не роста к высотам, но расширения империи. Это становится политикой, это больше не религия. Все так называемые религии это просто политические стратегии.

Просветленного человека нельзя поработить, — это трудно, — и его нельзя посадить в тюрьму. Его индивидуальность и его бунт затрагивают насущные интересы — священников, политиков, педагогов... «Лучше покончить с такими людьми, как Сократ — они вызывают смущение в умах людей».

Каждого гения, который познал нечто из внутреннего, неизбежно трудно привести к общему знаменателю; он будет разрушительной силой. Массы не хотят быть потревоженными, хотя бы они и были в несчастье; они и есть в несчастье, но они привыкли к несчастью. И любой, кто не несчастен, выглядит как посторонний.

Просветленный человек — это величайший чужак в мире; кажется, он не принадлежит ни к кому. Ни организация не ограничивает его, ни община, ни общество, ни нация. Его бунт настолько тотален, что делает бессознательную толпу враждебной. Такого человека нельзя

вытерпеть при жизни; ему можно поклоняться после смерти.

Вы можете поклоняться Будде после смерти. Вы можете поклоняться Иисусу после смерти. Но еще ни один просветленный человек не был почитаем, любим слепыми, глухими и бессознательными массами. Это стало барьером. Вот отчего вы не находите так много просветленных людей.

Но если вы готовы рисковать, вы способны стать буддой в любой миг, когда вы решите, потому что вопрос не в том, чтобы куда-либо идти, это просто взгляд вовнутрь.

Здесь хорошо вспомнить индуистские мифы об истории сознания...

Первая эпоха человечества, самое начало, называется Сатьяюга — век истины. Каждый человек — это естественный будда, совсем как дитя — нет страха, нет жадности, совершенное равновесие. Чтобы изобразить равновесие, говорят, что первая эпоха была похожей на стол с четырьмя ножками, совершенно уравновешенный.

Вторая эпоха — одна ножка исчезает. Тем не менее, есть какое-то равновесие, но той прежней уверенности больше нет. Поскольку ножек три, вторая эпоха называется Третаюга; «трета» означает «три».

И третья — еще одна ножка исчезает, человек становится все беднее и беднее. Третья эпоха называется двапараюга; «двапара» означает две ножки.

А мы находимся в четвертой стадии. Это прекрасная символика: мы утратили все равновесие, мы стоим только на одной ноге. Сколько же мы стоим на одной ноге? И жизнь становится внутренне все беднее...

Эта метафора, изображающая эпохи, не просто метафора. Она, несомненно, имеет значение и смысл. Она показывает, что человек становится все менее и менее живым, все менее и менее тотальным, все менее и менее радостным. Печаль накапливается повсюду, и ночь кажется нескончаемой.

И поскольку каждый несчастен, любой новый ребенок, новоприбывший в мир, думает, что такова жизнь, и соглашается с этим. Каждый несчастен, каждый в затруднении, каждый в тревоге, так что, возможно, это и есть путь жизни... пока вы не сталкиваетесь с буддой, а это становится все более и более редким, все более и более трудным.

Когда вы видите будду, первая бессознательная реакция — это отвергнуть его, потому что он оскорбляет вас. Само его присутствие — это вызов: «Почему он так счастлив и умиротворен, и почему я в таком мучении? Он должен жить согласно всякому другому, согласно толпе. Почему же он живет как индивидуальность по своим собственным законам? Он должен быть овцой, он не должен быть пастухом». Этого нельзя потерпеть. Свои собственные лучшие и высшие пики сознания, которые могут заставить их осознать свои возможности, люди уничтожают.

Да, они могут поклоняться...

Перед смертью Будда сказал своим ученикам: «Не создавайте моих статуй. Если вы хотите чем-

то напомнить обо мне, напомните вот этим деревом. Посадите это дерево бодхи везде, где вы хотите установить мне памятник».

В течение трехсот лет вместо того, чтобы сажать деревья, — это и есть бессознательность человека — люди строили храмы и помещали в храмах мраморные деревья. И, в конце концов, через пятьсот лет, они подумали: «Какой смысл в мраморном дереве? Почему не сделать Будду?»

А в то время не было ни фотографии, ни изображения Гаутамы Будды. Случайно в Индии оказался Александр Великий, и у него было прекрасное греческое лицо. То, что вы видите как лицо Будды, в действительности лицо Александра Великого. Будда смоделирован по нему. И это общеизвестный факт — потому что ничего другого не оставалось, прекрасное лицо... Будда умер в возрасте восьмидесяти четырех лет; Александру Великому было только тридцать. Вот отчего все статуи Будды выглядят как тридцатилетний человек, они не демонстрируют утомленного восьмидесятичетырехлетнего старика.

Сейчас существует больше статуй Гаутамы Будды, чем кого-либо другого. В арабском языке даже слово «будда» стало синонимом статуи. Оно приобрело немного иную форму; статуя называется будт. Но в действительности это имя Будды, потому что только его статуи были повсюду в мире. Они были обнаружены далеко в Монголии, в Китае, на Кавказе, в Афганистане. Фактически его статуя была одним из самых любимых объектов для любого великого скульптора. Если вы могли создать большую статую Будды, это показывало, что вы действительно творческий художник.

Многие километры пещер обрабатывали, превращая в статуи Будды. И этого же самого человека при жизни мы пытались убить много раз. Было просто случайностью, что мы не преуспели — точно так же, как Америка потерпела неудачу в моем убийстве.

Два дня назад один саньясин сообщил мне, что в Америке одного человека посадили в тюрьму на полтора года. А обвинением было то, что он поместил объявление в 1984 году — в то время я был там — что он готов убить кого угодно, если ему предоставят полмиллиона долларов. По этому объявлению его и схватили. А саньясин пошел в тюрьму и спросил этого человека: «Вы получили какой-нибудь ответ на свое объявление?»

Тот сказал: «Получил, я получил его от правительственного агентства. Но я профессиональный убийца, и мне известно, как работают правительства. Они пообещают вам полмиллиона долларов — а они дали мне целый план...»

У нас было маленькое озеро возле входа в коммуну, озеро Кришнамурти. Они выдали ему план, зная, что я всегда отправлялся напоследок к озеру Кришнамурти... это тихое место; коммуна остается позади, и на двадцать миль вокруг там никого нет.

«Итак, ты установишь там бомбу, которая функционирует через дистанционное управление. И спрячешься — мы скажем тебе где. Мы доставим тебя туда вертолетом, так что никто не сможет проследить. И после того, как автомобиль и человек в нем будут взорваны, мы заберем тебя на вертолете».

Но профессиональный убийца прекрасно знает... Он просто отказался. Ему известно, что

правительства занимаются такими делами, но они никогда не выдают денег. Наоборот, вы выполняете, а потом они стреляют в вас, чтобы всякие улики были устранены. Вместо половины миллиона долларов вы получаете в награду смерть. Это общеизвестный факт повсюду в мире.

Правительственные агентства продолжают убивать людей, и они всегда убивают убийцу. Таким образом, они экономят деньги и к тому же устраняют улику. Зная это, он отказался. Но за то, что он поместил это объявление, суд отправил его в тюрьму, хоть он и не совершил ничего.

Это новое доказательство выдает заинтересованность американского правительства в моем убийстве. Этот саньясин старается разыскать все больше и больше источников. Он хочет написать целую книгу о заговоре, чтобы убить меня.

Если таким образом вы поступаете с людьми умиротворенными, молчаливыми и осознающими, которые в действительности демонстрируют вам ваши собственные возможности, тогда, безусловно, все меньше и меньше будд будет в мире. Или если даже и есть будды, они останутся молчаливыми. Провозгласить — значит вызвать враждебность. По-прежнему есть немногие просветленные люди по всему миру, но они не хотят лишних неприятностей. Я полюбил неприятности с самого своего детства. Поэтому когда произошло просветление, я сказал: «Пусть это будет последней неприятностью», я наслаждаюсь ею до самого конца... Но это показывает вам, как бессознательный ум препятствует людям становиться просветленными.

Я не совершил никакого греха, а меня наказывали, таскали из тюрьмы в тюрьму. Позднее стало известно, что прокурор Соединенных Штатов потребовал от Национальной Гвардии арестовать меня. Но они сказали; «Без всякого доказательства, без всякого судебного постановления мы не можем сделать этого». Генеральный прокурор США — Эд Мис — который был обвинен во множестве преступлений и получил позорную отставку, потребовал даже от главнокомандующего армии... А главнокомандующий рассмеялся. Он сказал: «Никогда за всю историю армию не посылали против одного человека. И не более того, у вас нет никаких улик; в противном случае, почему вы не требуете от суда сперва дать ордер на арест?»

У них не было ничего, чтобы убедить суд арестовать меня.

И когда меня арестовали, меня арестовали двенадцать человек, вооруженных винтовками. Я спросил: «Где ордер на арест?» У них не было ордера на арест. У них был только клочок бумаги, на котором было записано несколько имен. Я сказал им: «Это не имена арестованных вами людей. Можете посмотреть наши паспорта». Шестеро саньясинов были со мной — они здесь — ни одного имени не было на той бумажке. Однако они не желали слушать. Меня удивляет, что Америка считается демократической, а людей в ней арестовывают без всякого ордера на арест от какого-либо суда, без всякой причины или основания.

И я удивляюсь моим собственным адвокатам, потому что когда они начали просить у суда отпустить меня под залог... Один из моих адвокатов был саньясином. Я сказал ему: «Ты начинаешь не с того пункта. Сначала ты должен спросить, на каком основании нас арестовывали. Вы не имеете никакого ордера на арест, а в вашей бумаге нет никаких имен арестованных вами людей. Вопросы о залоге не возникает». Но саньясин был молодым адвокатом, и он вызвал лучших адвокатов, каких знал. Вот как действует бюрократия. Он сказал мне: «Мы сделаем все. Вы просто молчите, потому что любое ваше слово может вызвать проблемы. Сейчас у них нет никакого доказательства против вас».

Я все же думаю, это было ошибкой моих адвокатов — начинать с прошения отпустить под залог. Первым вопросом должно было быть: «Почему были арестованы эти люди?» Людей, которые арестовали меня, нужно было наказать. Вопрос о залоге не должен был бы и возникнуть. Но они начали с неправильного вопроса и обсуждали отпуск под залог. Шестеро саньясинов были выпущены под залог — все, кроме меня.

Даже правительственный прокурор сказал через три дня глупых разговоров — у них в руках не было ничего, и, в конце концов, он сказал: «Я признаю, что оказался не в состоянии доказать преступление».

Но судья сказал — женщина-судья... В первый раз я подумал, что, возможно, женщина у власти может оказаться более опасной, чем мужчина. Эта женщина-судья сказала:

«Вы не доказали ничего, но тем не менее, я отказываюсь отпустить его под залог. Причина? Причина в том, что он влиятельный человек, у него тысячи последователей. Максимальный залог только полмиллиона долларов. Он может это использовать; за ним стоят неисчерпаемые источники». Не из-за какого-нибудь преступления, но потому что у меня есть возможность воспользоваться залогом, она отказала.

Однако настоящая причина была в том, чтобы протащить меня через шесть тюрем. Шестичасовая поездка была проделана за двенадцать дней. Только теперь мы узнали от экспертов по яду, что они травили меня малыми дозами;

вот почему это заняло у них двенадцать дней. Если такое количество яда выдать одной большой дозой, человек умрет немедленно. А они беспокоились, как бы их не осудил американский народ, поэтому не хотели моей смерти в тюрьме. Постепенно выдаваемая мне отравка, в течение долгого двенадцатидневного промежутка, не могла убить меня в тюрьме, но могла оказать разрушительное воздействие на всю мою жизнь.

И позднее они признали: «Мы не были заинтересованы в том, чтобы сделать из него мученика, иначе он мог бы стать еще одним Иисусом. Тогда бы возникло нечто вроде христианства, и нас могли бы осудить повсюду в мире».

Вы дурно поступаете с просветленными людьми. Никогда, ни в одном случае вы не проявили любви и почтения. Как же вы можете ожидать, чтобы намного больше людей были просветленными? Вся атмосфера против просветления.

Наше усилие здесь направлено на то, чтобы создать будд — не одного или двух, но миллионы, так, чтобы их нельзя было уничтожить так легко. Мы хотим, чтобы лесной пожар осознания охватил всю землю. Никогда прежде такой великий эксперимент не проводился, Исключительные индивидуальности становились просветленными и были замучены массами.

Я хочу, чтобы мир знал, что это не такое место, где мы намерены удовлетвориться одним просветленным мастером. Тысячи саньясинов должны стать буддами.

Они могут запретить мне въезд в двадцать одну страну, но они не могут помешать моим саньясинам добраться туда. Мне не нужно ходить туда, чтобы «развращать их мораль», я пошлю своих посланцев, своих вестников. Мои саньясины могут сделать это, мне не нужно делать этого.

Даже мои саньясины могут разрушить их так называемые религии; в них нет никакой глубины.

Второй вопрос:

Слушая тебя, я понимаю, что все эти замечательные мастера дзен просто помогают нам раскрыться для блаженства и простоты, которые совсем рядом.

Это легко здесь, где чудеса начинаются уже перед завтраком и потом уже никогда не прекращаются, но как проводить эту работу таким же образом в ежедневной жизни и в обществе?

Если это действительно произошло с тобой, то вопроса не возникнет. Если ты вообразил это, лишь

тогда возникает этот вопрос.

Здесь легко вообразить перед завтраком, что ты просветленный. Здесь так много просветленных людей, поэтому это совсем легко. Никто не против просветления, каждый поддерживает; его легко вообразить.

Испытание, испытание огнем будет снаружи, в обществе. Если твое просветление исчезает, его никогда и не было. Если бы оно произошло, ни общество, ни культура не могли бы уничтожить его. Это такая сила, такая вечная жизнь, никто не может даже коснуться этого, так что не беспокойся насчет общества. Позволь своему просветлению быть реальностью, не воображением.

Если это реальность, вас больше нет, есть лишь просветление — пламя, огонь, который не может быть погашен. Вас можно убить, но ваше просветление не может быть убито. Вас можно распять и отравить, но ваше просветление остается свидетелем даже на кресте.

Если просветленных тысячи, общество не посмеет. Где ему взять столько крестов? Если просветление становится великим явлением повсюду на земле, то нет опасности для просветленного человека или мастера. Он может жить без препятствий, без затруднений, не искалеченный обществом.

Обществу удалось убить Сократа, потому что Сократ был один.

Общество смогло распять Иисуса, потому что он был один.

Я здесь не учу никакому культу, никакой вере. Я хочу, чтобы вы вкусили от истинного источника жизни. Тогда никто не сможет отнять его.

Третий вопрос:

Недавно вечером ты пронзил луковицу до сердцевины; потом выросли новые защитные слои.

Кажется, что за одним шагом вперед следуют два шага назад; мгновения света делают последующую темноту еще глубже.

Является ли это частью процесса?

Это естественно. Ты оставался покрытым слоями личности и индивидуальности так долго, что когда ты отбрасываешь один слой, ты начинаешь испытывать напряжение и беспокойство — «что же случится?» Ты чувствуешь себя так, как будто стоишь голый, а кто-то забрал у тебя одежду. Ты тут же бежишь и находишь какую-то другую одежду, какой-то другой слой личности, чтобы прикрыть себя. Ты всегда оставался скрытым. Это просто старая привычка; она исчезнет.

Много раз ты будешь возвращать личность на место, но скоро ты начнешь видеть то, что эта личность не может быть твоим истинным существованием, потому что иногда ты можешь отложить ее, а иногда ты можешь надеть ее. Это нечто отдельное от тебя. И как только это отдельное существование углубится, ты не станешь больше скрывать свое величие за луковой шелухой.

Это не часть процесса, это часть твоей привычной обусловленности.

Это напомнило мне о маленьком Альберте, который пришел в школу, как всегда, с опозданием. Но сегодня у него было совершенное оправдание; он сказал учителю:

— Идет дождик, и добраться до школы было очень трудно. Я сделал шаг вперед и соскальзывал на два шага назад.

Учитель сказал:

— Хорошо, но тогда как же тебе все-таки удалось добраться?

Тот ответил:

— Я просто начал идти домой — шаг вперед, два шага назад... В конце концов, я оказался здесь, поэтому я и опоздал.

Не находите оправданий; это не часть процесса. Это будет оправданием, и вы почувствуете утешение; это просто ваша старая привычка, старая склонность. Потребуется немного времени, но если вы немного вкусили от дзен, процесс начал трансформировать вас.

Это может занять немного времени, но определенно и несомненно, это ведет к разрушению всех ваших слоев и обнаружению вами реальности, где вас нет, но есть целое существование. Только в целом можете вы радоваться.

Разделение это ложная идея; вы не отделены. И это разделение создает все виды беспокойства, напряжения, но вы продолжаете защищать себя. Но сколько же вы намерены делать это?

Я всегда надеюсь, даже вопреки надежде, что однажды вам наскучит, и вы отбросите этот старый мусор, а новая пламя радости, блаженства, благословения возникнет внутри вас. Оно уже

там, просто старый мусор мешает вам увидеть его.

Сутра:

Возлюбленный Ошо,

Монах спросил у Чоро, который был учеником Танки: «Будды прошлого, настоящего и будущего поворачивали великое колесо дхармы в полыхающем огне — правильно или нет?»

Чоро сказал, смеясь: «В конечном итоге я сомневаюсь».

Монах спросил: «Почему ты сомневаешься?»

Чоро сказал: «Благоухание диких цветов наполняет тропинки, а притаившиеся птички не знают, что это весна. Есть ли кто-нибудь, кто не обманут мистическим чудом?»

После долгого молчания Чоро заключил: «Такое пятно нельзя было бы смыть, даже если бы ты вылил на него воды океана».

Это очень красивая сутра. Она демонстрирует, как человечество продолжает упускать: оно обращает символы в факты, а потом живет теми фикциями, которые были только символами. Например, эта сутра повторялась неоднократно Гаутамой Буддой: «Пробужденный двигает колесо дхармы в полыхающем огне».

Но Чоро прав, когда говорит со смехом: «Я сомневаюсь в этом». Этот человек понимает метафору буквально — нет колеса, нет огня.

Наоборот, Чоро сказал: «Благоухание диких цветов наполняет тропинки, но притаившиеся птички не знают, что это весна».

Для будды весна существует всегда. Для будды даже огонь становится прохладным. Для будды даже темнота ночи — это свет, потому что он сам свет; куда бы он ни двигался, его свет окружает его.

Чоро прав, когда он говорит: «Я сомневаюсь в этом — в утверждении о колесе дхармы в полыхающем огне». Будда пользовался таким символом, но нужно вспомнить его контекст.

Всего несколько минут назад я говорил вам о затруднении просветленного в мире, который абсолютно сознателен. Это и есть огонь. А двигать колесо рождения и смерти... Это и есть вся работа пробужденного мастера — помочь вам осознать, что вы никогда не рождались, помочь вам осознать, что вы никогда не умрете. Рождение и смерть это лишь эпизоды в вечном существовании.

Это колесо рождения и смерти — вы должны выйти из него. И безусловно, из-за бессознательности людей вам придется смотреть в лицо огню. Но это только символика. Внутри вы обнаружите благоухание диких цветов. Внутри вы обнаружите, в первый раз, вечные соки жизни.

Внутри вы обнаружите, что приходит весна, которая не уходит; это сама ваша природа.

Эти розы будут продолжать расти внутри вас. Это благоухание будет постоянно становиться все более и более глубоким, все более и более таинственным.

Чоро прав. Он старается помочь монаху не обмануться метафорой. У метафоры свой собственный контекст и свой собственный смысл. Но из-за контекста можно стать обеспокоенным: если просветление двигает колесо в полыхающем огне, тогда зачем напрасно навлекать на себя такое несчастье? Какой смысл двигать колесо жизни и смерти? И в огне?

В жизни уже достаточно много несчастья. Если вы возьмете этот символ без понимания его контекста, это будет выглядеть, словно просветление привлекает еще большее несчастье. Вот почему Чоро засмеялся и сказал: «Я сомневаюсь».

Он не говорит, что сомневается в Будде, он говорит:

«Я сомневаюсь в твоем понимании».

Что касается Чоро: «Благоухание диких цветов наполняет тропинки, но притаившиеся птички не знают, что это весна». Лишь пробужденная птица знает, что весна пришла — время танцевать, время радоваться, время переживать вечность бытия. Чоро сделал очень показательное утверждение: «Есть ли кто-нибудь, кто не обманут мистическим чудом?» Только мертвый не развращен мистическим чудом. Чем более вы живы, тем больше вы видите чудесного везде и повсюду вокруг вас. Вся жизнь — это такая тайна и такое благословение. Путь полон роз, лишенных шипов.

После долгого молчания Чоро заключил: «Такое пятно...»

Он подразумевает под «такое пятно» - чудо, переживание таинственного.

«Такое пятно нельзя было бы смыть, даже если бы ты вылил на него воды океана».

Человек дзен живет в таинственном. Для него таинственно все. Ничто не считается само собой разумеющимся, все есть чудо.

Жизнь — чудо, песни птиц — чудо, такие разноцветные цветы... Если ваше внутреннее существо пробуждено, все это существование становится нескончаемой чередой тайн.

Киорай писал:

В слабом свете после заката он взбирается к храму на вершину.

На Востоке два времени суток считались мистическими, когда вы ближе к тайне существования, чем в любое другое время. Ранним утром, когда солнце не взошло, а последняя звезда исчезла — этот свет прохладен, потому что солнца еще нет, а ночь уже ушла. Этот небольшой интервал называется в Индии сандхья. Буквально это означает интервал. В таком пространстве медитация легче.

И то же самое происходит снова на закате. Когда солнце садится, и ночь еще не наступила, снова наступает хороший момент для медитации. Вы удивитесь, узнав, что благодаря этим сандхья, интервалам, в Индии молитве было дано название сандхья.

Мне лично кажется, что когда ночь проходит, ваша жизнь освежается. Когда солнце не взошло, существование более спокойно вокруг вас, дневные дела еще не начинались. В эти мгновения, сидя молча, вы можете войти внутрь себя легче, чем в любое другое время. Поэтому утро и вечер стали традиционным временем для молитвы.

Киорай писал:

В слабом свете после заката он взбирается к храму на вершину.

В слабом свете, когда солнца больше нет, его осознание достигает высочайшей вершины храма.

Но это не значит, что вы не можете медитировать в любое другое время. Просто в Индии эти два момента считались самыми подходящими — существование ближе к вам, только немного загляните внутрь...

Но есть другие мистики, например, суфии, которые считали полночь самым подходящим моментом для вхождения в таинственное. Они тоже правы.

В полночь, когда все спят, когда даже деревья спят, птицы спят и весь мир затихает, вы можете проснуться и просто посидеть в этой тишине. Вы обнаружите, что легче войти внутрь себя.

Но если вы знаете метод, как входить внутрь себя, вы можете войти в любой момент. Даже в миру, делая свою обычную работу, вы можете оставаться медитативными. Нет необходимости выбирать особые моменты. Этот миг так же способен раскрыть перед вами реальность, как и любой другой миг.

Вопрос Маниши:

Возлюбленный Ошо,

В своей книге «Мир дзен» Нэнси Вильсон Росс говорит о дзен — в особенности, когда проходит работа над котом. — «Снова и снова подчеркивается, что нельзя обрести истину, просто отказавшись ото лжи».

Не истина ли остается, когда ложь признается ложью? Или есть большее, чем это?

Маниша, Нэнси Вильсон Росс в своей книге «Мир дзен» подходит очень близко к пониманию чего-то такого, что за пределами ума. Но все, что она говорит — это только одна сторона монеты. Про коаны она говорит «Снова и снова подчеркивается, что нельзя обрести истину, просто отказавшись ото лжи».

Проблема любого интеллектуала в том, что он не может смотреть за пределы логики. Она делает ударение на то, что нельзя обрести истину через отказ ото лжи. Фактически, самым своим отказом вы признаете ее реальность. Ложь не должна быть отброшена; ложь должна быть просто увидена как ложь, и она исчезает.

Можете ли вы отбросить свою тень? Бегите так быстро, как только можете, и тень будет бежать все быстрее и быстрее с вами. Вы не должны убегать от тени, просто вам надо увидеть то, что

это тень, нет необходимости убегать. Все те, кто отвергал мир, убегают от теней, а тени всегда следуют за вами. Тени не могут быть отброшены, они могут быть только признаны теньями, и то, что остается, есть истина.

Поэтому нельзя обрести истину, попросту отказавшись ото лжи. Возможно, Нэнси Росс не известен никакой действительный опыт, в противном случае она бы сказала, что в тот момент, как вы отказываетесь от любой лжи, вы признаете ее. Каждое отречение — это признание, даваемое на самом деле лжи.

Вам не нужно избегать лжи.

Вы должны просто увидеть ложь — и ложь пропадет, а то, что остается, и есть истина.

Поэтому, что касается отказа, утверждение Нэнси Росс справедливо — вы не можете отвергнуть ложь. Но она не понимает, почему мастера дзен продолжают говорить об этом. Они хотят, чтобы вы поняли ложь как ложь, а не отвергли ее. Всего лишь признание чего-то ложью — и вы свободны от этого. У вас никогда не было этого, вы просто воображали.

Вот почему всякого рода терапия работает — даже гомеопатия. Ее рассматривали и обнаружили, что она работает, почти, что в семидесяти процентах случаев. Только в тридцати процентах случаев она терпит неудачу. Причина в том, что семьдесят процентов ваших заболеваний — это просто ложь; нет необходимости ни в какой реальной медицине, нужны только сахарные пилюли. Гомеопатия работает, натуропатия работает, Аюрведа работает... любого рода вещь на те случаи, которые ложны. Ваши так называемые чудотворцы работают только в отношении ложного. Они могут устранить ложь, поскольку с самого начала ее и не было.

У меня был друг, доктор гомеопатии, и он часто беседовал со мной. Он был большим поклонником гомеопатии. Но однажды бедному парню пришлось отправиться в аллопатический госпиталь.

Я пошел повидать его. Я спросил: «Что случилось? Что случилось с гомеопатией?»

Он сказал: «Теперь я понимаю. Ты прав. Если есть настоящая болезнь, гомеопатия не может работать. Сейчас я страдаю от туберкулеза, и я знаю: эти сахарные пилюли — всего лишь сахарные пилюли».

Но есть миллионы людей, которым это помогает, поэтому вреда нет. Всевозможные «патии» должны быть позволены, потому что есть всевозможные воображаемые заболевания. Тогда какое-нибудь лечение да поможет; просто касание чудотворца поможет.

Иисус творил чудеса, но он не мог сделать ничего, когда был распят. Он был предположительно самым сыном Бога, и даже Бог не смог ничего поделаться. А ведь он возвращал умерших людей к жизни... но я думаю, все это было театром.

Лазарь, должно быть, и не умирал; это, очевидно, была стратегия. Он, очевидно, был положен в пещеру, притворившись мертвым, и Иисус позвал его: «Лазарь!» — и тот немедленно вышел из пещеры. Но это произошло только однажды, он не мог справиться...

Если человек может снова вызвать умершего к жизни, он не должен быть так скуп. А Лазарь был старым другом, так что это выглядит как хорошо отрепетированное чудо.

Христиане продолжают говорить, что он касался глаз слепых людей, и они прозревали тотчас же. Такие чудеса тоже просто придуманы учениками... потому что Библия была составлена через триста лет, так что там не было ни единого свидетеля.

Вы будете удивлены, узнав о том, что римский император Константин созвал совет после распятия Иисуса — через триста лет — и на совете голосованием было решено, что он был божественным. Голосованием!.. Через триста лет — и под принуждением Константина! Ром был президентом совета, и он хотел провозгласить себя пророком. И он сделал разом — он объявил: «Иисус — пророк, но он потерпел неудачу; я — пророк, который преуспел». И совет признал это.

Рим стал столицей христианства при Константине. Но они вынуждены были признать Константина — по крайней мере, в те дни, пока он был жив — настоящим пророком. Позже они забыли о нем, но он — тот человек, который собрал... было много евангелий. Он выбрал несколько и отверг другие. Нет причины, по которой он выбирал одни и отвергал другие, и очень вероятно, что все чудеса были выдуманы при Константине, чтобы создать великую фигуру Иисуса Христа.

Если он был способен лечить болезни и возвращать мертвых к жизни, то вы не можете винить массы, которые требовали от него непрерывно, выкрикивая, когда он был на кресте: «Давай, сверши чудо!» Он говорил обычно: «Бог немедленно придет спасти меня». Но никто не пришел — там нет никого. Он поднял глаза в небо — хоть бы ангел, хоть бы одно белое облако — небо оставалось пустым. И в глубоком разочаровании он закричал: «Отец, ты оставил меня?» Но он никогда и не усыновлял его, во-первых. Это была просто подделка, фокус, святой дух.

Ложь должна быть познана только как ложь. Вам не нужно отказываться от нее. Ваш отказ показывает то, что вы не поняли ее ложности. Само понимание лжи есть выявление истины.

Нэнси Вильсон Росс — одна из тех интеллектуалов, которые попытались представить дзен Западу. Но это не их опыт. Сами они не будды; они только журналисты. Поэтому все то, что они сообщают — может, и подходит очень близ-ко к истине, но это не может быть истиной. Где-то обяза-тельно бывает ошибка, ведь это не их собственный опыт.

Маниша, нужно только увидеть ложь, и истина обнаруживает себя; ничего больше. Вы живете в бессознательности, тогда ложь представляется истиной. Когда вы пробуждаетесь, ЛОЖ исчезает в точности, как любой сон.

Наступило время Сардара Гурудаяла Сингха.

Как-то вечером Бэзил и Бамбина Батт занимаются любовью у себя в спальне, как вдруг открывается дверь и входит их шестилетний сынок Билли.

Бэзил застывает в своей миссионерской позиции. Он оборачивается и видит малыша Билли, одетого по всей ковбойской форме — шляпа, сапоги со шпорами, шестизарядный револьвер, большой хлыст и все остальное.

— Что это такое, Билли ? — ворчит Бэзил Батт. — Что ты делаешь здесь, такой разодетый?

— Эй, пап, — выкрикивает Билли возбужденно, — можно мне поездить верхом у тебя на спине, как на брыкающемся быке, пока ты трахаешь маму?

Бэзил шокирован, но отступить уже поздно, поэтому он спрашивает у Бамбины.

— Да! Да! — задыхается Бамбина. — Быстро! Залазь, Билли! Бэзил, давай, поехали!

Итак, интенсивность их любви росла, и малыш Билли подскакивал как наездник на быке с какого-нибудь шоу на Диком Западе.

— Иаа-хуу! — вопит Билли, пришпоривая своего папочку. — Держись, ковбой!

Все это доводит Бэзила до безумия, яростной страсти, а Бамбина начинает стонать и издавать всевозможные животные звуки.

Билли охаживает своего папу хлыстом, погоняя его, пока скачка не становится такой дикой, что Билли бросает свой хлыст и изо всех сил вцепляется папе в волосы.

Вот тут Билли пригибается поближе к папиному уху и шепчет:

— Держись крепко, пап! Здесь меня и почтальона всегда сбрасывало!

Большой Черный Лерой и Большой Черный Руфус сражаются за Мэйбл, прекрасную чернокожую девушку, новенькую в городе. Мэйбл устала от этих двух парней, которые все время спорят, поэтому она решает устроить дело.

— Слушайте, ребята! — выпаливает она, — Плывите вдвоем наперегонки через реку, а победитель будет моим мужчиной!

Руфус и Лерой согласны на состязание. Они переходят через мост на дальний берег, снимают с себя всю одежду и бросаются в реку.

Они плывут к ней изо всех сил, и тут Мэйбл решает, что она, на самом деле, предпочитает Лероя, и пытается немного ободрить его. Она задирает край своей юбки в направлении Лероя.

Лерой замедляет ход.

Когда в следующий раз Лерой поднимает глаза, Мэйбл задирает юбку до пояса и выставляет свое неприкрашенное произведение.

Лерой сейчас же останавливается как вкопанный посреди реки.

— Лерой, милый! — кричит Мэйбл. — Что случилось?

— Дура! — орет Лерой. — Опусти свою юбку! Мой шверт скребет по дну!

Однажды в подготовительной начальной школе мисс Тиклетит, учительница, дает детям задание

на день.

— Сейчас, мальчики и девочки, — говорит она сладким голосом, — я хочу, чтобы вы раскрыли свои тетрадки, взяли свои ручки и написали красивое сочинение, начинающееся словами: «Если бы у меня было пять миллионов долларов...»

Все детишки возбужденно начали писать, кроме мальчика Альберта, который продолжает делать то, чем занимался целый день — глядит в окно, наблюдая, как маленькие девочки делают гимнастику.

Мисс Тиклетит смотрит на Альберта и вызывает его:

— Альберт! Все пишут, почему же ты не работаешь?

— Ах! — отвечает Альберт, зажигая сигарету. — Работать? С пятью миллионами долларов?

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны... Закройте глаза... и почувствуйте свое тело совершенно застывшим.

Это подходящий момент, чтобы войти вовнутрь.

Соберите все свои энергии, свое тотальное сознание, и устремитесь к центру своего существа, который находится точно двумя дюймами ниже пупка, внутри тела.

Быстрее и быстрее, с такой настойчивостью, как будто это будет вашим последним мгновением.

Глубже и глубже.

Как только вы приближаетесь к центру своего существа, великое безмолвие нисходит на вас, и цветы спокойствия распускаются внутри вашего существа.

У самого центра есть пламя, огонь вашей жизни. Это

частица всего существования.

Символически это пламя названо просветленным сознанием, буддой; это ваша внутренняя природа. Вас больше нет, есть только чистое сознание, безграничное.

Это великая возможность для свидетельствования.

Свидетельствуйте то, что вы не тело.

Свидетельствуйте то, что вы не ум.

Свидетельствуйте то, что вы только свидетельствование, только чистое сознание.

Расслабьтесь в этом...

Ниведано...

Отбросьте всю свою отделенность. Вы — одно с целым.

Это самое счастливое переживание, величайший возможный экстаз. Вы — будда в этот момент.

Если вы сможете оставаться осознающими и расслабленными круглые сутки, вы познаете красоту и благословение каждого мгновения, каждого дюйма жизни.

То, что возможно в это мгновение, возможно в каждое мгновение. Это просто выявит ваш потенциал. Вы должны привнести всю эту тишину, спокойствие и это осознание в вашу повседневную жизнь.

Соберите все эти переживания: тишину, блаженство, экстаз, божественное опьянение, и убедите будду следовать за собой. Он должен прийти и стать самим вашим существом. Он скрывался внутри вас, потому что вы никогда не входили, вы никогда не просили его. Попросите, убедите его. Есть три шага: первый — вы убеждаете внутренний свет, будду, прийти за собой; второй шаг — вы становитесь тенью позади будды; и третий шаг — ваша тень, признанная тенью, исчезает, и лишь присутствие будды остается. Такова ваша истина, и такова истина всякого другого.

Такова истина всего существования. Экзистенциальная истина это Манифест дзен. Теперь возвращайтесь.

Ниведано...

Возвращайтесь, но помнящими, наблюдающими,
спокойными, грациозными.

Посидите несколько мгновений, просто чтобы вспомнить, где
вы побывали, золотой путь, которым вы ходили, центр и
безмолвие центра, центр и ваше исчезновение в нем.

Ваше свидетельство должно становиться, мало-помалу,
самой вашей жизнью.

Я не учу никакой морали. По-моему, осознание это
единственная мораль, единственная этика, единственная
религия, потому что, действуя из своего осознания, вы не
можете делать ничего неправильного.

Лишь ваш бессознательный ум
заставляет вас делать неправильные вещи.

С ростом вашего осознания, постепенно, все ваше
существо становится сияющим,
нет темного пятна внутри вас.

В тот день вы становитесь буддой.

Тот день — самый благословенный день вашей жизни.

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Возлюбленный Ошо,

Шохей — ученик Суиби — спросил у Суиби: «В чем смысл прихода Бодхидхармы с Запада?»

Суиби сказал: «Я расскажу тебе позже, когда вокруг не будет никого».

Позднее Шохей сказал: «Сейчас вокруг никого нет. Пожалуйста, мастер, дай мне ответ».

Суиби, спустившись с дзенского сиденья, отвел Шохея в бамбуковый сад.

Снова Шохей спросил: «Теперь никого нет. Пожалуйста, мастер, дай мне ответ».

Суиби, указывая на бамбук, сказал: «Вот этот бамбук длинный, вон тот бамбук короткий».

ЧЕМ МЕНЬШЕ ВАС, ТЕМ БОЛЬШЕ ВЫ ЕСТЬ

9 АПРЕЛЯ 1989 ГОДА АУДИТОРИЯ ГАУТАМЫ БУДДЫ, ПУНА, ИНДИЯ

Друзья,

Сначала вопросы от саньясинов.

Первый вопрос:

Недавно ты рассказывал о Фритьофе Капре. Не расскажешь ли ты о движении трансперсональной психологии, и особенно о работе и медитации Кена Вилбура, который считается основателем спектральной психологии? Почему такие люди не приходят сюда? Они вынуждены быть слишком официальными? Является ли проблемой твое видение и его практические следствия?

Первое, что нужно понять — я не занимаюсь психо-логией. Психология остается привязанной к уму; это наука ума. А вся моя работа в том, чтобы вывести вас из ума, поэтому эти люди воспринимают меня так, будто бы я их враг.

Они исследуют, как функционирует ум, персональный или трансперсональный, каковы его обусловленности и как эти обусловленности можно заменить новыми обусловленностями. Вся их работа — назовут ли они это интерперсональной или спектральной психологией — остается ограниченной умом. А мой мир, мир дзен — это мир не-ума.

Мы просто не беспокоимся обо всей этой чепухе, которую ум носит веками. Если вы увлечетесь, вы можете продолжать и продолжать копать в уме, и все больше мусора будет выходить наружу. Лучше просто выпрыгнуть из него; это не вы. Это вся обусловленность человечества, переносимая из поколения в поколение. Каждая умственная концепция путешествовала к вам и становилась все плотнее и плотнее с каждым днем. По прошествии времени ваш ум становится плотнее, и медитация становится более трудной.

Эти люди вообще не интересовались медитацией, поэтому нет и вопроса их пребывания здесь.

Во-вторых, они полагают, что нашли ответ. Очевидно, человек, который полагает, что нашел ответ, не отправится на поиски истины, а останется ограниченным своим собственным воображением.

УМ не может быть не чем большим, чем образы, мысли, мнения, настроения. УМ не свойственен вашей природе, но навязан вам обществом.

Эти люди почувствуют здесь растерянность, потому что все то, чем они занимались, мы выбрасываем — а они собирали. Если они придут, чтобы собирать, они соберут громадный материал. Каждый вечер столько чепухи выбрасывается. Они могут собирать и наслаждаться, анализируя это.

Нет ни единого человека в мире, который завершил бы психоанализ. Такова глубина всех прошлых изысканий. Десять лет, пятнадцать лет люди занимались психоанализом, и они продолжают говорить; появляются новые сны, возникают новые мысли; они продолжают и продолжатся... Когда они пресытились психоаналитиком, они меняют психоаналитика и продолжают повторять ту же самую историю под другим именем.

Но даже психоаналитик не осознает того, что ваша реальность намного больше, чем ваш маленький ум.

Наука остается ограниченной материей.

Психология остается ограниченной умом.

Медитация это попытка проникнуть за пределы материальной физиологии, за предел умственной психологии и найти изначальный источник жизни и сознания.

Работа здесь совершенно другая, не только другая, но и делает все их усилия — усилия так называемых психологов различных школ — бессмысленными. Это пустые занятия.

Второй вопрос:

В своей книге «ДАО йога» Мантек Чи описывает центр жизненной энергии как находящийся точно в двух дюймах под пупком.

Не противоречит ли это дзен, который говорит о двух дюймах ниже пупка?

Или оба они означают одно и то же?

Об этом не нужно спорить и делать умозаключений; фактически, эти два дюйма — это только среднее число.

Когда вы дышите глубоко, вы касаетесь центра, и вы можете обнаружить, где находится этот центр, под пупком или ниже его.

Мантек Чи, который написал «Дао йогу», не кажется сведущим человеком.

Когда я говорю — двумя дюймами ниже пупка — я стараюсь направить ваше сознание как можно глубже. Эти два дюйма не есть нечто определяющее. Ваш центр может оказаться всего в полутора дюймах ниже пупка. В точности как у всех разные носы... нет способа решить, какой нос считать эталоном.

Не начинайте интеллектуальной дискуссии. У вас есть пупок, у вас есть сознание... путь ясен, это недалеко. Просто немного молчания, покоя и свидетельствования — и вы узнаете, где это; неизбежно у разных людей все будет по-разному.

Возможно, Мантек Чи и обнаружил его в двух дюймах позади пупка, но мой опыт таков, что он двумя дюймами ниже. И лучше принять мою идею, потому что если ваш центр под пупком, это по пути. Всегда лучше держать цель немного дальше. Если он находится в двух дюймах под пупком, вы пройдете рядом. И каждый находит его немного по-разному. В точности как различаются индивидуальности, различаются и ваши физические органы.

Нет научного пути, сказать, где источник. Единственный путь — это найти его. Это где-то вблизи вашего пупка. Возможно, кто-то и найдет его прямо позади пупка. Но я считаю, исходя из своего опыта, что он не под пупком, а на два дюйма ниже. Только так может он управлять вашей сексуальной энергией, иначе он будет слишком удален; между вашим сексуальным механизмом и вашей жизненной энергией не будет связи.

Ваша жизненная энергия должна добраться от сексуального центра к седьмому центру в голове — весь золотой путь. Поэтому гипотетически лучше постараться продвинуться на два дюйма ниже. Если вы движетесь на три дюйма ниже, хорошо — еще лучше.

Может быть, кто-то найдет идею Мантека Чи верной; она может быть применима к нему. Но говоря в терминах среднего числа, два дюйма ниже пупка — это правильный источник. Вы обнаружите его где-то поблизости — на дюйм меньше или больше; не волнуйтесь о дюймах. Помните, что нужная точка это ваш пупок, и где-то около нее находится источник вашей жизненной энергии, потому что когда вы родились, вы были соединены через пуповину с матерью. Жизненная энергия вашей матери поступала к вам через пупок, не было другой связи.

Поэтому определено лишь одно — то, что ваш пупок девять месяцев был связью с существованием, с вашей матерью. Все то, что вы получали, приходило через пупок. Но центр не может быть на поверхности пупка, он может быть только глубоко внутри. Все то, что столь же драгоценно, как жизнь, должно быть самым неуловимым образом скрыто.

Вы можете провести двухдюймовую окружность вокруг своего пупка. Позади, ниже, еще где-то, вы обнаружите его — не сосредотачивайтесь на дюймах. Внутри вы не можете мерить. Вы не можете взять линейку: «На сколько дюймов в глубине или позади, находится ваш жизненный источник?» Это всего лишь гипотеза, чтобы помочь вам войти. Вы найдете его. Двигайтесь как можно глубже. Не останавливайтесь, если вы видите, что еще возможно идти дальше.

Вопрос в переживании; не будьте математичными.

Твой вопрос напоминает мне о великом математике Геродоте... Он был первым человеком, нашедшим принцип средних чисел. Это было великим открытием того времени, и он был настолько переполнен этим, что однажды, когда он отправился на пикник со своей женой и

семью детишками — они подошли к небольшой речке... Жена была немного взволнована, но Геродот сказал: «Подожди. Я определю среднюю глубину и средних размер наших детей. Это займет всего пять минут». Он вынул свою линейку, вычислил средний рост детей и оббежал эту маленькую речку. В пяти точках он измерил ее и сказал своей жене: «Не волнуйся. Средняя глубина воды не пере-крывает среднего роста наших детей. Пошли!»

Но где-то вода была поглубже, а где-то была мелкой, какой-то ребенок был меньше, а какой-то ребенок — больше... Усреднение не работает в реальных ситуациях; оно годится для математических расчетов.

Жена все еще волновалась, поэтому она держалась позади. И когда она увидела, как один ребенок тонет, она позвала Геродота, который шел впереди: «Смотри! Я бес-покоилась с самого начала. Я не понимаю твоей мате-матики!»

Можете вы поверить этому? Геродот не пошел спасать ребенка, пришлось броситься жене!.. Он побежал назад к берегу, где на песке проделывал все расчеты, чтобы найти, где же расчет оказался неверным. Расчет был совершенно правильным, но существование не следует вашим расчетам.

Поэтому когда я говорю — два дюйма — это только усредненная гипотеза. И я хочу, чтобы он был ниже пупка, потому что если он позади — это по пути. Или же, если он не позади, вы никогда не достигнете этой точки. Так что я не хочу никакого риска. Вы можете застрять на двух дюймах позади пупка — а всего на два дюйма ниже будет ваш центр. Вам не удалось достичь окончательного опыта всего из-за двух дюймов!

Нет нужды беспокоиться о том, сколько дюймов. Соберите свою энергию и двигайтесь на самую большую глубину, на какую сможете. Не оставляйте ни одного камня неперевернутым.

Третий вопрос:

Не является ли стремление к творчеству лишь еще одним выражением нашей неспособности сидеть тихо и ничего не делать?

Ты должен понимать два рода творчества. Один — это в точности то, что ты говоришь — бегство от неудобства бездействия и молчания. Весь мир состоит из трудоголиков, и все в мире продолжают сводить друг друга с ума: «Делай это! Делай то! Не трать времени!» Поэтому весь ваш ум запрограммирован на работу, на эффективность. Естественно, вы не можете сидеть молча, вы должны делать что-то. Это мажет приобрести форму какого-то вида творчества: музыка, поэзия, скульптура, но это не подлинное творчество.

Подлинное творчество приходит от сидения в мол-чании. Когда вы настолько безмятежны, что нет мысли, нет волны в океане вашего существа, из этой тишины приходит творчество другого рода.

Первое я могу назвать лишь композицией. Второе — это подлинное творчество. Они выглядят похожими, и иногда составитель может даже сделать лучше, чем человек творчества. Но

составитель никогда не будет оригинальным, он всегда будет копировать. Только творец может быть оригинальным, может пробить новые двери в таинство суще-ствования.

Георгий Гурджиев глубоко вошел в этот вопрос, и он назвал первое субъективным творчеством. Какое бы название ни давалось, вопрос не в этом, но ему известно различие — то, что люди, которые создавали Тадж-Махал, были не просто архитекторами, они были не просто технологически образованными. Император, который построил Тадж-Махал, созвал суфиев всего мира — не архитекторов, но суфийских мистиков — чтобы создать идею Тадж-Махала. Он соз-давался по заказу, чтобы стать объектом медитации. Если вы сидите молча около Тадж-Махала в ночь полнолуния, вы становитесь молчаливым. Сама форма Тадж-Махала создает в вас определенное качество, то же справедливо и для пирамид — то, что само очертание пирамиды сохраняет жизнь. Она уменьшает все негативное для жизни.

Когда в самом начале этого столетия вскрыли пирамиду, внутри нашли мертвую кошку. В это не могли поверить. Пирамиде было три тысячи лет, поэтому кошка, очевидно, умерла три тысячи лет назад. Возможно, ее случайно замуровали, и она не смогла выбраться. Но тело кошки было абсолютно свежим, как будто она только что умерла. Нет зловония... за три тысячи лет.

Тогда ученые стали рассматривать форму пирамид — очевидно, есть что-то в самой форме пирамид. И вот они сделали пирамиды для медитирующих, небольшие алюминиевые пирамиды. Вы усаживаетесь внутри, и неожиданно обнаруживаете себя более живыми, неожиданно обна-руживаете большую тишину.

Мы собираемся создать повсюду новые городки пирамидальной формы для медитирующих. Даже люди, которые живут внутри пирамиды, находят это очень омолаживающим. Ученые не могли этому поверить; они сами на себе обнаружили, что были более живыми внутри пирамиды, чем снаружи. Что-то происходит; дело просто в форме пирамиды.

Эти пирамиды были созданы египетскими мистиками по очень древним писаниям континента Атлантида, который затонул в результате либо естественной катастрофы, либо человеческой глупости. Но в Александрии в Египте спасли все ценное с погибших континентов — Лемурии и Атлантиды. Библиотека Александрии была очень велика — возможно, величайшая библиотека в мире. Мусульманин Халиф Омар сжег ее дотла.

Посмотрите на эту глупую логику. Со святым Кораном в одной руке и горящим факелом в другой Халиф Омар вошел в библиотеку и спросил главного библиотекаря: «Ты должен ответить на вопрос, потому что само существование твоей библиотеки зависит от этого. Есть что-нибудь большее в твоей библиотеке, чем в Коране?»

Библиотекарь увидел стратегию. Если бы он сказал, что там было больше, то, безусловно, она должна была быть уничтоженной, потому что ничего большего, чем Коран, не требуется; этого довольно. Если бы он сказал... и вот что он сказал, будучи очень разумным человеком, зная прекрасно, что в библиотеке было намного больше, чем в Коране. Он сказал: «Все то, что содержится в Коране в сжатом виде, есть и в библиотеке. Это то же самое».

Хотя он и пытался своим ответом спасти библиотеку, он не знал фанатичного ума.

Омар сказал: «Если это то же самое, тогда нет и нужды. Корана достаточно. Зачем беспокоиться

О стольких книгах?» Омар сжег ее, и эта библиотека была так огромна, что огню понадобилось шесть месяцев, чтобы уничтожить ее.

Там были все карты пирамид и объяснение, почему определенная форма омолаживает.

Пирамиды могут быть названы подлинным творчеством, но наши так называемые художники, наши так называемые музыканты не понимают медитации. Поэтому нужно заниматься каким-то делом, просто делать что-то, потому что общество не принимает вас, когда вы сидите в молчании.

С самого моего детства мои дяди, мои родственники говорили мне: «Ты плохо кончишь, потому что ты просто сидишь и ничего не делаешь».

Я говорил: «Это именно то, чего я ищу — быть ничем».

Они пожимали плечами; они не могли понять — что это за человек, до которого не доходит оскорбление? В их представлении быть «ничем» — это унижение; нужно быть чем-то! А я сказал им: «Вы не можете унижить меня. Унижение — это быть «чем-то». Если можно быть «ничем» — таким огромным, таким безграничным — зачем же надо быть «чем-то»? «Что-то» есть ограничение».

Поэтому если ваше творчество исходит из вашего безмолвия, из вашего дзен, из ваших медитаций, тогда оно подлинно, оригинально. Если же оно приходит только как занятие, потому что вы растеряны, вам нечего делать — долгий выходной, и вы начинаете что-то делать... Это не исходит из вашего безмолвия, это исходит из вашего безумного ума.

Вот что случилось однажды...

Картину Пикассо продали за миллион долларов. Женщина, которая покупала ее, захотела, чтобы критики исследовали, был ли это подлинник — оригинал или копия.

Один критик сказал: «Это, безусловно, оригинал, потому что я сам видел», — это был друг Пикассо; он сказал:

«Я был рядом, когда он писал эту картину, поэтому можете считать само собой разумеющимся, что это несомненный оригинал».

Но женщина не была удовлетворена. Она отправилась к самому Пикассо и сказала ему: «Для меня это не имеет значения, я купила ее. Просто я хочу знать, оригинал ли это».

Пикассо взглянул на картину и сделал странное утверждение. Присутствовал критик и женщина, которая жила с Пикассо, и Пикассо сказал: «Это не оригинал». Женщина сказала: «Ты писал ее у меня на глазах, и этот критик тоже был здесь. Как же ты можешь говорить такую вещь — то, что это не оригинал?» Он сказал: «Верно то, что я написал ее, но это не оригинал. Я уже написал такую же картину раньше. Не находя ничего, я повторно написал такую же картину; ту, что в музее в Париже. Можете пойти и посмотреть; это всего лишь копия. Не имеет значения, кто делает копию. Я сделал копию; это не делает ее оригиналом. Она вызвана моей неспособностью, сидеть молча; это только копия. Но первая — это оригинал. Она вызвана

молчанием моего существа; у меня не было идеи о том, что я делал. Когда я писал вот эту картину, я знал все, что я делал. Это продукт ума; первая возникла из-за пределов ума».

Все то, что возникает из вашего молчания, обладает красотой, истинностью, достоверностью. А то, что возникает из ума, это только копия под копирку. Каким бы прекрасным это ни казалось несведущему, оно не может быть названо творческим явлением.

Если вы посещали Агру, чтобы увидеть Тадж-Махал, вы, должно быть, обнаружили, что с одной стороны Ямуны есть фундамент еще одного Тадж-Махала — просто фундамент. Тот же самый император, который предоставил суфийским мистикам спроектировать Тадж-Махал, подумал:

«Это так дорого — доставить всех этих мистиков из Персии и Аравии. Теперь у нас есть модель...»

Потребовалось тридцать лет и тысяча мастеров, чтобы создать Тадж-Махал. Он отпустил их и велел архитекторам, которые нашлись в Нью-Дели: «Теперь тот Тадж-Махал готов, выстройте такой же на другом берегу реки».

Этот Тадж-Махал был предназначен для самадхи его жены. По имени его жены он и стал Тадж-Махалом; ее имя было Мунтаз-Махал. Другой он создавал для себя. И архитектор сказал: «Тут нет проблемы. Мы можем построить точно такой же на другой стороне». И они предложили:

«Если один сделан из белого мрамора, хорошо будет для контраста сделать другой из черного мрамора».

Его не смогли завершить, потому что сын императора посадил его в тюрьму, а сына это совсем не интересовало. Вот и остался только фундамент. Но даже если бы он и был завершен, это не было бы творческим актом, он было бы лишь технологически скопированным с оригинала.

Они сделали одну очевидную ошибку — не подумали о том, что лишь белый цвет сочетается с полнолунием. Черный мрамор не обладает такой красотой при полнолунии. Он не может создать сияние внутри вас, не может пробудить вас. Поэтому даже если бы его и завершили, он не был бы подлинным и оригинальным.

Если вам нечего делать, это величайший момент, чтобы просто быть. Не делайте ничего. Молчите. Делайте что-то лишь, когда это необходимо. Столько бессмыслицы будет отброшено, и у вас будет намного больше энергии, чтобы исследовать внутреннее.

Сутра:

Возлюбленный Ошо,

Шохей — ученик Суиби — спросил у Суиби: «В чем смысл прихода Бодхидхармы с Запада?»

Это традиционный вопрос. Все знают ответ, но это спрашивали у каждого мастера, и всегда давались различные ответы. Вопрос оставался одним и тем же, но из-за того, что мастер другой, ученик другой и времена изменились, ни один мастер никогда не повторяет ответ никакого другого мастера.

Каждому известно, что Бодхидхарма прибыл в Китай, чтобы принести послание Гаутамы Будды. Но такой ответ не даст ни один мастер дзен. Это будет слишком поверхностно, слишком информативно, слишком познавательное, но не экзистенциально.

Каков смысл прихода Бодхидхармы?

Суиби сказал: «Я расскажу тебе позже, когда вокруг не будет никого».

Суиби очень тонкий мастер. Он уже ответил, не отвечая. Он говорит: «Я скажу тебе, когда вокруг не будет никого». Это включает и вопрошающего, это включает и самого Суиби. «Когда никого нет вокруг, я отвечу». Это «никто» и есть смысл экзистенциального учения Гаутамы Будды.

Но Суиби не удалось удовлетворить Шохея. Шохей не смог уловить то, на что указывал Суиби: «Я расскажу тебе позже, когда вокруг не будет никого». Он понял неверно, в точности, как и вы, поняли бы неверно.

Позднее Шохей сказал: «Теперь никого нет. Пожалуйста, мастер, дай мне ответ».

Суиби, спустившись с дзенского сиденья, отвел Шохея в бамбуковый сад.

Снова Шохей спросил: «Теперь никого нет. Пожалуйста, мастер, дай мне ответ».

Его молчание каждый раз дает ему ответ: «Ты не понимаешь. Когда ты говоришь, что никого нет, есть ты, есть я. Когда спрашивающего нет и отвечающего нет, до тебя дойдет смысл того, зачем Бодхидхарма пришел из Индии в Китай».

Шохей продолжает настаивать. Поэтому, наконец, в зарослях бамбука,

Суиби, указывая на бамбук, сказал: «Вот этот бамбук длинный, вон тот бамбук короткий»:

Вы не заметите никакой логической связи. Логической связи нет, зато есть более фундаментальная связь. Вот что он говорит: «Бодхидхарма пришел учить «таковости». Этот бамбук длинный, ну и что же? Этот бамбук короткий, но проблемы здесь нет. Я никогда еще не слышал, чтобы бамбук разводил дискуссии: «Почему ты длинный, почему я короткий?» Ни короткий не ощущает себя низшим, ни длинный не ощущает себя высшим. Они оба наслаждаются существованием в своей тотальности.

Так что просто будь, без сравнения. Укоренись в своем собственном сознании, и ты будешь знать ответ, тот ответ, что не может быть дан снаружи».

Исса написал:

Вокруг очага — улыбка приветствия также и прощание.

Он говорит: начало — это также и конец, встреча — это также и расставание. Необходимо понимать эту противоречивость, эту парадоксальную природу существования. Улыбка приветствия — это также и прощание.

В очень маленьком хайку он выразил самую сущность несравнимой, несоотносимой экзистенциальности, в которой все противоречия растворяются, в которой все парадоксы встречаются; где ночь не против дня и смерть не против жизни; где никто не выше и никто не ниже; где нищий и император — одно и то же.

Это однообразие, эта таковость и есть Манифест дзен:

декларация красоты вашей индивидуальности, и в то же самое время декларация растворения этой индивидуальности во всеобщем.

Чем меньше вас, тем больше вы есть.

Если вы вообще ничто, тогда вы есть все. Это и есть Манифест дзен.

Вопрос Маниши:

Возлюбленный Ошо,

Эрих Фромм писал в эссе, озаглавленном «Психоанализ и дзен-буддизм»: «Я бы предположил, что если довести фрейдовский принцип трансформации бессознательного в сознательное, до его окончательных следствий, он подступает к понятию просветления».

Не прокомментируешь ли ты?

Маниша, во-первых, психоанализ не имеет ничего общего с дзен, и, во-вторых, дзен не имеет ничего общего с буддизмом. У него есть нечто общее с Буддой, но не с буд-дизмом, не с доктриной, которая возникла вокруг слов Будды — философия, религия, культ.

Эрих Фромм, сам, будучи человеком психоанализа, смотрит на дзен с особой точки зрения, а это неверный способ смотреть на дзен. В дзен надо войти непосредственно — не как мусульманин, не как индуист, не как психоаналитик, не как коммунист. Если вы уже обладаете структурой, образцом, тогда вы будете навязывать дзен такой образец. А дзен так невинен, совсем как маленький ребенок.

Вы можете сделать этого маленького ребенка индуистом, вы можете сделать его мусульманином, или христианином, или буддистом, или всем чем пожелаете. Это вопрос записи на пустой бумаге. Ребенок совершенно чистый лист, в вашей власти написать на нем все, что вы хотите. И люди никогда не смотрят на свою собственную обусловленность...

Эрих Фромм обусловлен как психоаналитик; потому для него и будет правильным, что если довести фрейдовский принцип трансформации бессознательного в сознательное до его окончательных следствий, он подступает к понятию просветления.

Просветление не есть понятие, это переживание. И даже Зигмунд Фрейд не просветленный. Вы будете удивлены, узнав, что он даже не прошел психоанализа. Его ученики настаивали снова и снова: «Почему вам не пройти через психоанализ? Теперь мы готовы, мы можем быть психоаналитиками, а вы побудьте пациентом» — а он всегда отка-зывался.

Что это был за страх? Это тот же самый страх, кото-рый скрывается в каждом — человек прячет

свои раны, свою неполноценность, свою боязнь.

Зигмунд Фрейд очень сильно боялся смерти, так сильно, что даже упоминания слова «смерть» для него было довольно. Он мог свалиться со стула и начать пускать пену изо рта. Этот человек и просветление различны, насколько это возможно.

Он прогнал одного из своих наиболее заслуженных учеников, Карла Густава Юнга, который считался его преемником. Но из-за того, что он трижды упоминал смерть, вызывая потрясение у несчастного Зигмунда Фрейда, Фрейд прогнал его.

Но не подумайте, что Карл Густав Юнг не боялся смерти. Он хотел поехать в Египет. По крайней мере, шесть раз он заказывал себе билеты и отказывался от них. Шесть раз он даже добирался до аэропорта, а потом капризничал. Что это был за страх? Это был страх увидеть мертвые тела, мумии старых королей и королев. Он хотел посмотреть на них, но в то же время опасался, что это дало бы ему идею:

«Ты не бессмертен, ты тоже, в конце концов, умрешь. Великие императоры не смогли уберечь себя». Отсюда и страх...

Психоанализ — это самая обычная вещь, и это очень полезно людям, которые немного выходят из ряда вон. Обычно каждый нормально помешан, но нормально помешан внутри границ. Каждый знает свои слабые места. Он скрывает, но порой в какой-то стрессовой ситуации человек начинает выходить за пределы нормальных ограничений. Психоанализ полезен для доставки парня обратно в тюрьму — он выбрался из нее.

Но нельзя сказать, что психоанализ, приведенный к своим окончательным следствиям, будет тем же, что и просветление. Просветление это усилие вывести вас за пределы ума, а психоанализ это усилие удержать вас внутри ума. Сами эти процессы противоположны. Эрих Фромм абсолютно неправ.

Время Сардара Гурудаяла Сингха. Дайте свет!

Как-то после обеда в Поданке, Алабама, в начальной школе Линкольна, черная учительница мисс Велкро проводит урок английского.

— Ребята, — говорит мисс Велкро, — сегодня мы напишем одно стихотворение. В нашей теме мы вернемся к своим черным корням в Африке. Я хочу, чтобы вы написали стихотворение, используя известный африканский город Тимбукту.

Следующие десять минут все пишут. А в конце урока мисс Велкро говорит:

— Хорошо, дети, прежде чем идти домой, не хочет ли кто-то прочесть свое стихотворение классу?

Два мальчика, малыш черный Джорж и малыш черный Вашингтон с энтузиазмом тянут вверх свои руки.

— Хорошо, — говорит мисс Велкро. — Джорж, читай свое первым.

Джорж встает и гордо произносит:

Далеко-далеко за морем

сквозь раскаленный песок и жару

черные люди верхом на верблюдах

шествуют по пути в Тимбукту!

Класс громко аплодирует, а потом мисс Велкро говорит:

— Это было очень хорошо, Джорж. Теперь послушаем твоё стихотворение, Вашингтон.

Мальш Вашингтон встает, откашливается и читает:

Раз с моим братишкой Тимом мы охотились в лесу. И вдруг видим: три красотки гольшом спят на ветру.

Оседлав одну проворно, я помчался в Тимбукту!

Мэрин О'Мэрфи получает письмо от своего сына Патрика из колледжа в Дублине:

«Дорогая мама, немедленно вышли мне пятьдесят фунтов. Твой любящий сын Патрик.

P.S. Мне стало так стыдно отправлять тебе это письмо, с просьбой о деньгах, что я послал моего друга Михаила вернуть его назад, но почтальон уже забрал его. Я могу лишь надеяться, что это письмо затеряется на почте!»

Мать отвечает:

«Дорогой сын, не беспокойся, письмо затерялось на почте. Твоя любящая мать Мэрин.

P.S. Я хотела было вложить пятьдесят фунтов, но почтальон уже забрал письмо».

Когда семейство Муггинсов собралось однажды вечером за обеденным столом, молодой Мелвин Муггинс встал, чтобы сделать объявление.

— Я воспользуюсь таким случаем, — начал Мелвин, — чтобы сказать всем вам, что собираюсь жениться на Хильде Хаггард, девушке, которая живет через улицу.

— Что? — восклицает его отец, мистер Муггинс. — Её семья не оставила ей никаких денег!

— Верно! — раздражается миссис Муггинс. — Она не запасла ни пенни!

— Она совсем не разбирается в футболе! — кричит мальш Монти Муггинс.

— Она страшна как смерть! — восклицает малышка Милдред Муггинс. — Я ещё ни у кого не видела таких курчавых волос!

— Верно! — кричит дядюшка Мич. — Весь день она сидит и читает дрянные романы!

— Поглядите только, как она одевается! — восклицает Энти Мейбл. — Никогда не встречала такого ужасного вкуса!

— Это еще ничего! — ворчит бабушка Муггинс. — Видели бы вы, как она разрисовывает свою рожицу!

— Все это так, — спокойно отвечает Мелвин, — но она имеет одно большое преимущество над всеми нами.

— В самом деле? — восклицают все. — Что же это?

— А вот что, — поясняет Мелвин, — у нее нет семьи.

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны... Закройте глаза... и почувствуйте свои тела совершенно застывшими. Это подходящий момент, чтобы войти вовнутрь. С глубокой настоятельностью соберите все свои энергии и сознание, и устремитесь к внутреннему центру вашего существа, который находится точно двумя дюймами ниже пупка, внутри вас. Быстрее и быстрее. Глубже и глубже...

Как только вы приближаетесь к центру, великое безмолвие нисходит на вас, покой, что превосходит понимание. И внутри, у центра, вы впервые сталкиваетесь со своей истинной сутью, с самим своим буддой. Это только присутствие, свет, пламя. Это пламя коренится в извечном огне существования.

Вы были здесь всегда, и вы будете здесь всегда. Только формы меняются, но экзистенциальная истина остается без всякого изменения. Это ваше окончательное бытие. В этой окончательности вас больше нет, но есть целое. Капля исчезла в океане, или океан исчез в капле. Это один из величайших моментов, чтобы стать свидетелем. Свидетельствуйте то, что вы не тело...

Свидетельствуйте то, что вы не ум... Свидетельствуйте то, что вы только чистое свидетельствующее сознание... Чем глубже идет это сознание, тем ближе вы подойдете к своей окончательной природе, будде. Расслабьтесь внутри свидетельствования.

Ниведано...

Лишь молчаливое свидетельствование, и все границы

исчезают. И внезапно аудитория Гаутамы Будды становится

океаном сознания. Десяти тысяч будд нет больше там, лишь единственный чистый огонь осознания. Это и есть ваша истинная природа.

Дзен не религия, это манифест вашей истинной природы.

Это свобода от всех социальных структур.

Это свобода даже от самого себя.

Это чистая свобода.

В этой свободе возникает все созидательное.

Все прекрасное распускается... все значительное.

Милость, которую вы никогда не осознавали, окружает вас.

Аура света следует за вами.

Соберите все эти переживания, прежде чем Ниведано

позовет вас назад.

Не становитесь кем-нибудь, вам нужно просто раствориться

в тотальности существования. В этом уничтожении вы

достигаете высочайшей вершины сознания. На этой вершине

есть свет, есть радость, и есть песня, и есть танец — но там вообще нет «я».

Убедите будду, пламя идти за вами. Он скрывался внутри

вашего существа со времен вечности. Вы никогда еще не

исследовали внутреннее пространство, иначе нет

необходимости, ни в какой религии, и нет необходимости ни

в каком храме.

Само это тело становится храмом.

И само это сознание становится буддой.

Есть три небольших шага...

Первый — попросите будду, внутреннее вечное пламя последовать за вами, чтобы стать частью вашей обычной повседневной жизни.

На втором шаге вы начинаете становиться тенью будды. Он сменяет вас; вы начинаете исчезать.

На третьем шаге даже вашей тени больше нет, только чистое присутствие будды.

Это не достижение, вы уже есть это — вы забыли язык.

Этот Манифест дзен должен просто напомнить вам.

Последние слова Гаутамы Будды были саммасати — воспоминание.

В одном слове содержится все важное: саммасати.

Ниведано...

Возвращайтесь, но возвращайтесь как будды — умиротворенные, молчаливые, раскованные. Посидите несколько секунд с закрытыми глазами, чтобы вспомнить, принять к сведению, где вы побывали, какой глубины вы были способны достичь; каков вкус безмолвия, покоя, каков вкус исчезновения в окончательном...

Последние слова Гаутамы Буллы содержат Манифест дзен:

саммасати. Вспомните, что такое ваше внутреннее пространство. Просто вспомните.

Здесь нечего достигать и нечем становиться. Вы уже есть то, что вы разыскивали во всех своих жизнях, разными путями, на разных дорогах. Но вы никогда еще не заглядывали внутрь.

Загляните. И как только у вас есть время — вы знаете дорогу. Двигайтесь снова и снова во внутреннее

пространство, и ваш страх исчезновения будет отброшен, и

вы начинаете наслаждаться тем, что вы никто, и вы

начинаете вспоминать забытый язык.

Саммасати...

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Возлюбленный Ошо,

У Тозана был, вопрос, излагают ли неодушевленные предметы дхарму. Тозан пришел к Исану, который порекомендовал ему пойти повидать Унгана.

С Ушаном Тозан впервые осознал истину, и он сочинил следующее стихотворение, чтобы записать свое переживание:

«Как удивительно! Как удивительно!

Неодушевленное излагает Дхарму —

Какая невыразимая истина!

Если вы попытаетесь слышать это своими ушами,

Вы никогда не поймете этого.

Только когда вы слышите это через глаза,

Вы на самом деле будете знать это».

Унган спросил его: «Теперь ты счастлив?»

Тозан ответил: «Я не говорю, что я не счастлив,

но мое счастье подобно тому, как некто поднимает

яркую жемчужину из мусорной кучи».

Еще некоторое время после своего просветления Тозан продолжал путешествовать по Китаю. Однажды он достиг Ле Тона и повстречал главного монаха Чу. Чу приветствовал Тозана и

сказал:

«Удивительно, удивительно —

Непостижимы сферы Дао и Будды!»

Тозан отозвался: «Я не знаю об этих сферах. Кто говорит о них?»

Чу промолчал, и Тозан крикнул: «Говори!»

Тогда Чу сказал: «Нет необходимости сражаться по этому поводу. Так упускают».

Тозан ответил: «Если бы это не упоминалось, как могут быть сражение и упускание?»

На это Чу не смог дать ответа. Тогда Тозан сказал:

«Будда и Дао — затем ты будешь рассказывать сутры».

Чу ответил: «Что же сутры говорят об этом?»

Тозан отозвался: «Когда все понятно, слова забываются».

Чу сказал: «Это же болезнь ума».

Тозан спросил: «Эта болезнь легкая или тяжелая?»

Чу не смог ответить Тозану.

САММАСАТИ — ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

10 АПРЕЛЯ 1989 ГОДА аудитория Гаутамы Будды, Пуна, ИНДИЯ

Друзья,

Перед сутрами есть несколько вопросов от саньясинов.

Первый вопрос:

Геста Итал, бывшая известная немецкая актриса, была первой западной женщиной, которую допустили войти в дзенский монастырь в Японии и работать с просветленным мастером.

Она написала две книги о своем пути и своем опыте просветления. Когда я прочел эти книги, у меня было впечатление очень тяжелого и одинокого пути. Пребывание с тобой намного более радостное и игривое. Не расскажешь ли ты что-то об этом различии?

Традиционный дзен тяжел. Он требует двадцати-тридцати лет постоянной медитации, изытия

отовсюду всей вашей энергии и посвящения ее только медитации.

Такая традиция исходит от самого Гаутамы Будды. Ему довелось найти свое просветление после двенадцати лет тя-желой работы.

По сравнению с традиционным дзен, я полностью изменил это, потому что не вижу, как современный человек может посвятить двадцать или тридцать лет только медитации. Если дзен останется таким тяжелым, он исчезнет из мира. Он уже исчез из Китая, он исчезает из Японии, и он давно исчез из Индии. Он оставался в Индии только пятьсот лет после Гаутамы Будды. В шестом столетии он достиг Китая, оставался там только несколько веков, и перебрался в Японию. А сейчас он почти исчез из Китая и Японии.

Вы будете удивлены, узнав, что мои книги изучались в дзенских монастырях. Дзенские мастера писали мне письма: «Возможно, теперь дзен будет существовать в Индии, на своем первоначальном месте. Он исчезает из Японии, потому что люди больше интересуются технологией, наукой».

Такая же ситуация и в Индии. Очень немногих людей интересует внутреннее исследование. Здесь вы можете встретить понемногу людей из каждой страны, но это так немного по сравнению с пятью миллиардами человеческих существ на земле. Десять тысяч — число небольшое.

Дзен должен быть преобразован в метод, которым современный человек сможет заинтересоваться. Он должен быть легок, раскован, он не должен быть тяжелым. Тот ста-рый традиционный тип больше невозможен и не требуется. Если это было исследовано, если один человек стал просветленным, путь становится легким. Вам не нужно открывать электричество снова и снова. Однажды открыв, вы можете начать пользоваться этим — вам не нужно быть великими учеными.

Человек, который открыл электричество, работал над этим почти двадцать лет. Триста учеников начинали с ним, и никого не осталось, потому что это продлилось так долго; все измучились. Но первый ученый продолжал. Он объяснил это своим ученикам так: «Чем больше мы терпим неудач в поисках корня электричества, тем ближе мы подходим к самому корню. Каждая неудача подводит нас ближе к открытию».

И, наконец, однажды ночью в темноте неожиданно засветилась первая электрическая лампочка. Вы не представ-ляете себе радость человека, проработавшего тридцать лет. Его молчание... он благоговел. Он не мог поверить собствен-ным глазам, что, в конце концов, это случилось, электричество было под контролем — «Теперь оно в наших руках, как пользоваться им?»

Его жена позвала его: «Иди спать, уже полночь. Пога-си свет!»

Ей было невдомек, что это был не обычный свет, и ученый позвал ее: «Иди сюда, и ты увидишь первой нечто оригинальное. Ты будешь первой, кого я познакомлю с сек-ретами электричества».

Сейчас вам не нужно трудиться тридцать лет, чтобы узнать об электричестве. Вам не нужно трудиться тридцать лет ради опыта дзен.

Пробуждение будды — очень легкое и спокойное явление. Теперь столько людей пробудились, путь стал четким; он больше не тяжел и не труден. Вы можете играючи войти внутрь и радостно испытать пробуждение осознания. Это не так далеко, как было для Гаутамы Будды.

Для Гаутамы Будды это было абсолютно неизвестным. Он разыскивал это, как слепой, ничего не зная о том, куда он шел. Но он был человеком огромной смелости, который в течение двенадцати лет продолжал поиски, исследуя каждый доступный в его время метод... всех учителей, которые говорили о философии и йоге. Он ходил от одного учителя к другому, и каждый учитель, в конце концов, говорил ему: «Я могу рассказать тебе только это. Больше этого я не знаю сам».

Наконец он остался один, и он отбросил все дисциплины йоги. У него было пять своих учеников, которые считали его великим аскетом. Но когда они увидели, что он отбросил все упражнения йоги, — а он больше не постился, — они бросили его. Все эти пятеро учеников оставили его:

«Он пал со своего пьедестала; он больше не святой; он стал обычным».

Но в этой обычности, когда он отбросил все — просто устав и истощившись — в ту ночь полнолуния, когда пятеро учеников покинули его, он заснул под деревом бодхи, полностью свободный от этого мира и полностью свободный от самого поиска того мира. Впервые он совершенно расслабился: ни желания найти что-нибудь, ни желания стать чем-нибудь. И в этот момент безжеланности он внезапно пробудился и стал буддой. Прозрение пришло к нему в расслабленном состоянии.

Вам не нужно работать двенадцать лет, вы можете начать непосредственно с расслабленного состояния. Оно было последней точкой в путешествии Гаутамы Будды. Оно может быть первой точкой в вашем путешествии.

И первое, что сделал Гаутама Будда после того, как он стал пробужденным — он отправился на поиски тех пятерых учеников, чтобы поделиться тем, что с ним произошло. А когда он добрался до этих учеников... они увидели, как он подходит — это прекрасная история.

Они решили: «Гаутама приближается, но мы не собираемся оказывать ему никакого почтения. Он перестал быть святым; он начал жить спокойной и комфортабельной жизнью».

Но как только Будда приблизился, все пятеро учеников встали. Хотя они и решили не оказывать ему никакого почтения, несмотря на свое решение, они увидели, что Гаутама полностью изменился: «Он больше не тот человек, которого мы знали прежде. Он приближается в такой безмолвии, с такой удовлетворенностью. Похоже, он нашел». И все они коснулись стоп Гаутамы Будды.

И первое, с чем обратился к ним Гаутама Будда, было:

«Если вы решили не обращать внимания на меня, почему же вы оказываете такое почтение?»

Все пятеро попросили прощения. Они сказали: «Мы думали, ты был тем же самым прежним Гаутамой. Мы знали тебя прежде — пять лет мы были вместе, но ты больше не тот самый

человек».

Просветление — это такая трансформация, что вы совершенно иная личность. Старая личность отмирает, и совершенно новое осознание, чистое блаженство, цветение, весна, которой еще никогда не бывало...

Гаутаме Будде потребовалось на это двенадцать лет. Вас не потребуется даже и двенадцати минут. Это просто искусство расслабиться внутри самого себя. В традиционном дзен по-прежнему делается все, что Будда делал в своем неведении, и, в конце концов, они отбрасывают это.

Я говорю вам: почему не отбросить это сейчас же? Вы можете расслабиться в этот самый момент! И в таком расслаблении вы найдете свет, осознание, пробуждение.

То, что происходило с Гестой Итал, не есть неизбежное введение в дзен. Она побывала в компании старых и традиционных мастеров дзен. Я понимаю дзен как самый простой, невинный, радостный метод. В нем нет ничего аскетического, ничего жизнеотрицающего — не нужно отвергать мир, не нужно становиться монахом, не нужно поступать в монастырь. Вам нужно войти внутрь самого себя. Это можно сделать где угодно.

Мы делаем это простейшим возможным путем. И только если дзен станет таким простым, каким я стараюсь его сделать, современный человек сможет им заинтересоваться. Иначе ему предстоит столь многое — сделать так много, исследовать столько путей, его многое отвлекает.

Дзен должен стать такой маленькой игрой, что в то время, когда вы отправляетесь спать — прямо перед этим — за пять минут вы сможете войти внутрь себя и сможете оставаться у самого центра своего существа всю ночь. Вся ваша ночь может стать умиротворенным, безмолвным осознанием. Сон будет в теле, но в глубине будет поток света, с вечера и до утра.

И если вы знаете, что даже во сне определенное осознание может присутствовать внутри вас, тогда целый день, занимаясь всевозможными делами, вы сможете оставаться бдительными, сознательными. Бытие будды должно быть самым нормальным, обычным, простым и человеческим делом.

Второй вопрос:

Не могу выразить словами, как сильно меня всегда трогает красота твоих выражений — в твоих словах, твоих жестах и теперь особенно в твоих картинах. Что же на самом деле

происходит, когда ты сидишь перед пустым листом бумаги? Существуют ли по-прежнему побуждение к созидательному искусству, когда просветлен? Расскажи нам, пожалуйста, о дзен, искусстве и созидании.

Дзен предохраняет тебя от небытия. Он раскрывает все, что есть потенциального в тебе. Если ты обладаешь потенциалом художника, дзен раскроет его — может, ты и не осознавал этого. Если есть потенциал для поэзии, дзен раскроет этот потенциал, и впервые ты начнешь мыслить

стихами, а не прозой.

То же самое верно и относительно музыки, танца или научного исследования. Дзен предоставляет вам подлинные переживания любого рода. Он ничему не препятствует. Он утверждает, это самое утверждающее переживание в жизни. Он просто заставляет вас осознать все то, что скрыто внутри вас, все то, на что вы никогда не смотрели. Он не только заставляет вас осознать, он помогает вам исследовать эту возможность.

Дзен не сухое, подобное пустыне переживание, это очень сочный, прекрасный сад — весна в вашей жизни, где неожиданно начинают распускаться цветы. Человек никогда не знает, что произойдет с ним, когда он становится осознающим. Это не ваше решение, это не выбор. Это безвыборность, простое переживание — вы начинаете движение в определенном направлении. Внезапно это направление становится настолько наполненным жизнью, настолько притягательным, что вы можете посвятить ему все.

Дзен — самое творческое переживание; он не похож на другие религии. Все религии не творческие. Фактически, так называемые святые не занимаются ничем. Они не являются ни великими поэтами, ни великими танцорами, ни великими музыкантами. Но настоящие и подлинные святые, которых совсем немного среди так называемых святых...

Как раз на днях я получил информацию, что нынешний Папа Римский за четыре года своей деятельности назначил более двух тысяч людей святыми. Это сертификат. Он продолжает раздавать сертификаты всевозможным людям, кто может пожертвовать деньги. Сейчас католическая церковь владеет величайшим банком в мире — банком Америки. Католическая церковь владеет самым большим количеством земли в мире — больше, чем какая-либо страна.

Методом прошлого была война, убийство людей. Тысячи людей были убиты только ради того, чтобы завладеть их имуществом; либо их заставляли стать католиками. Один католический император, Константин, перебил десять тысяч человек за один день. Он просто созвал на собрание всех тех, кто не был католиком, в большой аудитории Рима и приказал армии расстрелять всех: «Мы не хотим никого в Риме, кроме христиан». Он заставил всю Италию стать христианской... просто под оружейным прицелом.

Вся история христианства — это войны и больше ничего: убийство и насилие. И то же самое верно по поводу других религий, в меньшей мере; они разрушительны. Они разрушают многими путями. Они разрушают людей сознанием вины, делая их грешниками, заставляя их отвергать мир и все то, что приятно, и понапрасну попадать в трудное положение. Но тех, кто попадает в трудное положение, почитают, а их трудности не могут ничего дать миру — только болезнь, только вину. Все ваши святые насаждают в вас чувство вины.

Таким образом, они разрушают человечество, а другими путями они убивают людей, потому что те не принадлежат к их пастве. Они принуждают людей — либо мечом, либо хлебом. В прошлом они обычно приходили с мечом, теперь они приходят с хлебом. Бедняк был всегда уязвим для обращения — или силой, или подачкой. Но это совсем не религиозность, это чистая политика.

Дзен есть достоверное религиозное переживание. Его подлинность — в раскрытии созидательного в людях. Мастера дзен никогда никого не убивали. Они никого не вынуждали идти их путем; наоборот, вы должны идти к ним. И было очень трудно быть принятым; мастера

были очень разборчивы. Если вы не выказываете огромного желания и стремления, они не станут посвящать вас; вопроса обращения и не возникает.

Вы должны идти к источнику, источник не приходит к вам. Источник даже не приглашает вас, он просто есть — он доступен.

Третий вопрос:

Когда энергия идет внутрь, она превращается в мысли, чувства, эмоции, а когда энергия идет наружу, она превращается в отношения с существами и природой. Но когда энергия не движется внутрь или наружу, она просто есть, пульсирующая, вибрирующая. Тогда она едина с существованием, едина с целым. Есть ли это задзен?

Именно так. Когда энергия просто есть — не идет никуда, просто пульсируя у изначального источника, просто излучая свой свет там, расцветая подобно лотосу, не идя ни вовне, ни внутрь — она просто здесь и сейчас.

Когда я говорю «идти внутрь», я просто говорю: не оставайтесь лишь в голове.

Все общество заставляет вашу энергию двигаться в голову. Все образование заключается в основной технике: как сделать так, чтобы энергия пульсировала только в голове — как сделать вас великим математиком, как сделать вас великим врачом. Все образование в мире заключается в том, как направить энергию в голову.

Дзен просит вас выйти из головы и пойти к основному источнику — откуда система образования повсюду в мире брала энергию, помещая ее в голову и превращая ее в мысли, образы и творческое мышление. Это имеет свое применение. Это не значит, что дзен не знает о применении энергии в голове, но если вся энергия используется в голове, вы никогда не осознаете своей вечности. Может, вы и станете самым великим мыслителем и философом, но так никогда и не узнаете — на опыте — что есть жизнь. Вы так никогда и не узнаете на опыте, что значит, быть единым с целым.

Когда энергия прямо у центра, пульсирующая... Когда она не движется никуда — ни в голову, ни в сердце — но у самого источника, откуда сердце берет ее, голова берет ее... пульсирующая у самого источника — вот истинный смысл задзен.

Задзен означает просто сидеть у самого источника, не двигаясь никуда. Возникает потрясающая сила, трансформация энергии в свет и любовь, в более великую жизнь, в сострадание, в творчество. Она может принять многие формы, но сначала вам надо научиться, как быть у источника. Потом источник будет решать, где ваш потенциал. Вы можете расслабиться у источника, и он приведет вас к вашему истинному потенциалу. Это не означает, что вам надо навсегда перестать думать, это просто значит, что вам нужно быть осознающими, бдительными и способными двигаться к источнику. Когда вам необходима голова, вы можете переместить энергию в голову, а когда вам нужно любить, вы можете переместить энергию в сердце.

Но вам нет необходимости думать двадцать четыре часа. Когда вы не думаете, вы должны

расслабиться снова в своем центре — это сохраняет человека дзен постоянно наполненным, бдительным, радостным. Блаженство окружает его; это не действие, это просто излучение.

Задзен есть стратегия дзен. Буквально это означает просто сидеть. Сидеть где? Сидеть у самого источника. И время от времени, если вы продолжаете сидеть у источника, вы можете управлять всей ментальной деятельностью без всякой помехи, вы можете управлять всей сердечной деятельностью безо всякого затруднения. И все же, когда у вас есть время, вам нет необходимости понапрасну думать, вам нет необходимости понапрасну чувствовать, вы можете просто быть.

Просто быть - есть задзен.

А если вы можете просто быть — лишь несколько минут за двадцать четыре часа — этого достаточно для того, чтобы вы были внимательны к своей природе будды.

Перед сутрами — небольшой биографический комментарий.

Тозан Рекой, ученик Унгана, родился в Китае в 807 году и умер в 869 году. Первоначально он был членом секты Виная, но позже заинтересовался дзен и отправился в путешествие на поиски мастера.

Секта Виная — это буддийское наименование людей, которых интересуют писания, слова мастеров, философский и научный путь. Они ментально активны, но они не движутся в переживание сами. Они собирают как можно больше знания, они становятся очень мудрыми. Они знают все ответы, которые есть в сутрах, но у них нет ни малейшего собственного переживания.

Тозан был первым ученым, изучившим всю литературу — а буддизм обладает величайшей литературой в мире. По сравнению с любой другой религией у него больше писаний.

Как только Гаутама Будда умер, его ученики разделились на тридцать две ветви. Сразу же возникло тридцать два направления учения, писаний и сутр, претендующих на подлинность, претендующих на то, чтобы быть единственно верными. Проблема заключалась в том, что сорок два года Гаутама Будда учил, утром и вечером — одни люди слышали одно, другие слышали другое.

Сорок два года он постоянно двигался из одного места в другое. Очевидно, там были разные люди, которые слышали разные вещи от него, и они составляли сутры. Сразу же возникли тридцать две ветви. Гаутама Будда не написал ни единого слова, но каждая ветвь претендовала на подлинность: «Это и есть то, что сказал Будда...»

Очень трудно сейчас узнать, что на самом деле было сказано Гаутамой Буддой, а что было добавлено учениками. Поэтому и существует великая наука в буддийском мире;

люди исследуют писания, пытаются найти, что подлинно, а что нет.

Совсем недавно наука того же рода возникла в Европе. Профессора и самые образованные христиане сформировали особый комитет — «Библейские ученые». И они теперь исследуют,

что же в точности было сказано Иисусом, а что было добавлено другими — что вымысел, что миф, что истина.

Всего несколько дней назад Папа Польский объявил всем католикам мира: «Не слушайте «библейских ученых» — потому что «библейские ученые» убирают многие вещи, которые прибавляли к Библии, которые не подлинны. События, чудеса, девственное рождение, Воскресение. . «Библейские ученые» убирают все это. Считается, что они — самая образованная группа в Европе, интересующаяся Библией.

Они встречаются каждые несколько месяцев и обсуждают доклады. Если вы послушаете их, почти что девяносто процентов Библии исчезнет. И они абсолютно правы, потому что первым делом они исследуют корни — откуда исходит эта поговорка, это утверждение, это евангелие. Некоторые корни восходят к древним языческим писаниям, и эти писания были уничтожены, так что никто не может доказать, что Иисус когда-либо говорил эти вещи.

Даже идея девственного рождения более древняя, чем Иисус. Существовал языческий бог, римский бог, который считался рожденным от девственницы, и с тем же самым богом случилось распятие. И с тем же богом связана идея Воскресения. Все это было взято и собрано в Библию. Язычники уничтожались, их храмы сжигались, их писания были уничтожены. Сейчас эти «библейские ученые» пытаются найти способы и методы раскрыть из современной литературы факты о том, когда же жил Иисус.

Одно из евангелий было написано в Индии — пятое евангелие от Фомы. Его не включили в Библию просто потому, что его не было в распоряжении Константина, который подбирал евангелия и решал, что включать, а что — нет. Именно благодаря нему, все эти идеи, мифология и вымыслы были добавлены к жизни Иисуса.

То же самое верно и насчет буддийской литературы: многое заимствовано из индуистской литературы; многое заимствовано из джайнской литературы, поскольку они были современными. И несколько современников Будды не оставили после себя литературы, но они тоже учили в тех местах, где учил Будда, поэтому многие из их учений подбирались и перемешивались с учениями Гаутамы Будды.

В дзен существует очень научная традиция, выяснения подлинных высказываний Будды. Но даже если вы и можете найти, где оригинальное утверждение, а где нет, это не значит, что вы можете стать просветленным. Может, вы и знаете точно, что говорил Будда, но это никак не меняет вашего сознания.

Тозан был первым ученым, и он обнаружил, что как бы вы ни старались узнать и найти оригинальные источники, вы по-прежнему остаетесь невежественными. Вы становитесь великим знатоком, но в глубине вы ничего не знаете о себе самом. А вопрос не в том, чтобы узнать, что сказал Будда, вопрос в том, чтобы узнать своего собственного внутреннего будду, собственное внутреннее сознание.

После пребывания в ученой секте Виная он стал интересоваться дзен. Он оставил ученый мир и отправился в путешествие, чтобы найти мастера. Он был с учителями, великими учеными, но никто из них не был мастером.

А мастеру не требуется быть ученым — в этом нет нужды. Он может быть ученым просто случайно. Что необходимо и существенно, так это его собственное знание, его собственный опыт.

Поэтому он отправился на поиски человека, который сам знает, что есть истина, и который может показать ему дорогу к ней.

Сутра:

Возлюбленный Ошо,

У Тозана был вопрос, излагают ли неодушевленные предметы дхарму. Тозан пришел к Исану, который порекомендовал ему пойти повидать Унгана.

Его вопрос состоял в том, излагают ли неодушевленные объекты мира дхарму, окончательную истину — можете ли вы найти в объективном мире окончательную истину.

Это именно то, что пытается делать наука — пытается найти окончательную истину в объектах. Вы не можете найти ее в объектах. Но это часть дзенской традиции, к тому же...

Исан и сам был мастером, но он порекомендовал Тозану пойти повидать Унгана, видя, что Тозан был ученым. Исан не был ученым — он был мастером, он узнал свою собственную суть будды. Но увидев, что этот Тозан должен был задать философские вопросы, он отправил его к Ушану, который был мастером и ученым.

С Унганом Тозан впервые осознал истину, и он сочинил следующее стихотворение, чтобы записать свое переживание:

«Как удивительно! Как удивительно! Неодушевленное излагает Дхарму — Какая невыразимая истина!»

Унган велел ему быть в молчании. А как только вы умолкаете, все вокруг вас начинает излагать истину: деревья и горы... все объекты вдруг воспламеняются, возгораются истинной. Если вы молча сидите у своего собственного источника бытия, тогда все в мире показывает вам высшее.

Когда он нашел свой источник, он написал это стихотворение:

«Как удивительно! Как удивительно! Неодушевленное излагает Дхарму - Какая невыразимая истина!

Если вы попытаетесь слышать это своими ушами,

Вы никогда не поймете этого.

Только когда вы слышите это через глаза,

Вы на самом деле будете знать это».

Он говорит о третьем глазе. Когда вы идете внутрь... ваша энергия в голове. Сначала она должна

пройти через третий глаз. Двигаясь глубже, она будет проходить через сердце, четвертый центр — а вся энергия в первом центре. Оттуда она может взойти обратно к седьмому центру в голове.

Но если вы останетесь подвешенными только в седьмом центре, вы никогда не узнаете из опыта, что такое истина. Вы должны опуститься к глубинам, к долинам своего существа. Вы должны добраться до самих корней, которыми вы соединены с целым.

Унган спросил его: «Теперь ты счастлив?» Тозан ответил: «Я не говорю, что я не счастлив, но мое счастье подобно тому, как некто поднимает яркую жемчужину из мусорной кучи».

Еще некоторое время после своего просветления Тозан продолжал путешествовать по Китаю.

Он говорит, что пока вы не увидите этого сами, нет другого пути, узнать это. Вы не можете слышать это от кого-то другого. Будда не может проповедовать это вам, мастер не может обучить вас этому. Все они могут лишь делать знаки. Все они могут лишь указывать пальцем на луну, но палец — не луна. Вы должны перестать смотреть на палец и начать смотреть на луну. Когда вы посмотрите на луну сами, вы узнаете ее красоту. Вы не можете узнать эту красоту, глядя на палец, указывающий на луну.

Все знание указывает на луну. Все сутры, все писания указывают на луну — это лишь пальцы. Люди цепляются за пальцы, они совершенно позабыли, что не в пальцах дело. Луна далеко, палец лишь указывает на нее. Не цепляйтесь за палец; забудьте о пальце. Забудьте все знание, все писания, посмотрите на свою истину сами.

Дело не в ваших ушах, дело в вашем истинном глазе, вашем внутреннем глазе. Пока вы не заглянете внутрь... вы не сможете узнать это, слушая или читая. Стать знающим не значит стать буддой, но стать невинным ребенком, достигая истоков, играя, без всякой серьезности, радостно и весело, танцуя... Возьмите свою энергию к самому источнику, и ос-таньтесь там всего на несколько мгновений, и вас наполнит новое переживание, которое продолжает расти с каждым днем.

Скоро вы обнаружите, что наполнены светом — не только наполнены, но свет начинает струиться вокруг вашего тела. Вот это и есть то, что было названо аурой, и то, что Вильгельм Райх старался доказать научно. Но его посадили в сумасшедший дом, потому что люди не могли понять, о чем он говорил: «О каком еще излучении он рассказывает?»

Но теперь кирлианская фотография в состоянии заснять вашу жизненную ауру вокруг тела. Чем вы здоровее, тем больше аура. Когда вы счастливы, она танцует вокруг вас;

когда вы несчастны, она сжимается. Когда несчастный человек становится объектом кирлианской фотографии, на фотографии нельзя было найти никакой ауры — аура сокращается. Но когда он фотографировал детей, танцующих и наслаждающихся, радостно срывающих цветы или собирающих камешки на морском берегу, он обнаруживал потрясающую ауру вокруг них.

Такая же аура обнаруживалась и вокруг будд. И это почти сверхъестественно, что несмотря на

недоступность фотографии во времена Будды или Кришны — картины, статуи, все они обладают аурой: круговая аура около головы.

Когда вы увидели свой собственный источник жизни, вы начинаете видеть тот же самый свет, исходящий от каждого объекта в мире, каждого человека в мире. Вы можете увидеть по ауре, несчастен человек или счастлив.

Его мастер, Унган, спросил у него: «Теперь ты счастлив?»

Тозан был ученым, и он знал, как говорит будда. И вот он сам пережил это — это видно из его ответа. Он говорит: «Я не говорю, что я не счастлив, но сказать «я счастлив» — значит сделать из этого самое обыкновенное утверждение. Сказать, что я счастлив — не будет чем-то выдающимся, а то, что я обнаружил, так грандиозно, что не может быть описано словом «счастье», это гораздо большее. Поэтому я не буду говорить, что я не счастлив. Ты должен понимать, это нечто большее, чем счастье. Слова не могут описать его. Только так я могу высказаться: я нашел яркую жемчужину в мусорной куче».

То, что он называет «мусорной кучей» — это его ученость. Он понапрасну накопил так много знания, и все это знание лишь загромождало и скрывало изначальную сущность — ваши истинные корни в существовании.

Это не обыкновенное счастье, фактически нет слова, которое может описать это. «Блаженство» подходит ближе, еще ближе подходит «благословение», еще ближе подходит «экстаз». Но выше этого слова нет; переживание гораздо глубже самого экстаза.

Еще некоторое время после своего просветления Тозан продолжал путешествовать по Китаю. Однажды он достиг Ле Тона и повстречал главного монаха, Чу. Чу приветствовал Тозана и сказал:

«Удивительно, удивительно. Непостижимы сферы Дао и Будды!»

Чу приветствовал Тозана, и приветствуя его, сказал:

«Удивительно, удивительно — непостижимы сферы Дао и Будды! Я вижу в тебе истинную встречу Будды и Дао».

Это одно и то же переживание. Тозан отозвался: «Я не знаю об этих сферах, про которые ты говоришь. Кто говорит о них?»

Он указывает Чу, что это - за пределами слов; «Загляни внутрь себя. Кто говорит эти слова? Откуда эти слова при-ходят? Тот источник за пределами слов».

Чу промолчал, и Тозан крикнул: «Говори!» Тогда Чу сказал: «Нет необходимости сражаться по этому поводу. Так упускают».

Тозан ответил: «Если бы это не упоминалось, как могут быть сражение и упускание?»

На это Чу не смог дать ответа.

Тогда Тозан сказал: «Будда и Дао — затем ты будешь рассказывать сутры».

«Сначала ты упоминаешь Будду и Дао, а потом начнешь говорить о сутрах. Если ты начнешь говорить, этому не будет конца, а вещь, про которую ты пытаешься рас-сказывать, за пределами слов».

Чу ответил: «Что же сутры говорят об этом?»

Тозан отозвался: «Когда все понятно, слова забываются».

Чу сказал: «Это же болезнь ума».

Тозан сказал: «Эта болезнь легкая или тяжелая?»

Чу не смог ответить Тозану.

Это и было причиной того, что Исан отправил его к Унгану. Он был человеком великой учености, и если он обна-ружит своего собственного будду, он станет очень большим мастером. Обыкновенные учителя даже не будут в состоянии понимать его. Чу был обычным учителем Дао и буддизма. А вы видите, что Тозан отрицал даже Будду и Дао. Такие слова лишь указывают, они не описывают. И он сказал Чу: «Если ты продолжишь, скоро ты заговоришь о сутрах».

Посмотрите на его философский подход. Теперь, когда он нашел истину, очень трудно для кого-нибудь, кто просто ученый, даже разговаривать с ним. Он будет в состоянии победить любого ученого человека очень легко.

Видя, что Тозан говорит то, что даже Будда и Дао не есть в точности это переживание. Чу, как учитель, сказал: «Что же сутры говорят об этом?» Он по-прежнему говорит в сутрах: «Что говорят сутры про это неведомое, невыразимое? Ты указываешь на то, что за пределами Будды и за пределами Дао».

Тозан сказал: «Когда все понятно, слова забываются». Когда ты узнал это, когда ты вкусил это, ты становишься молчаливым». Конечно, учитель не согласится с этим.

Чу, в гневе, сказал: «Это же болезнь ума».

Тозан сказал: «Эта болезнь легкая или тяжелая?»

Какого рода болезнь? Это не болезнь, но учитель огра-ничен умом. Скажите нечто, что за пределами ума, и это будет просто бессмыслицей. Вы больны, вы безумны, вы ненормальны. Учитель ограничен умом, мастер за пределами ума.

Чу не смог дать ответа на вопрос Тозана, была ли эта болезнь легкой или тяжелой.

Однажды монах Ахинобо отправился навестить поэта, своего друга.

За разговором тот упомянул, что составил сборник стихов — по одному на каждый день года. Он

прочитал ему стихотворение:

Четвертый день Нового года;

Есть ли день лучше, чтобы покинуть мир?

Тот самый день был четвертым днем первого месяца 1718 года.

Но раньше, чем тот закончил чтение строфы, Ахинобо кивнул головой и умер.

Мастера дзен знают, как жить, и знают так же, как умирать. Они не воспринимают всерьез ни жизнь, ни смерть. Серьезность — это болезненный способ смотреть на существование. Совершенный человек будет любить жить и будет любить умирать. Его жизнь будет танцем, а его смерть будет песней. Не будет различия между жизнью и смертью.

Вопрос Маниши:

Возлюбленный Ошо,

Философ Карл Ясперс пишет в третьем томе своей книги «Философия»: «Задавая настоящие вопросы по поводу реальности, человек, очевидно, уже обдумал, исследовал и сориентировался через различия... Реальное это то, что может быть измерено, то, что наши чувства могут воспринимать в пространстве и времени согласно правилам, то, что можно проверить или рассчитать, по крайней мере, соответствующими мерками».

Пожалуйста, прокомментируй.

Маниша, Карл Ясперс — великий философ, но он не мастер. Он говорит об определении материи. На самом деле, слово «материя» происходит от санскритского слова матра. Матра означает то, что может быть измерено. Материя означает то, что может быть измерено. А то, что не может быть измерено — это ваша реальность.

Карл Ясперс принимает реальность за материю. Материя реальна, но реальность гораздо больше, чем материя; она к тому же включает сознание, которое не измеримо. Вам не измерить его никакими средствами. Сколько футов сознания у вас есть, или сколько миль, или сколько килограммов?..

Материя — это то, что может быть измерено, а сознание — это то, что не может быть измерено. И Ясперс ограничивает себя материей как единственной реальностью. Он абсолютно неправ. Насчет материи он прав, но по поводу реальности он ошибается, потому что реальность намного больше, чем материя.

Даже Карл Ясперс не может сказать, сколько килограммов сознания у него есть. Нет пути, измерить сознание. И, безусловно, даже Карл Ясперс не может отрицать то, что у него есть сознание. Кто отрицает?

Мне вспоминается небольшая история про Муллу Насреддина...

Он рассказывал про свою щедрость друзьям в ресторане. Друзья сказали: «Ты только говоришь о

щедрости, но мы никогда еще не видели никакого щедрого поступка с твоей стороны. Ты даже не приглашал нас на чашку чая».

Мулла сказал: «Пойдем! Я приглашаю всех — всю компанию в ресторан. Пойдем ко мне обедать».

Они поверить не могли этому! Они знали, что это был самый скупой человек. Его просто поймали на том, что он хвастал о своей щедрости.

Когда они приблизились к его дому, Насреддин вспомнил о своей жене, и понял, что он доставил себе ненужные хлопоты. Как теперь ему было убедить свою жену? Во-первых, он пошел утром принести овощей и не возвращался до вечера, и вот пришел с толпой людей.

Поэтому он сказал компании: «Вы знаете, что между мужем и женой бывают проблемы. Подождите снаружи несколько минут. Позвольте мне сначала войти и объяснить жене, что я пригласил нескольких друзей».

Итак, он вошел, прикрыл двери и рассказал жене, что по ошибке пригласил компанию: «Теперь ты должна помочь мне».

Жена сказала: «Что же я могу сделать? В доме ничего нет — ты пропадал весь день... нет даже овощей».

Мулла Насреддин сказал: «Дело не в этом. Иди к двери и спроси людей, почему они толпятся там. Само собой, они скажут, что это я пригласил их на обед. Ты прос-то отрицай это. Скажи просто: «Муллы Насреддина не было дома с утра». Иди и скажи им: «Уходите. Его здесь нет»».

Жена была обескуражена, но что-то нужно было сделать. Она открыла дверь, а Мулла Насреддин наблюдал за происходящим из окошка второго этажа. Жена сказала: «Его нет в доме. Кого вы ожидаете?»

Они сказали: «Он пришел с нами и вошел перед нами. Мы все свидетели. Он пригласил нас на обед — возможно, вы не знаете, но он уже вошел в дом».

Жена сказала: «Его нет в доме».

Они сказали: «Это странно. Мы пришли с ним. Он велел нам подождать здесь. Сходите и найдите его. Очевидно, он внутри, наблюдает или ищет вас».

Жена не хотела пускать их внутрь. Компания пыталась войти. Компания говорила: «Мы все друзья вашего мужа. Позвольте нам посмотреть!»

Мулла, видя ситуацию, закричал с верхнего этажа:

«Это абсолютный вздор! Если она говорит, что его нет, значит, его нет! Как вам не стыдно пререкаться с бедной женщиной? Он мог прийти с вами, но мог и выйти снова через заднюю дверь».

А говорил он сам...

Спросите у Карла Ясперса: «У вас несчастное сознание?» Если он отрицает, что у него есть сознание, тогда кто это отрицает? Либо он должен отрицать его, либо он должен признавать его, но в любом случае даже его отрицание будет доказательством сознания.

Эта странность свойственна не только Карлу Ясперсу, но и всем философам на свете. Они продолжают говорить, что только материя существует, потому что материя может быть переживаема глазами, ушами, руками, всеми вашими чувствами. Она может быть измерена, следовательно, это единственная реальность. Но истина в том, что даже те, кто отрицает существование неизмеримого, признают, хотя бы своим отрицанием, сознание. Иначе кто же отрицает?

Самое изумительное, что такой великий интеллектуал, как Карл Ясперс, очень уважаемый философ этого столетия, говорит как глупец. Но все философы говорят как глупцы. Его высказывание, что реально только то, что можно измерить, является абсолютно ошибочным. То, что может быть измерено — это материя, а то, что не может быть измерено, тоже реально, но это сознание.

Мы ищем неизмеримое. Измеримое можно оставить ученым. Мистиков интересует неизмеримое.

Теперь время Сардара Гурудаяла Сингха...

Капитан по прозвищу Треска, старый пират, в пивной «Пьяная чайка» однажды ночью рассказывал истории из своей морской жизни.

— Был у меня попугай, — заявил он, допивая свой ром. — Это была просто невероятная птица! Он мог имитировать что угодно — Чарли Чаплина, Джека-потрошителя, Мерлин Монро, Папу Польского... даже Нэнси Рейган!

— УХ ты! — восклицает бармен Игорь. — Где же он? Что с ним случилось?

— Эх! — вздыхает старый пират. — Суровое было время, я голодал — вот и съел его!

— Ты сожрал своего попугая? — восклицает Игорь с отвращением. — Каков же он на вкус?

— По вкусу он был в точности как индейка, — отвечает капитан Треска. — Этот попугай мог имитировать что угодно!

Пэдди засиделся в пивной до поздней ночи, и когда она закрылась, он вышел, шатаясь, в пьяном угаре. Он блуждал по улицам, стараясь вспомнить, как попасть домой, и, в конце концов, сдался. Пэдди уселся посреди улицы, озираясь вокруг, как вдруг рядом с ним остановилось такси.

— Ох! — стонет Пэдди, карабкаясь и устраиваясь на заднем сиденье. — Подвезешь меня на улицу Фергюс номер пять?

Водитель оглядывается на Пэдди и отвечает.

— Эй, мистер, это и есть улица Фергюс номер пять!

— Ох! — стонет Пэдди. — В следующий раз не вези так быстро!

Туманным утром в Австрии, в Вене, двое известных психоаналитиков, доктор Зигфрид Майнд и доктор Крейзи Карл Конг, встречаются в маленьком кафе. (англ. Mind — ум, Crazy — безумец)

Стол накрыт кофе и пирожными с кремом. Вдруг доктор Конг вскакивает, хватая Зигфрида за шею и трясет его.

— Мы обязаны поехать на этот раз! — кричит Карл. — Мы пытались уже шесть раз! Мы обязаны поехать к египетским пирамидам увидеть мумии!

— Мумии? — вопит Зигфрид, падая в глубоком обмороке на пирожные с кремом.

Доктор Конг льет кофе на голову доктору Майнду, пока тот не приходит в себя.

— Пошли, Майнд, — приговаривает доктор Конг, хлопая его по щекам. — Мы можем сделать это! Мы должны исследовать эту тайну смерти!

— Смерть? — вопит Майнд, и снова падает в тарелку с пирожными.

Через полчаса в Венском аэропорту доктор Крейзи Карл Конг тащит за воротник доктора Зигфрида Майнда на каирский самолет.

— Пойдем, Майнд! — покрикивает Крейзи Конг, пыхтя и отдуваясь. — Мы зашли так далеко, мы должны увидеть эти мумии!

— Мумии? — вопит Зигфрид, валясь без сознания на стюардессу Нелли Кникерс.

Конг и Нелли дотягивают Майнда до сиденья и пристегивают ремнем. Самолет взлетает, и три часа спустя, достигает земли пирамид. Конг ведет бормочущего доктора Майнда к прокату верблюдов, на которых им нужно добраться к могилам фараонов.

Доктор Конг кричит проводнику Абдулле Бабулу:

— Вези нас к мумиям!

— Мумии! — вопит Майнд, теряя сознание и падая со своего верблюда носом вперед, прямо в песчаные дюны.

Через два дня известные психоаналитики и их верблюды прибывают к огромным пирамидам. Доктор Конг спрыгивает на землю, поджигает факел, хватая доктора Майнда за ворот и начинает тянуть его во тьму таинственных склепов.

Неожиданно в темноте доктор Конг спотыкается обо что-то.

— Что это? — вопит Майнд.

— Все в порядке — всего лишь дохлая кошка! — восклицает доктор Конг.

— Смерть! — вопит Майнд. И падает в холодном обмороке.

— Соберись, доктор! — кричит Конг. — Мы почти у цели!

И Конг хватает Зигфрида за ботинки и тащит его за ноги к золотому гробу.

— Вставай! — кричит доктор Конг, прислоняя Майнда к стене и вручая ему горящий факел.

Потом Крейзи Карл Конг напрягается и поднимает тяжелую скрипящую крышку гроба. Крышка падает наземь с оглушительным грохотом, и когда пыль рассеивается, остается доктор Конг с широко открытым ртом, пристально разглядывающий привидение, представшее его глазам.

Он оборачивается, хватая застывшего доктора Майнда за ворот и нагибает его лицом к гробу.

— Вот! — кричит Конг с триумфом. — Это и есть мумия!

— Мумия? — вопит Зигфрид. Но он просто таращится, не веря, с выпученными глазами.

— Мумия? — вопит он снова. — Пожалуй, это больше похоже на пупию! (англ. mummy — мумия, mammy — мама)

Пора, Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны...

Закройте глаза...

и почувствуйте себя совершенно застывшими,

Это подходящий момент, чтобы войти внутрь.

Соберите всю свою энергию, все свое тотальное сознание и

устремьтесь к внутреннему центру с глубокой

интенсивностью и настоятельностью.

Центр находится прямо в двух дюймах под пупком,

внутри тела.

Быстрее... и быстрее... Глубже... и глубже...

Как только вы приближаетесь к центру существа, великое безмолвие нисходит на вас, а внутри покой, блаженство, свет, который заполняет вас изнутри целиком. Это и есть ваше изначальное существо. Это и есть ваш будда.

В этот момент свидетельствуйте то, что вы не тело, не ум, не сердце, а просто чистое свидетельство, чистое сознание.

Это и есть ваша суть будды, ваша скрытая природа, ваша встреча с вселенной. Это и есть ваши корни. Расслабьтесь...

Ниведано...

Расслабьтесь... и просто побудьте молчаливым свидетелем. Вы начинаете таять как лед в океане. Аудитория Гаутамы Будды становится океаном сознания. Вы больше не разделены — это и есть ваше единство с существованием. Быть единым с существованием значит быть буддой — это сама ваша природа. Это не вопрос поиска и нахождения, вы есть это, прямо сейчас.

Соберите все цветы, благоухание, пламя и огонь, неизмеримое, и принесите это с собой, когда возвратитесь.

Ниведано...

Возвращайтесь умиротворенно, безмолвно, как будда.

Всего на несколько секунд закройте глаза, и вспомните путь и источник, который вы нашли, и природу будды, которую вы испытали.

В этот миг вы самые благословенные люди на земле.

Вспоминать себя как будду — это самое драгоценное переживание, потому что это ваша вечность, это ваше бессмертие.

Это не вы, это само ваше существование. Вы едины со звездами, и деревьями, и небесами, и океаном. Вы больше не разделены.

Последнее слово Будды было — саммасати.

Помните то, что вы будда — саммасати.

Хорошо, Маниша?

Да, Ошо.

Это последние слова, сказанные Ошо своим, ученикам.

Перевод: Свами дхиян Муниндра